

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области
«Государственный социально-гуманитарный университет»

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Сборник научных статей IX Всероссийской научной конференции
(Коломна, 23 апреля 2021 года)

Коломна
2021

УДК 1:930.1 (063)
ББК 60.03 я431
Ф 56

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом
ГСГУ

Рецензенты:

ЛАРИНА О.В. – кандидат философских наук,
доцент кафедры гражданского права Коломенского института (филиала)
ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»
НИКИФОРОВА А.А. – кандидат философских наук,
доцент кафедры эстетики и этики Института философии человека
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»

Ответственный редактор:

КАЛАШНИКОВ С.Г. – кандидат философских наук, доцент

Ф 56 Философия и методология истории: сборник научных статей
IX Всероссийской научной конференции, Коломна, 23 апреля 2021 г. //
Отв. ред. С.Г. Калашников. – Коломна: ГСГУ, 2021. – 321 с.
ISBN 978-5-98492-500-6

В сборнике представлены научные статьи, отражающие проблемы теории и методологии исторического исследования, взаимодействия истории и общества, а также вопросы преподавания истории в средней и высшей школах. Содержание статей носит дискуссионный характер и не всегда совпадает с точкой зрения оргкомитета и редакционной коллегии сборника.

Сборник предназначен преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся философией истории, историческим знанием.

УДК 1:930.1 (063)
ББК 60.03 я431

ISBN 978-5-98492-500-6

© ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
-------------------------	----------

I. ОНТОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Буллер А., Линченко А.А.	На пути к исторической этике: ценностное отношение к прошлому в исторической науке и философии истории.....	7
Бутенко С.В.	Историческая память как основополагающая компонента феномена идентичности (социально-индивидуальное измерение).....	23
Верещагин О.А.	Контекстуализм и его теоретико-методологические основания в историологии и философии истории.....	30
Волков Ю.К.	Смысл истории как рефлексия ее целевой детерминации.....	38
Воронова Н.И.	Утешение мифологией или неизбежность историко-культурного мифотворчества.....	47
Демин И.В.	Герменевтическая феноменология Густава Шпета и онтологический поворот в философии истории...	54
Кукарников Д.Г.	Г. Маркузе и Э. Фромм: две версии осмысления исторического опыта.....	62
Куприянов О.С.	Критический подход к философии истории в трудах русских религиозных философов.....	72
Ларина О.В.	Методология перевода исторических терминов.....	82
Рыбаков С.В.	Традиции русской историософии против шаблонов западного теоретизма.....	88
Сыров В.Н.	О детерминизме в истории.....	100
Трубников В.М.	Исторический факт и художественный образ в процессе исторического познания.....	112

II. СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Бирюков А.М.	Нюрнбергский процесс: политические оценки и проблемы изучения.....	125
ван Хааске Л.А.	Применение юридических документов в исследованиях в области исторической имагологии.....	132
Васильева О.Б., Погодина О.А.	К вопросу об эволюционных возможностях парадигмы модернизации на современном этапе....	141
Горобий А.В.	Лингвистические модели развития истории понятий в Германии.....	160

Давыдов В.А.	Значение публичной истории в формировании исторической памяти.....	169
Исакова Л.В.	Густав Эверс о крестьянском вопросе в Прибалтике.....	177
Калинина Е.Ю.	Имагология и герменевтика в историко-правовой науке: образы государства и права и их интерпретация.....	184
Калашников С.Г.	Бои за public history.....	192
Киселева О.А.	О методологических подходах российских ученых к изучению истории революции мануфактурной эпохи.....	198
Кожевникова О.Н.	Социально-историческая детерминация в осмыслении «семейного вопроса» представителями духовно-академического теизма в конце XIX – начале XX века.....	206
Корнющенко-Ермолаева Н.С.	Диалектика отношений памяти и истории: pro et contra.....	210
Костякова Ю.Б.	Использование интернет-ресурсов в реконструкции биографий исторических персон....	214
Малинов А.В.	Историологические истоки «культурологии».....	223
Мапельман В.М.	Особенности современного изложения истории науки.....	229
Михальченко С.И.	Сравнительно-исторический метод в методологии историков права киевской школы.....	239
Никифорова А.А.	Эволюция музея: от коллекции древностей к виртуальной персоне (образ музея в социальных сетях на примере Калининградского областного музея янтаря).....	245
Щербакова Л.В.	Изучение истории рода как базовый принцип изучения истории страны.....	256

III. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Андреева Е.Н.	К вопросу о влиянии личности ученого-историка на современное общество.....	264
Гребенкин А.Н.	Реализация проекта «Без срока давности»: методологические и педагогические аспекты	269
Гришук Н.В.	Интеграция в историческом образовании: проблемы и приёмы эффективной реализации.....	280
Жиркова Т.М.	Учебно-ознакомительная практика бакалавров в условиях реализации ФГОС.....	287
Петухова О.А.	«На первом месте мы ставим воспитательные цели и содержание образовательного материала ими определяем и им подчиняем»: к 100-летию начала	295

	преподаванию обществоведения в отечественной школе.....	
Погодина О.А., Васильева О.Б. Ярцев С.В.	Феномен детского философствования и философская пропедевтика.....	304
	Проблема совместимости истории как науки и как учебной дисциплины при организации и проведении музейной практики студентов-историков в ТГПУ им. Л.Н.Толстого.....	312
	ОБ АВТОРАХ.....	318

ПРЕДИСЛОВИЕ

В классической и современной философии и методологии науки вопросы исторического знания всегда были актуальны, злободневны, вызывали горячие споры и дискуссии, так как затрагивали не только теоретические, но и практические аспекты человеческого бытия. Приятно отметить, что посильный вклад в решение данных вопросов вносит небольшой, но сплоченный коллектив кафедры философии, истории, политологии и права Государственного социально-гуманитарного университета.

Начиная с 2005 года, по нечетным годам проводятся Всероссийские научные конференции «Философия и методология истории». В этом году конференция будет проходить в девятый раз. Высокий уровень научного мероприятия подтверждается широким представительством научно-философского сообщества многих регионов России, зарубежья. Отрадно отметить, что большинство участников конференции занимают высокие должности, имеют звания кандидатов и докторов наук, представляют не только философию и историю, но и филологию, культурологию, психологию, педагогику, экономику и другие науки. Это говорит о том, что проблема актуальна и нуждается в комплексном изучении.

Проблемы, выносимые на обсуждение участников конференции, не повторяются. Организаторы внимательно отслеживают основные тенденции в развитии исторической эпистемологии, онтологии, междисциплинарных исследований, преподавания социогуманитарных дисциплин в образовательных учреждениях, предлагая коллегам высказаться по классическим и современным темам философии и методологии истории.

Значим также тот факт, что проводимые в вузе конференции «Философия и методология истории» являются единственным в стране системным многолетним проектом в данной области. К сожалению, в этом году из-за пандемии коронавируса нет возможности провести конференцию в очном формате. Но даже дистанционная форма не создаст преград для конструктивного общения.

Искренне надеюсь, что данная и все последующие конференции окажутся полезными для ее участников и станут дополнительным стимулом для поиска и открытий исторических истин, залогом успешной научной и педагогической деятельности.

*Заведующий кафедрой
философии, истории, политологии и права ГОУ ВО МО «ГСГУ»,
Почетный работник ВПО РФ,
Заслуженный работник образования Московской области
С.Г. Калашиников*

I. ОНТОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ

НА ПУТИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ: ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРОШЛОМУ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ*

Буллер А., Линченко А.А.

Аннотация: В статье анализируются теоретические условия возникновения и распространения в зарубежной науке новой научной дисциплины – исторической этики. Показано, что возникновение данной дисциплины является ответом на трансформационные процессы, происходящие в исторической науке и философии истории в XX столетии. Трансформации познавательного статуса понятий «исторический источник», «исторический факт» и «историческое событие» позволяет говорить о том, что в минувшем столетии наблюдаются существенные изменения в ценностном отношении к прошлому как в исторической науке, так и в философии истории, что проявляется как в изменении предмета оценки, базовых ценностей, а также механизма оценки. Обосновывается мысль о том, что появление и развитие исторической этики оказывается теоретическим фоном для включения в систему понятий и категорий исторической науки понятия «историческая ответственность».

Ключевые слова: историческая этика; философия истории; теория истории; историческая ответственность; этос науки.

На рубеже XX и XXI веков в европейском пространстве начинает распространяться новая, пришедшая из США, дисциплина – историческая этика или моральная история (Moral History), которая охватила собой самые различные аспекты этической рефлексии о прошлом [18, 19, 20, 21]. Появление нового раздела этики, на наш взгляд, можно считать явлением симптоматичным. Существенное влияние на её распространение оказала рефлексия европейских стран о собственной роли в истории Холокоста. Немецким аналогом этой дисциплины стало понятие *Geschichtsethik*, которое существует в немецком языке с недавних пор. Количество научных трудов об исторической этике можно пересчитать по пальцам [18, 21, 23]. Их характерной особенностью является то, что все они, без исключения, стремятся в первую очередь дать определение понятию «историческая этика». Одно из таких

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации».

определений принадлежит Карлу-Христиану Веберу, и звучит оно следующим образом: «историческая этика описывает и обосновывает ценности и нормы, которые имеют отношение к процессам исторического исследования, исторической презентации, а также к процессам восприятия прошлого» [23, S. 114]. Однако каким бы образом понятие «историческая этика» ни дефинировалось, любое определение этой дисциплины содержит в себе, как правило, указание на то, что историческая этика опирается прежде всего на две области знаний – историю и этику. На тесную взаимосвязь этих двух дисциплин указывал ещё в XIX столетии И.Г. Дройзен, который, разумеется, не употреблял понятия «историческая этика», но который подчёркивал, что «этика и историка являются как бы координатами», своего рода ориентирами исторической науки. С другой стороны, замечает И.Г. Дройзен, также историческая наука в состоянии оказать важную услугу этике, ибо она в состоянии описать историческую эволюцию практического разума, подведя под него, таким образом, историческую или эмпирическую базу, чего философия сделать не в состоянии. Задачей данной статьи является анализ тех интеллектуальных предпосылок, которые в контексте развития западной философии истории и исторической науки в XX столетии подготовили появление исторической этики. Другими словами, мы обращаемся к проблемам специфики ценностного отношения к прошлому в философии истории и исторической науке.

Начнем наш анализ со следующего элементарного факта. В процессе своей работы историк, несомненно, сталкивается с нравственными проблемами. Ведь он находится в контакте с коллегами, является членом «цеха историков», т.е. принадлежит определённому коллективу, институту, кафедре или исследовательской группе. Более того, историк – и в этом заключается специфика его работы – вступает, хотя и в опосредованный, но контакт с ушедшими поколениями историков. На этот момент особо указывают издавшие в 2008 году первую в немецкоязычном пространстве работу об исторической этике австрийские специалисты Кристоф Кюбергер (историк) и Клеменс

Седмак (философ) [21]. Авторы указывают на особую роль доверия в отношении историка к коллегам. Однако этическая проблематика включает в себя не только отношения между историками, но и отношение историка к прошлому. Историк характеризует поступки и действия людей прошлого, опираясь на этические нормы и принципы. Но прежде всего он стремится познать историческую истину. Стремление к истине, как, впрочем, и стремление к искажению истины, являются нравственными позициями историка.

Однако было бы существенным упрощением утверждать, что стремление к исторической истине является прерогативой только исторической науки. Проблема исторической истины как эпистемологической и как аксиологической категории интересует широкий спектр наук, обращающихся к прошлому (история философии, философия истории, социология, теория и история культуры, политология, антропология). Однако в ряду всех этих дисциплин философии истории принадлежит особое место в силу того, что историческое и, шире, историчность, являются непосредственным предметом ее изучения. В таком случае возникает закономерный вопрос о том, в чем состоит различие ценностного отношения к прошлому в философии истории и исторической науке.

В контексте практического поворота в современной философии утверждается, что «ценности конституируются и существуют не в субъекте и не в объекте, т.е. являются не содержанием сознания субъекта и не самими предметами и их свойствами, но возникают только в праксиологической, деятельностной связи субъекта и объекта, конституируются в субъект-объектном взаимоотношении» [4, с. 56]. Данная цитата важна для нас, поскольку позволяет проанализировать особенности ценностного отношения к прошлому, складывающиеся в процессе самой познавательной деятельности в исторической науке и философии истории, показать их прямую зависимость от самого предмета избранной нами научной дисциплины. Давно уже не вызывает возражений интерпретация ценностей не только как положительной или

отрицательной значимости какого-либо объекта для субъекта, но и понимание их как нормативной, предписательно-оценочной стороны явлений общественного сознания (этос науки). В таком случае постараемся кратко проанализировать интересующую нас проблему в свете трансформации этоса как исторической науки, так и философии истории в минувшем столетии. Мы не будем выходить за пределы того определения, которое дал «этосу» Р. Мертон, говоря о нем как о комплексе ценностей и согласованных норм, институционально одобренных и защищаемых правил, предписаний, суждений, разделяемых научным сообществом.

Исходя из актуальных определений предмета исторической науки [8] и философии истории [9, 14], можно было сделать вывод о том, что предметом ценностного отношения исторической науки оказывается в первую очередь интерпретация исторических источников, оценка согласованности исторических фактов и оценка пространственно-временных масштабов исторических событий. В свою очередь может показаться, что предметом ценностного отношения к прошлому в философии истории является специфика и формы теоретического мышления в отношении истории. Однако такое разделение вряд ли сможет нас удовлетворить, поскольку категории «исторический источник» / «исторический факт» / «историческое событие» (равно как и другие категории) используются не только в исторической науке, но и в философии истории, а теоретическое измерение является важным не только для философской, но и в собственной научно-исторической рефлексии в отношении прошлого. В этой связи мы решили использовать саму историю указанных дисциплин в XX веке и на основе сравнительного анализа эволюции этоса исторической науки и философии истории постараться посмотреть, как изменялся предмет оценки, ведущие ценности, а также сам механизм оценки.

Источником нашего анализа в этой связи как раз и могли бы выступить категории, имеющие первостепенное значение как для исторической науки, так и для философии истории. Среди них особо выделяются категории «исторический источник», «исторический факт», «историческое событие». Мы

сознательно концентрируемся только на этих категориях, поскольку в отличие от других категорий (напр. историческое время, исторический процесс, тотальность), они находились и находятся в фокусе внимания как философии истории, так и исторической науки на протяжении всего столетия.

Сравнивая между собой предмет ценностного отношения к прошлому в исторической науке и философии истории в XX веке, можно с уверенностью констатировать существенные изменения в обеих дисциплинах. Отправной точкой отчета здесь является позиция позитивистской философии истории и историографии, которая в лице уже упоминавшегося выше Л. фон Ранке призывала историка к научной критике исторических источников и стремлении рассматривать прошлое «как это действительно было». Дороги исторической науки и философии еще не разошлись и, как справедливо отмечает О.В. Герасимов, «безусловной заслугой позитивизма XIX века было то, что он впервые начал рассматривать проблему исторического источника как проблему философскую» [1, с. 8]. Ключевой трудностью при этом являлось статичное понимание исторического прошлого, которое как некая данность присутствовало в настоящем и ждало «своего» историка. Оставляя в стороне любопытные классификации исторических источников И.Г. Дройзена, а также Ш.В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, сконцентрируем внимание на той трансформации, которая происходит в результате кризиса позитивистской историографии на рубеже XIX-XX вв. Результатом критической деятельности Вильгельма Дильтея, Георга Зиммеля, Бенедетто Кроче стал постепенный переход научного сообщества на позицию, утверждающую решающую роль историка в процессе исторического познания. В этой связи не случайно, что в работах Вильгельма Дильтея «переоткрывается» термин «историческое сознание», который до этого эпизодически использовался лишь представителями ново-тюрингенской школы религиозной философии.

Однако решительный прорыв к новому пониманию предмета оценки прошлого происходит не только среди представителей критической философии истории. Он формулируется в ходе появления и становления первого поколения

французской школы «Анналов». Как подчеркивает Б.Г. Могильницкий, кризису позитивистской историографии французские историки М. Блок и Л. Февр противопоставляют принципиально новое понимание предмета истории и ее ценностных стандартов. Речь идет об утверждении неразрывной связи прошлого и настоящего, гуманизации истории, понимании человека в истории как существа социального, синтезирующего все стороны человеческой деятельности, обосновании междисциплинарного подхода [7, с. 20-37]. Особое значение для нас будут иметь два важных последствия деятельности первого поколения школы «Анналов». Первое состоит в расширении числа исторических источников, обновление классификации которых напрямую привязывается к потребностям современной жизни. А второе состоит в обращении к проблеме ценностного измерения деятельности историка. Причем решается она в работе М. Блока «Апология истории» не в пользу универсальных ценностей. Историк, по мысли, М. Блока должен не судить (давать оценку событиям и деятелям прошлого), а понимать (объяснять эти события и поведение этих деятелей). И здесь следует согласиться с Б.Г. Могильницким в том, что антитеза «понимать или судить» была поставлена первым поколением Анналов слишком категорично, но самое главное, что она «поднимается в исторической концепции «Анналов» до ранга важнейшей проблемы» [7, с. 37]. Заметим, что предпосылкой этого является осознание рядом мыслителей XIX столетия проблемы понимания (В.Ф. Гумбольдт, И. Г. Дройзен, В. Дильтей), «поднявшими» ее до ранга научной проблемы.

Дальнейшее развитие как школы Анналов, так и других направлений исторической науки еще сильнее обозначило крен в сторону расширения числа исторических источников, а значит и методик их оценки. В данном случае имеется в виду появление социальной истории, локальной истории, комбинирующей микро- и макро-подходы, появление глобальной истории, развитие персональной и «новой интеллектуальной истории». Подводя итоги развития историографии в конце XX века Л.П. Репина отвечает: «невозможность абсолютной нейтральности доказана всей историей

историографии <...> историографическая ситуация настоящего времени свидетельствует о ярко выраженной теоретической рефлексии историков над проблемами исторического исследования и способами построения исторических текстов» [11, с. 557].

Параллельно исторической науке заметная трансформация ценностного отношения к прошлому происходит и в философии истории. Однако если в исторической науке она была вызвана в первую очередь расширением числа исторических источников и, соответственно, изменением их познавательного статуса, то в философии истории на первый план выдвигается недоверие к собственному языку теоретического описания, который проявляется как в виде кризиса доверия к историческому метарассказу, так и в самой проблематизации нарратива историописания. Вехами этого пути оказываются как феноменолого-герменевтическая философия с ее апелляцией к языку как «дому бытия» (М. Хайдеггер) и идеей аналитики предпосылочности собственного знания (Х.Г. Гадамер), так и работы представителей аналитической философии истории (А. Данто), а в дальнейшем нарратологии (Х. Уайт), структурализма (Р. Барт), постструктурализма (М. Фуко) и постмодернизма (Ф. Анкерсмит). На наш взгляд, те изменения, которые происходят в предмете ценностного отношения к прошлому и в исторической науке и в философии истории все-таки можно рассматривать в рамках общей тенденции. Она может быть обнаружена в антропологическом подходе к пониманию истории. Сущность данного антропологического принципа в философии и социально-гуманитарном знании состоит в попытке «через самого человека определить основы и смысл его бытия и бытия окружающего его мира» [13, с. 452]. Двигаясь разными путями, историческая наука и философия истории переосмысливают саму специфику ценностного отношения к прошлому, по сути, с разных сторон подходу к тезисам об конструирующей активности исторического сознания и неисчерпаемости исторического источника.

Далее обратимся к сравнительному анализу трансформации базовых ценностей исторической науки и философии истории. И здесь двадцатый век

также свидетельствует о существенных изменениях. С одной стороны, несмотря на все доводы критической философии истории, герменевтики и постмодернистских версий нарратологии в XX веке, подавляющее большинство историков до настоящего времени продолжают рассматривать историческую истину как базовую ценность исторического познания. Причем до 70-х годов прошлого века данный тезис являлся практически неоспоримым. Однако ситуация начинает меняться в 1970-е годы, когда по мысли Алейды Ассман, мы сталкиваемся с «социальным этосом» исторической науки. Уже само название, данное немецкой исследовательницей новой программе исследований, выдает важную роль социальной истории. «Новый этос истории был призван расширить знания о прошлом. Важность нового подхода заключалась во введении устной истории для того, чтобы открыть новые источники получить доступ к скрытым и забытым до настоящего времени аспектам повседневной жизни, истории рабочих, женщин и сельского населения» [16, р. 38]. В нашем случае важно не только новое расширение числа источников, представленных индивидуальными историями, «эго-документами», артефактами повседневной жизни, на что указывает цитируемая выше немецкая исследовательница, сколько сам акцент исследований, ориентирующий историков на дискурс исторической справедливости, способствовавший самой смене исследовательских интересов и направленности на социальную функцию исторического знания.

Следующий этап приходится на 1980-е годы и связан, по мысли А. Ассман, с так называемым «постколониальным этосом». Речь шла о радикальной трансформации образа мировой истории, связанного не только с разрушением границ между всеобщей историей, востоковедением и этнографией, но признание собственной и особой темпоральности локальных историй народов Африки, Азии и Латинской Америки. Как подчеркивает отечественный исследователь И.Н. Ионов постколониальный дискурс имеет отчетливую деконструктивистскую перспективу. Этот дискурс «работает главным образом не с объектами, их сущностями и универсалиями, а с

безличными контекстами – политиками, практиками и процессами, в частности, с процессом обретения угнетенным собственным голосом, с актуализацией и различением образов целого ряда Иных, которым ранее было отказано в обладании правом голоса» [3, с. 162]. Говоря другими словами, речь идет о смене исследовательского ориентира в сторону «диалогической памяти», в которой опыт колонизированных народов становится частью официального исторического нарратива и презентуется в работах критически настроенных историков, в новых учебниках истории и музейных практиках. В упомянутой выше статье А. Ассман хорошо показывает это на примере ситуаций с открытием музеев рабства в Великобритании и США. В данном случае мы опять попадаем в новое ценностное поле, которое не отказываясь от примата ценности исторической истины, в качестве дополнительного маркера актуальности исследования вводит ценность исторической ответственности. В еще большей мере императив исторической ответственности проявляет себя в так называемом «социально-ориентированном историописании», на разрыв которого с профессиональной исторической наукой неоднократно указывали С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева [5].

Однако актуализация ценности исторической ответственности в исторической науке может быть обнаружена не только в контексте постколониального этоса. Вслед за ним, А. Ассман называет еще два важных этапа, которые она призывает рассматривать в качестве дополнительных маркеров трансформации этоса исторической науки. Первый из них – это «посттравматический этос», время которого, по оценкам Ассман, приходится на 1980-е – 1990-е годы. В данном случае мировоззренческая рамка Холокоста превращается историкам по всему миру в основание для оценки и классификации геноцидов, исторических травм, форм истребления коренного населения, форм и видов террора и вынужденного переселения людей. Отчетливый ценностный момент проявляется здесь уже в самой перспективе «парадигмы свидетеля» и нового понимания «свидетельства». «Новый тип («морального») свидетельства (Авишай Маргалит) не являлся ни нейтральным

сообщением, ни субъективным обозрением, но презентировал саму пассивную жертву травмирующего насилия и исторических преступлений» [16, р. 41]. Еще один этап А. Ассман называет «постдиктаторским этосом» и связывает его с работой исторических комиссий («комиссий правды») в Южной Америке и Южной Африке, а также в Восточной Европе в 1980-х – 1990-х гг. Главным объектом интереса данных комиссий стало расследование преступлений эпохи диктатур, нарушения прав человека, коллаборации с нацистами. Немецкая исследовательница подчеркивает, что трансформация этоса в данном случае связана с важнейшей функцией самих комиссий: «наводить мосты между политикой, профессиональной экспертизой и общественным знанием» [16, р. 47]. Конечно, можно спорить с Алейдой Ассман о целесообразности выделения многочисленных этапов «этоса» исторической науки, но несомненно одно. Представленные выше посттравматический и постдиктаторский контексты в еще большей мере актуализировали ценности исторической справедливости и исторической ответственности в качестве базовых ориентиров развития исторической науки наряду с исторической истиной.

Показательно, что и в философии истории второй половины XX века наблюдается не только крен в сторону эстетической красоты как ценности обращения к прошлому, вызванный работами постмодернистов и сохраняющей свое важное значение и в условиях дигитализации [10], но и тенденция к синтезу модернистского и постмодернистского прочтения истории, синтезу теоретического измерения (историческая наука) и практического измерения (исследования памяти, дидактика истории, политика памяти). В данном случае мы могли бы указать на недавнюю книгу известного немецкого теоретика истории Йорна Рюзена, который, размышляя о критериях исторической истины в современном теоретическом мышлении, допускает несколько измерений «правдоподобия»: эмпирическое, теоретическое, нормативное и нарративное. Немецкий ученый расширяет понятие истины, подразумевая под ним, в том числе, и «способность принять различия через других», а само историческое мышление он трактует как коммуникативное отношение и к прошлому, и к

настоящему. В соответствии с этим он выделяет пять базовых форм коммуникации исторического мышления: семантический дискурс символизации (концепты смысла), когнитивная стратегия производства знаний (концепты исследования), эстетическая стратегия репрезентации (концепты репрезентации), риторическая стратегия ориентации (концепты прагматического использования), политический дискурс в коллективной памяти (концепты исторической культуры) [22, с. 85]. Его позиция означает, что для современной философии истории ценностное поле обращения к прошлому является подвижным и выстраивается ситуативно контексту, в который теоретическая рефлексия об истории оказывается вовлеченной.

В завершение нашего анализа бросим беглый взгляд и на сравнительный анализ механизмов оценки прошлого в философии истории и исторической науке. И здесь мы обращаемся к интерпретации понятий «исторический факт» и «историческое событие», которые давно уже не укладываются в узкие рамки методологии истории, но входят и в терминологический словарь современной философии истории. Отправной точкой в данном случае также является критика позитивистской историографии XIX века в ее стремлении отождествлять исторические факты и исторические события. Характерно что данная критика в конце XIX – первой половине XX века велась как со стороны философии истории (Г. Риккерт, В. Дильтей, Г. Зиммель), так и со стороны исторической науки (Ф. Симиан, А. Берр, Л. Февр).

Как показывает исследование О.В. Герасимова, развитие исторической науки в XX столетии устойчиво шло от понимания исторического факта как однократного, единичного события и соответствующего знания о нем к признанию исторического факта как гносеологической категории, как конструкции, создаваемой историком в процессе освоения им объекта его познавательной деятельности, а значит содержащей существенную долю субъективности [1, с. 46]. Несмотря на известную противоречивость определения исторического факта, сохраняющуюся и поныне, его современные трактовки позволяют говорить о трансформации самого механизма оценочного

отношения к прошлому в исторической науке и философии истории. Во-первых, исторический факт оказывается своеобразным двойным конструированием с одной стороны автора источника, а с другой стороны – интеллектуальной деятельности историка, его вопросами, отражающими его исторический интерес. Во-вторых, «исторический факт как фрагмент знания об истории не совпадает с событием как фрагментом реального прошлого, каким оно было до и вне зависимости от нашего знания о нем <...> факт не вводится из прошлого события, «за» историческим фактом» [1, с. 53]. В-третьих, важную роль играет тезис о неисчерпаемости исторического факта, возможности его масштабирования как в сторону фактов меньшего масштаба (напр. факты микроистории), так и фактов большого масштаба (напр. факты глобальной истории). В данном случае предельно важно, что определение и конструирование фактов соразмерного масштаба является прямым следствием концептуального взгляда историка [12, с. 15]. В-четвертых, сама конструкция исторических фактов рассматривается сегодня как синтетическая, предполагающая не только их соотнесение между собой, но и придание им определенной смысловой направленности, задаваемой сознанием историка. Как пишет известный американский эпистемолог А. Мегилл, «главная особенность любого исторического исследования <...> состоит в попытке расположить факты в пределах более крупной структуры <...> исторические исследования имеют дело с отношениями части и целого. Факт может рассматриваться как «часть», но часть бессмысленна, если она не вписана в границы больших структур, которые придают фактам значение» [6, с. 109-110]. Однако не будет преувеличением утверждать, что придание совокупности фактов определенной целостности является ценностным отношением, где ценности выступают не в качестве вспомогательной стороны эпистемологической деятельности, но должны рассматриваться как важнейшее условие самой интегративности исторического познания. Наконец, в-пятых, нельзя не указать и на культурно-историческую обусловленность любой рефлексивной формы исторического

сознания, хорошо проанализированной в фундаментальном труде Х.Г. Гадамера «Истина и метод» уже более полувека назад.

Еще в большей мере взаимодействие исторической науки и философии истории в трансформации механизма оценки прошлого заметно в отношении категории «историческое событие». Уже Георг Зиммель, много сделавший для критики событийной истории позитивистов XIX века, отмечал, что «историческое <...> обретает свой характер вместе с установлением пункта во времени – между всем предшествовавшим и всем последующим» [2, с. 522]. Эта мысль еще долго будет определять трактовки исторического события как в философии истории, так и в исторической науке, поскольку указывает на необходимость видеть значение исторического события не только в масштабе ее эпохи, но в рамках всего исторического времени. И здесь как раз мы и попадаем в поле взаимодействия философии истории и исторической науки, которые в минувшем столетии параллельно друг другу переосмысливают феномен исторического времени. Российский исследователь З.А. Чеканцева в своих работах хорошо показывает, как изменение представлений об историческом времени способствовало изменению интерпретации исторического события. В своей статье в терминологическом словаре она отмечает, что уже в середине 1950-х годов историки и философы (А. Дюпрон, М. Фуко, М. де Серто, П. Нора, П. Рикер) переосмысливают понятие «историческое событие», связывая его с понятиями «структура» и «система». В изучении события все большее место стала занимать неопределенность вовлеченного в действие исторического актора. В другой своей статье она отмечает, что решающую роль в развитии историографических представлений об историческом событии сыграли прежде всего работы французских философов – М. Фуко, П. Рикера и Ж. Делеза. Современники событий оказываются не в состоянии дать ему точную оценку. «Вслед за Делезом ученые поняли, что событие – это воплощенное становление, которое никогда полностью не принадлежит только завершеному прошлому, ибо постоянно переосмысливается, переопределяется в актуальном настоящем, играя в нем

определенную роль. Стало ясно, что историческое событие обладает длительностью, которая не сводима к темпоральности фактических данных, составляющих это событие. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, когда это событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто его конституировал и проживал» [15, с. 22]. Надо заметить, что в условиях современного поворота к исследованию памяти представленный подход к историческому событию в еще большей мере оказывается зависимым от коллективных представлений, продолжающих наделять событие новыми смыслами. «В этой связи историка интересует уже не только содержание события в момент, когда оно «имело место», но прежде всего шлейф трансформирующегося во времени смысла <...> в поле зрения исследователя попадают не только лежащие на поверхности «факты», но и нереализованные возможности, не замеченные современниками, но неожиданно актуализированные их потомками» [15, с. 23-24].

Таким образом, представленный выше анализ трансформации познавательного статуса понятий «исторический источник», «исторический факт» и «историческое событие» позволяет нам говорить о том, что в минувшем столетии наблюдаются существенные изменения в ценностном отношении к прошлому как в исторической науке, так и в философии истории, что проявляется как в изменении предмета оценки, базовых ценностей, а также механизма оценки. Именно это позволяет нам видеть появление новой теоретической дисциплины – исторической этики, глубоко закономерным явлением, отражающим потребности современного теоретического и эмпирического научного исследования.

Немецкий исследователь Герард Бёкенкамп полагает, что отношение между этикой и историей имеет двойственный характер. С одной стороны, а) этика может служить объектом исторической науки, т.е. быть зависимой от неё. С другой стороны, б) этика может служить «ориентиром» или даже «компасом» исторической науки, т.е. быть независимой от неё [17].

В тот момент, когда этика становится объектом исторической науки, она рассматривается последней как составная часть духовной, идейной или культурной истории народа. Примером подобного обращения исторической науки с этикой служат конкретные исторические проблемы, как, например, темы из русской истории: «мировоззрение славянофилов», «народническая этика» / «мораль большевизма» / «православная этика» и др., в которых неизбежно ставятся этические вопросы. В этом случае этика, надо признать, становится пассивным «объектом» исторических исследований, а потому перестаёт быть независимой и самостоятельной областью знаний.

Традиционная роль этики заключается в её функции давать научно обоснованные «ориентиры» человеку, т.е. быть его нравственным «компасом». Подобную функцию в состоянии выполнить только независимая научная дисциплина, убеждён Карл-Христиан Вебер. Говорить о самостоятельной дисциплине «историческая этика» можно лишь тогда, подчёркивает Вебер, когда будет доказано, что историческая этика в состоянии дать ответы на такие вопросы, на которые ни этика, ни история в одиночку ответа дать не могут [23]. Одним из факторов актуализации подобных вопросов, на наш взгляд, является ситуация с нарастанием мемориальных войн в современном мире, где усилий историков оказывается недостаточно и где информационное противостояние, как правило, приобретает именно этическое измерение.

Историческая этика, таким образом, имеет дело, с одной стороны, с ложной информацией и ложными представлениями о прошлом, а, с другой, с той реакцией, которую человек, как существо нравственное, должен испытывать как по отношению к ложной информации, так и по отношению к ложным действиям. Эта реакция позволяет охарактеризовать себя одним словом — историческая ответственность. В этой связи появление и развитие дисциплины исторической этики оказывается своеобразным теоретическим фоном для включения в систему понятий и категорий исторической науки понятия «историческая ответственность» — понятия не менее важного, чем понятие «историческая истина».

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов О.В. Историческое познание: опыт исторической эпистемологии. – Самара: Самарский гос. тех. ун-т, 2016.
2. Зиммель Г. Проблема исторического времени // Избранное: в 2-х тт. Т. 1. – М.: Юрист, 1996.
3. Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание. – М.: Аквилон, 2015.
4. Кондрашов П.Н. Деятельностное понимание ценностей // Ценности и нормы в потоке времени. VI Международная научная конференция. Курган, 9-10 апреля 2015 г. – Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2015.
5. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. – Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: Канон+, 2007.
7. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. 2: Становление исторической мысли. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2003.
8. Могильницкий Б.Г. Историческая наука // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016.
9. Лубский А.В. Философия истории // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016.
10. Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
11. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011.
12. Репина Л.П. «История события» в трансдисциплинарном пространстве memory studies и истории исторической культуры // Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / под общей ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2018.
13. Сергейчик Е.М. Философия истории. – СПб.: Лань, 2002.
14. Сыров В.Н. Введение в философию истории. Своеобразие исторической мысли. – М.: Водолей Publishers, 2006.
15. Чеканцева З.А. Историческое событие и время в контексте «ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. № 49.
16. Assman A. Towards a New Ethos of History? // The Ethos of History. Time and Responsibility / ed. by Stefan Helgesson and Jayne Svenungsson. – London: Berghahn books, 2018.
17. Bökenkamp G. Wie kommt die Ethik in die Geschichte?. URL: <https://ef-magazin.de/2013/03/27/4126-geschichtsphilosophie-wie-kommt-die-ethik-in-die-geschichte>
18. Carr D., Flynn T.R., Makkreel R.A. The Ethics of History. Topics in Historical Philosophy. – Chicago: Northwestern University Press, 2004.
19. Goldhagen, D. J. Die katholische Kirche und der Holocaust. Eine Untersuchung über Schuld und Sühne. – Berlin: Siedler-Verlag, 2002.
20. Glover, J. Humanity. A Moral of the Twentieth Century. New Haven. – London: Jonathan: Books, 1999.
21. Kühberger C., Sedmak C. Ethik der Geschichtswissenschaft. Zur Einführung. – Wien: Verlag Turia + Kant 2008.
22. Rüsen J. Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2013.
23. Weber K.-C. Ethisch reflektierter Geschichtsunterricht. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht (UTB), 2013.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ КОМПОНЕНТА ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ (СОЦИАЛЬНО-ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)

Бутенко С.В.

Аннотация: В статье рассматривается феномен исторической памяти как одна из основополагающих компонент феномена идентичности. Идентичность, протянута в истории, понимается автором как историческая идентичность, имеющая два основных измерения – индивидуально-личностное и социально-коллективное. Некоторые аспекты социально-философского анализа проблемы взаимодействия общества и человека в контексте становления исторической идентичности субъекта представлены в настоящей работе.

Ключевые слова: идентичность; историческая память; темпоральность; историческое прошлое; трансформации исторического самосознания; манипуляции с исторической памятью.

Процесс исторического становления и развития общества никогда не заканчивается и не ограничивается прошлым, он остается существенным и для современности. Существование человека неотделимо от исторического движения общества. Находясь в обществе, индивид, с одной стороны отражается в нем, с другой стороны воспринимает существенные черты социума, становясь неотъемлемой частью формирования общества, обретая тем самым феномен социальной идентичности. Социальная идентичность представляется нам целостным феноменом, детерминирующим взаимодействие между социальным и индивидуальным измерениями взаимодействиями общества и человека, и формирующим совокупное представление субъекта о различных явлениях окружающего мира.

В процессе взаимодействия в социуме формируется единое для всех социокультурное пространство, позволяющее личности соотносить себя с обществом, существующем в контексте определенной исторической эпохи. То есть становление социальной идентичности субъекта неразрывно связано с историческим развитием общества и его социокультурными трансформациями, становящимися неотъемлемой частью, фоном формирующегося феномена. Культурно-исторические аспекты являются связующим звеном между временными модусами, порождая ощущение непрерывности исторического

пути, столь значимого для феномена социальной идентичности. В случае же утраты прошлого, по мнению Дж. Локка, возникает сомнение и в существовании настоящего, т.к. вместе с прошлым исчезает уверенность в том, являемся ли мы все еще «тем же самым мыслящим существом» [6, с. 388], или уже нет.

В этой связи особую значимость приобретает проблема исторической и социокультурной памяти, оказывающей непосредственное влияние на формирование и возможные трансформации социальной идентичности. Так, по мнению Й. Рюзена «именно сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего» [16, с. 5]. В течение всей своей жизни, человек опирается в своем существовании на накопленный предыдущими поколениями опыт. Это обращение к истории может иметь как осознанный, так и неосознанный характер, выраженный в стремлении не столько осмыслить достижения предков, сколько использовать их в своей жизни. Однако необходимо понимать, что история это не «копилка фактов» [8], сложенных и упорядоченных в едином пространстве. Обращаясь к истории, человек, вне зависимости от своих целей и желаний, подвергает ход исторических событий субъективной реконструкции, конструируя новое знание о прошлом.

Несомненно, в обращении к свершившемуся, человек использует собственную систему ценностей и убеждений, свои морально-этические нормы, в конечном счете, свои глубинно-психические установки и мыслительные операции, что не может не оказать влияние и на реконструкцию прошлого в его субъективном аспекте. Человек видит прошлое с позиции современности, и эта современность, не зависимо от стремлений индивида, отдаляет его от понимания истинности свершившихся событий.

Тем не менее, значимым в процессе исследования социальной идентичности, становится вопрос о самом обращении личности к историческому прошлому, стремление субъекта актуализировать минувшее в контексте своего существования в настоящем. Прошлое становится «инструментом поддержания настоящего» [3], неотъемлемо присутствующем и

в процессе формирования социальной идентичности. Несмотря на то, что историческое наследие сохраняется, реконструируется и интерпретируется отдельными личностями, оно неотделимо от общества. Именно общество формирует критерии суждения, социокультурный фон и специфические условия, в которых личность производит интерпретацию событий прошлого, тем самым становясь неотъемлемым участником, казалось бы, индивидуального конструирования исторических событий. Действительность накладывает неизгладимый отпечаток на существование личности, формируя его поведенческие модели и мировосприятие, обнаруживая себя не только в индивидуальном, но и в коллективном сознании, развитие которых исторически обусловлено.

В рамках социокультурного фона формируется внутренний мир человека, позволяя ему сосуществовать в обществе, социально идентифицировать себя с ним. В этой связи интересным представляется изречение М. Фуко об изучении человеком самого себя [17, с. 364], где человек представляется неким, очерченным извне, но пока еще пустым изнутри пространством. Несомненно, внутренний мир человека формируется в процессе его развития как изнутри, так и посредством влияния извне через семью, государство, само общество и, конечно же, городское пространство, в котором сосуществуют и личность, и общество в целом. В этом случае внутренне пространство человека постепенно наполняется ценностными ориентирами, позволяющими личности самоидентифицироваться в сложившемся обществе, четко ориентируясь в его нормах через аксиологический ряд своего собственного бытия.

Обращение к памяти позволяет субъекту решить ряд актуализированных для него задач, в том числе и проблему формирования социальной идентичности. Так, прошлое может выступать в качестве средства поддержания формирующегося феномена, позволяя своевременно выделить в истории значимые для становления социальной идентичности периоды, события, наконец, героев свершившегося. В качестве примера можно обратиться к вопросу народных волнений и выступлений в истории нашего государства,

интерпретируемых в советский период как подготовка народных масс к революционным событиям 1917 года. Исходя из данной интерпретации событий, приход к власти большевиков и становление советского государства рассматривалось общественным сознанием как закономерный итог предшествующей истории.

Основываясь на общем прошлом, сохраненном в исторической памяти общества, формируется не только историко-культурный фон окружающей нас действительности, но и социальный уровень феномена идентичности, включающий в себя, как субъективное осмысление и переживание свершившегося, так и его интерсубъективное признание. Включая в себя «коды памяти» [7, с. 615], прошлое позволяет субъекту видеть себя неотъемлемой частью существующего общества, идентифицировать себя с ним. Действительно, память становится значимым компонентом выстраиваемых интеракций между личностью и обществом. Обращенная к прошлому, память не столько аккумулирует в себе факты свершившегося, сколько формирует социокультурное пространство события, сохраняющееся в историческом процессе. Состоящая из событий, сопряженных в едином прошлом, память зачастую воспринимается как целенаправленно конструируемый феномен [2, с. 33].

В условиях динамичного развития общества, данная точка зрения все чаще находит подтверждение в разворачивающихся событиях, направленных на трансформацию, а иной раз и на борьбу с историческим прошлым. Речь идет о «культурной амнезии» [2, с. 37] отдельных народов, стремящихся при содействии государства стереть из коллективной памяти «неудобные» исторические факты, заменив их мифологизированными представлениями, позволяющими конструировать новое социокультурное пространство. В этом случае, разворачивающуюся борьбу с памятниками, трансформацию исторических взглядов, изъятие из коллективной памяти отдельных событий прошлого, необходимо рассматривать как целенаправленную политику по замене коллективной памяти.

Проводимые манипуляции с памятью становятся существенными и для социальной идентичности. Являясь частью исторического движения, личность соотносит собственное существование с теми социальными процессами, которые разворачиваются вокруг него. Темпорально обуславливая собственное бытие, человек находит подтверждение своему существованию в прошлом, стремясь узнать себя в уже свершившемся. Несомненно, тенденции к новому прочтению истории становятся неотъемлемой частью существования человека. Свершившиеся в настоящем события органично вплетаются в сотканную предыдущими поколениями социальную ткань, формируя единое историческое полотно.

Тем не менее, сформированность представлений о прошлом не означает их неизменность и постоянство. Само историческое движение общества предполагает трансформацию коллективной памяти как социокультурного феномена. Изменчивость памяти в данном случае может быть представлена в двух исследовательских аспектах: как естественный процесс исторического развития общества, и как искусственное воздействие на образы прошлого. В контексте «естественной» парадигмы, трансформация взглядов на свершившиеся события становится неотъемлемой частью бытия личности, развивающейся вместе с историческим движением общества. В этом случае реконструкция прошлого не принимает форму радикального слома представлений о прошлом, что представляется значимым и для феномена социальной идентичности, поскольку личности необходимо ощущать собственную непрерывность в историческом процессе.

Проводимые же манипуляции с памятью, выраженные, например, в коллективной амнезии прошлого, в конечном счете, могут оказать влияние и на ядро социальной идентичности, трансформируя его под вновь сформированное видение реальности. Тем не менее, процесс искусственного воссоздания одних социокультурных ценностей может привести к неминуемому разрушению других [5, с. 58]. В этом случае память перестает рассматриваться обществом как связующее звено между модусами времени, а социальная идентичность

теряет не только свою устойчивость, но и способность поддерживать солидарность субъектов. Утрачивая крепкие основания, базирующиеся на памяти о прошлом, социальная идентичность начинает подкрепляться лишь воспоминаниями, выраженными ностальгией по свершенному. Несомненно, эмоциональные переживания субъекта разрушаются гораздо легче, чем сложившиеся в течение длительного времени межпоколенные связи, укрепляемые историческим прошлым и социокультурными традициями. На это в свое время обратил внимание и И. Кант, говоря о том, что «преемство, соотносящееся с предшествующим, а не подражание – вот правильное выражение для всякого влияния...» [4, с. 295].

Соотнесение с предшествующим, сохраненным в памяти, действительно играет значимую роль в процессе формирования и поддержания социальной идентичности. Стремясь подтвердить свое существование в настоящем, субъект (как личность, так и общество в целом) обращается к собственному прошлому, находя в нем образ самого себя, тем самым самоидентифицируясь. Память о свершившемся становится той точкой опоры, которая позволяет феномену социальной идентичности оставаться неизменным в течение длительного времени. Этому способствует и функционирующие социальные институты историко-культурной памяти – музеи и архивы, которые сохраняют в себе не только социокультурные образы прошлого, но и реальные свидетельства минувшего – предметы, документы, легитимизирующие настоящее посредством свершенного. Обозначенные историко-культурные институты формируют своего рода «социокультурный каркас» [1, с. 110], поддерживающий традиции и культурную неповторимость, ее многообразие в условиях трансформации социума.

В целом, изменчивость окружающей действительности подталкивает социум к поиску устойчивых оснований своего собственного существования, позволяющих субъектам самоидентифицироваться в мире. Это остается существенным, как для общества в целом, так и для каждой отдельной личности. Одним из таких оснований становится социокультурная память о

прошлом, сохраняющая в себе весь исторический путь общества. Несомненно, в обращении к памяти, представленной, как индивидуальным, так и коллективным сегментами [18, с. 8], рождается представление об истории, как живом явлении, обладающим темпоральными, социокультурными и ментальными характеристиками и особенностями. Осмысление индивидом личностной истории (истории своей семьи), как части истории общества, в котором он существует, позволяет не только формировать, но и подтверждать чувство единства и общности с социумом, тем самым социально идентифицироваться в нем.

Проблема взаимосвязи двух феноменов – памяти и социальной идентичности, несомненно, остается одной из дискуссионных и интересных в современном социально-философском и историческом знании. Причины актуализации этого аспекта социально-философского знания вполне понятны, поскольку в стремительно увеличивающемся потоке информации, приводящем к постоянной трансформации социума, происходит не только переосмысление традиционных ценностей, сложившихся в течение исторического развития общества, но и формируется один из значимых вопросов современности – остается ли что-то статичным в окружающей нас изменчивости? В этой связи феномен коллективной памяти видится нам одним из ключевых элементов, позволяющих не только формировать внутренне ядро феномена социальной идентичности, но и сохранять его неизменным в течение длительного времени. В этой связи личность имеет возможность оставаться собой в условиях постоянных трансформаций окружающей ее действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О.Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: колл. Монография. – М.: Совпадение, 2015. С. 95-114.

2. Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография. – М.: Совпадение, 2015. С. 29-57.

3. Галимжанова Ж.Б. Культурная память как средство построения идентичности //

Вестник КазНПУ. – 2016. – № 1. С. 124-127.

4. Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. Т. 5. – 564 с.

5. Кочеляева Н.А. Проблемы взаимодействия механизмов памяти и забвения в формировании гражданского общества // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография. – М.: Совпадение, 2015. С. 58-72.

6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – 621 с.

7. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2010. – 615 с.

8. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. II. Становление «новой исторической науки». – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 178 с.

9. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.

10. Полежаев Д.В. Личность и тоталитаризм: ментальные трансформации: монография. – М.: Планета, 2018. – 208 с.

11. Полежаев Д.В. Ментальный подход: пространство полидисциплинарности // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем: матер. Межд. науч. конф. (г. Минск, 15-16 нояб. 2012 г.) / Ин-т философии НАН Беларуси; науч. ред. совет: А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2013. С. 27-29.

12. Полежаев Д.В. Российская идентичность в исторической динамике: ментальные аспекты исследования // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. 2015. – № 2 (155). – С. 29-34.

13. Полежаев Д.В. Русский менталитет: социально-философское осмысление. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 370 с.

14. Полежаев Д.В. Феномен менталитета в социально-гуманитарном знании: историографические заметки // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI. Вып. 2 (48-49). – С. 496-501.

15. Полежаев Д.В. Философские основания национальной идентичности // Сибирский учитель. – 2017. – № 2 (111). – С. 60-67.

16. Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. – 2007. – № 21. – С. 5-21

17. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М.Фуко. – СПб: Изд-во: А-сad, 1994. – 408 с.

18. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3 (40-41). – С.8-27.

КОНТЕКСТУАЛИЗМ И ЕГО ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ИСТОРИОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Верещагин О.А.

Аннотация: В статье проанализированы возможные последствия распространения методологии контекстуализма в историологии и философии истории. Как полагает автор, эпистемический контекстуализм может стать адекватным средством, препятствующим релятивизации и прагматизации современных практик историописания. В работе последовательно отстаивается тезис о взаимной коррелятивности и комплементарности контекстуалистских и нарративно-конструктивистских методологических принципов и стандартов.

Ключевые слова: контекстуализм; конструктивизм; лингвистический поворот; нарратология; репрезентация; референт.

Проблематизация онто-гносеологического статуса истории и всех ее ценностно-нормативных коррелятов (смысл истории, идея истории и т.п.) всегда являлась неотъемлемой частью той публичной дискуссии, которая формировала предметное содержание сциентизированной версии историографии. Ее различные теоретические экспликации и реконструкции мы можем легко обнаружить и в нынешнем историографическом дискурсе, существующем в логике фактографической четкости и хронологической непротиворечивости исторического знания. Стандарты и принципы классической эпистемологии (логоцентризм, рационализм, объективизм и номологизм) в значительной степени определяют современный фон историологических исследований, как и прежде развивающихся в русле «историцистской» парадигмы философии истории. «Историцизм» [10] ориентирует исследователей на выстраивание особой смысловой дистанции между референтом и репрезентацией, субъектом и объектом, прошлым и настоящим, конфигурируя пространство иерархических соподчиненных связей в ткани исторического повествования.

В целом, указанная историографическая модель, построенная по канонам и принципам классической рациональности, будучи средством консервации традиционных ментальных и методологических установок, постепенно девальвируется даже в глазах ее наиболее устойчивых представителей и адептов, поскольку оказывается принципиально нерелевантной нынешней эпистемической ситуации в социогуманитаристике.

Общий генеральный тренд в практиках историописания отмечен набором коррелятивных категорий и концептов, будь то «семиотизация истории» [2], «нарративизация истории» [5], «лингвистический поворот в историописании» [7] и т.п. В целом, можно вполне уверенно говорить о нарративизации истории как некоем общем умонастроении в профессиональной историографической среде. Базовая интуиция всех современных

историографических построений в той или иной степени связана с представлениями о «нарративной форме исторического знания» [13] и соответственно о преимущественно лингвобытийном статусе историософских реконструкций.

Указанные сдвиги в практиках историописания определенно созвучны общей ментальной ситуации общества постмодерна, в котором происходили и происходят форсированные процессы деонтологизации, семиотизации и текстуализации реальности с соответствующими процедурами «освобождения знака от референта, обмена действительности на текст» [14, с. 18]. На определенном этапе развития современной философии истории появилось устойчивое ощущение временной или постоянной утраты эйдетики универсального исторического мировоззрения. Онтологическая философия истории, не единожды заклеянная и стигматизированная в негативном статусе субстантивной и спекулятивной, оказывается на периферии историологических и историософских исследований, в маргинальных областях подавленных и вытесненных смыслов и значений. Деонтологизация истории, спровоцированная активным распространением постмодернистских практик критического чтения, способствовала оживлению дискуссии в собственно эпистемологической плоскости, обозначив долговременные тренды по гносеологизации и методологизации истории. Как справедливо заметили Кукарцева М.А. и Коломоец Е.Н., инспирированные постмодернизмом разнообразные и разноформатные дискуссии по исторической эпистемологии, одновременно сопровождалась «потерей интереса историков к анализу онтологии истории» [8, с. 24].

Безусловно, попытки реактуализации и воссоздания релевантной модели исторической онтологии будут продолжены. Собственно говоря, это продиктовано самой логикой самоисчерпания постмодернистского проекта, который в наиболее одиозных версиях развивал лишь риторику текстопорождения и бесосновный текстуальный изоляционизм. По-мнению, польской исследовательницы Доманской Э., радикального отказа от истории

можно избежать, если выстраивать онтологию прошлого или археонтологию на границе двух социогуманитарных практик – археологии и истории и на соответствующем анализе материальной культуры и исторических источников. Археонтология, с одной стороны, преодолевает догмы текстуализма, с другой стороны, в духе хайдеггеровской созерцательности требует возвращения материального объекта «как средство восстановления контакта с реальностью» [18, р. 337].

Таким образом, как утверждает польская исследовательница, благодаря вдумчивому «контакту» с прошлым можно реабилитировать «исторический опыт», либо как опыт микроистории, когда «новая история» будет «коллекцией биографий отдельных индивидов или небольших сообществ» [3, с. 388], либо в формате макроистории, «сфокусированной на исследовании государств и межгосударственных образований» [3, с. 394], вне того навязчивого национального контекста, который детерминировал ткань исторического повествования в традиционной историографии.

В любом случае, аисторичность, так же как и антиисторичность, как нам представляется, неестественны для культурного и социального развития человечества и противопоказаны всей его логикой. Банальная связь времен должна существовать и осуществляться, поэтому утрата осмысленного исторического бэкграунда, несомненно может обернуться отсутствием четких перспектив в будущем и проблематизацией статуса настоящего.

Ускользание прошлого, его перманентное переописание, радикальное переосмысление, как нам представляется, происходит, прежде всего, из-за потери настоящего, которое всегда и формирует ретроспективное видение и историческую реконструкцию. Как оказалось, в значительной степени обесценено само настоящее, которое перестает быть прозрачным и вменяемым для взгляда современного наблюдателя.

По большей части наивными сейчас представляются обвинения в презентизме [12] как якобы нарушении социокультурной дистанции между прошлым и настоящим, которые часто выдвигались на заре становления

академической сциентизированной историографии в адрес сторонников «истории настоящего» [9]. Нора П. специально актуализировал угасание памяти в истории, которая стремится ее окончательно дезавуировать в акте «репрезентации прошлого». История с его точки зрения, есть «делигитимация пережитого прошлого», поэтому «амбиции историков не являются воскрешением того, что действительно произошло, но полным его уничтожением» [9, с. 21].

Механизм «опрезентации» («осовременивания») истории в таком случае неизбежен и входит в естественный арсенал средств историописания, подтверждая абсолютистский тезис Б. Кроче о «современности истории» [6] как о главнейшем критерии ее значимости для текущей современной истории. Кроче элиминирует различия между современной и несовременной историей, поскольку всякая подлинная история всегда современна, поскольку не может быть оторвана от жизни. Презентизм в полной мере естественен и органичен для практик историописания, поскольку все исторические реконструкции, как современные так и несовременные, возникают из жизни, поэтому «лишь интерес к настоящему способен подвигнуть нас на исследование фактов минувшего» [6, с. 9].

Настоящее, таким образом, является своеобразной точкой сборки отдельных фрагментов прошлого, тем смыслообразующим контекстом (правильнее было бы говорить совокупностью пересекающихся контекстов), в рамках которого реализуется создание (воссоздание) референциальной иллюзии, удовлетворяющей принятым режимам представления и объяснения прошлого.

Создание или конструирование прошлого происходит посредством предварительной его текстуализации и нарративизации, поэтому по-прежнему актуальной является проблема референциальной глубины в акте репрезентации или проблема соотношения нарратива с объектом представления, которая в структуралистской традиции исследуется в рамках дистинкции означаемое-означающее. Как указывает Порус В.Н. [11], прямой аналогии с кантовским

различением «феноменального» и «ноуменального», здесь проводить не стоит, поскольку это не соответствует, если можно так выразиться, духу и букве нарративизма и текстуализма.

Нарративная методология, применительно к дискурсу истории, реализует максимы конструктивизма, согласно которым «любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую она выявляет и пытается трансформировать» [11, с. 114]. Конструктивная деятельность историка оказывается в значительной степени детерминирована социально-культурным контекстом, обрамляющим и организующим содержание процессов исторической репрезентации. По мнению Поруса, нарративистская методологическая программа в историософии выступает как «указатель ее приближения к контекстуализму, который для нее оказывается каналом и формой связи с социально-культурными, политическими и иными контекстами исторических исследований» [11, с. 114].

Становится очевидным, что контекстом всех возможных исторических нарративов является сама современность, поэтому говоря словами Тульчинского Л.Г., в обществе имманентного мировосприятия «поворот к торжествующему презентизму закономерен» [15, с. 124], в той же степени как предсказуемо и объяснимо стремление в информационную эру к постоянному реформатированию образов будущего и настоящего и ретроальтернативным моделям прошлого. Малостабильный и во многом эфемерный и химеричный, самозакнутый постсовременный мир «не нуждается в других измерениях...не нуждаясь также и в образе будущего» [15, с. 124].

Можно также предположить, что эпистемический барьер, демаркационная линия между вымыслом и действительностью, референциальной глубиной и репрезентативной поверхностью, стирается в современной историографии именно по основанию контекстуальной обусловленности и связанности нынешних практик историописания с многомерностью настоящего, с возможностью мультипозиционности и мультиперспективизма исследовательской стратегии. Того самого референциального голоса,

«имплицитного, безличного, но всеведущего и вездесущего нарратора» [13, с. 125], от лица, которого шло историческое повествование, сейчас не существует, есть лишь пересекающиеся контексты повествования, глобальный интертекст культуры, который и становится малостабильным и непредсказуемым фоном нарративных интерпретаций.

Как нам представляется, современный историологический и историографический опыт можно переосмыслить в категориях контекстуализации-деконтекстуализации. Помещение в контекст, так же как и опыт извлечения из контекста (деконтекстуализация) являются взаимосвязанными интеллектуальными процедурами, позволяющими реализоваться механизму семантизации-десемантизации нарративного производства в истории.

Схожий интеллектуальный инструментарий можно обнаружить в акторно-сетевой теории Каллона М. Фрейм-аналитика Каллона содержит набор таких категориальных универсалий как «framing/overflowing». В оригинальной авторской интерпретации Вахштайна В.[1] указанная теоретическая оппозиция получила название «упаковывание/ распаковывание». Фрейминг придает тому или иному сообщению вид однозначности и определенности. Напротив, интеллектуальный жест «распаковывания» усиливает неоднозначность и неопределенность через добавление контекстов. По мнению Каллона, механизм фреймирования предполагает предначертание границы, «внутри которой взаимодействия-значение и содержание которых самоочевидны для протагонистов...и происходят более или менее независимо от окружающего их контекста», именно поэтому «фрейминг как бы заключает внешний мир в скобки, но на самом деле не отменяет всех связей с ним» [17, р. 249]. Деконтекстуализация вносит в процесс смыслового обрамления неопределенность, поскольку для того «чтобы быть фреймированным, «распаковывания» должны быть измеримы» [17, р. 255].

Тезис о парадигмальном статусе эпистемического контекстуализма, применительно к разнообразным интеллектуальным практикам, в том числе к

практикам историописания, не может считаться новаторским. Это достаточно известное в науковедении семейство современных философских исследований. По-мнению Хорта М.Г. [16], контекстуализм призван одновременно и проблематизировать и актуализировать связь знания с действиями, высказываниями или выражениями, которые его сопровождают, обрамляют и фреймируют. В континентальной традиции знание является концептом ценностно и идеологически наполненным, конструируемым господствующим и экономическими и политическими силами с целью навязывания удобной для них картины мира» [16, с. 162]. Аналитическая же философия, специально анализирующая «контекстуально чувствительные» высказывания, предлагает для рассмотрения контекст в качестве «семантической характеристики, способной изменить истинностное значение предложений, которые называют индексикальными» [16, с. 163].

Дрейф современной философии истории, пережившей сложные времена «постмодернистского вызова», в направлении контекстуализма, можно считать оправданным и обоснованным. С одной стороны, в контекстуализме преодолеваются необоснованные сциентистские ожидания традиционной историографии, задающей слишком высокие стандарты историологического описания. С другой стороны, эпистемический контекстуализм выступает против снижения эпистемических стандартов в случае релятивизации знаниевых процедур. Как отмечает Касавин И.Т., методологическая программа контекстуализма представляет собой «ответ на скептическое отрицание возможности знания мира вокруг нас и на упрощенное обоснование возможности такого знания» [4, с. 11]. И в этом смысле, контекстуализм может стать действенным методологическим принципом и оправданным идеологическим кредо современных историологов, пытающихся сохранить и защитить академический статус исторического знания в качестве актуальной и востребованной интеллектуальной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. – СПб: Издательство Европейского Университета, 2011. – 334 с.

2. Дёмин И.В. Семиотическая интерпретация исторического познания в концепции Ю.М. Лотмана // *Философия и культура*. – 2017. – № 11. – С. 85 - 96.
3. Доманска Э. *Философия истории после постмодернизма*. – М.: Канон+, 2010. – 400с.
4. Касавин И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2005. – Т. 6. – № 4. – С. 5-17.
5. Князькина Е.А. Тенденции развития нарратива в контексте репрезентации исторического знания: от рационализма к конструктивизму // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – 2020. – Т. 9. – №5-1. – С. 168-174.
6. Кроче Б. *Теория и история историографии* – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 192 с.
7. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // *Вопросы философии*. – 2006. – № 4. – С. 44-55.
8. Кукарцева, М.А., Коломоец, Е.Н. Эпистемология и онтология истории // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. – 2007. – № 1. – С. 24-35.
9. Нора П. Проблематика мест памяти // *Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок*. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 17-50.
10. Поппер К. *Нищета историцизма*. – М.: Прогресс, 1993. – 188 с.
11. Порус В.Н. Два лика философии истории // *Философский журнал*. – 2019. – Т. 12. – №1. – С. 104-116.
12. Савельева И.М, Полетаев А.В. О пользе и вреде презентизма в историографии // *«Цепь времен»: проблемы исторического познания*. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С.63-68.
13. Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 113-135.
14. Сулима Е.Н. Глобальный социальный порядок постиндустриализма и процессы деонтологизации человеческого бытия // *Ценности и смыслы*. – 2018. – № 3 (55). – С. 16-31.
15. Тульчинский Г.Л. Философия истории и нарративы исторической памяти // *Филос. журн. / Philosophy Journal*. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 117-129.
16. Хорт М.Г. Контекстуализм: ставки и прагматическое вторжение // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. – 2020. – № 4 (38). – С. 161-168.
17. Callon M. An essay on framing and overflowing: economic externalities revisited by sociology // *The laws of the markets*, Oxford, Blackwell Publishers, 1998. – p. 244-269.
18. Domanska E. The material presence of the past // *History and Theory*, Vol. 45, No. 3 (Oct., 2006). p. 337-348.

СМЫСЛ ИСТОРИИ

КАК РЕФЛЕКСИЯ ЕЕ ЦЕЛЕВОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Волков Ю.К.

Аннотация: В статье показано, что основные варианты решения проблемы смысла истории, понимаемой как ответ на вопрос о том, есть ли в истории человечества доступная пониманию причинная цель, могут быть представлены в виде имманентных, трансцендентных и трансцендентальных интерпретаций причин и смыслов реальной истории.

Ключевые слова: смысл истории; целевая причина; рефлексия; имманентное; трансцендентное; трансцендентальное.

Понятие «смысл истории» группирует вокруг себя целый ряд ключевых проблем объективной и субъективной истории. Такая особая роль термина «смысл истории» обусловлена его корреляцией с двумя основными значениями понятия «история», которое во всех европейских языках означает: с одной стороны, – реальный исторический процесс, а с другой, – историческое познание, рассказ о прошлом.

Применительно к истории существования мировой цивилизации, как правило, используется только первое – онтологическое значение смысла истории, обозначающее «ту цель, которая стоит перед человечеством и которую оно способно достичь благодаря своей постепенной эволюции» [2, с. 104]. Однако поскольку человечество, как и отдельный человек, способно менять цели своей деятельности, очевидно, что оно может оценивать результаты своего исторического бытия и переопределять его смысл.

Следовательно, проблема смысла истории, как видовой конкретизации принципа причинности, в этом ее аспекте пересекается с вопросами гносеологической и антропологической направленности [7, с. 101-104]. В предметных рамках социальной философии эта семантическая двойственность проблемы смысла истории обеспечивает ее одновременное нахождение в проблемном поле социальной онтологии и социальной рефлексии [3, с. 230].

Таким образом, проблема смысла истории в ее общем виде может быть сформулирована, как перманентно сохраняющий двойственную модальность вопрос о том, есть ли в истории человечества доступная пониманию причинная цель, к которой явно или неявно стремятся все участники исторического процесса?

Для решения указанной проблемы обычно используется концептуальный подход, требующий выбора различных моделей истории. Исходя из критериев реальности и осмысленности истории, Н.С. Розов, например, предлагает четыре варианта интерпретации смысла истории: нереалистический и неосмысляющий; осмысляющий, но нереалистический; реалистический, но неосмысляющий; реалистический и осмысляющий [8, с. 5-7]. Однако, как следует из дальнейших

разъяснений автора, для современного решения проблемы смысла истории подходит лишь последний вариант, который представляет собой комбинацию априорных и апостериорных схем анализа реальной истории [8, с. 8].

С учетом сущностных расширений указанной аналитической оппозиции, предлагаемая нами типологическая схема картины истории будет состоять из трех вариантов. Условно назовем их трансцендентными, имманентными и трансцендентальными (априорными) модификациями финитных причин и смыслов реальной истории. Критериями указанного типологического деления будут выступать следующие онтологические и гносеологические характеристики реальных и идеальных форм бытия. В первом случае – это все то, что выходит за пределы человеческого опыта. Во втором – то, что располагается в границах человеческого сознания. В третьем – то, что актуально определяет имманентное, но потенциально выходит за его пределы [5, с. 93-95].

К сказанному следует добавить, что, несмотря на очевидную генетическую связь моделей истории, предназначенных для решения проблемы ее смысла, с религиозными и философскими картинами мира, в действительности все три концептуальные модификации истории могут иметь вид более сложных и пересекающихся системных образований.

Концептуальная специфика трансцендентного – религиозного по своему мировоззренческому статусу варианта решения интересующей нас проблемы заключается в понимании смысла реальных исторических событий как следствия общей для всего человечества внешней целевой причины. Подобное толкование содержательной сути понятия «смысл истории» исходит из того постулата, согласно которому вне истории существует и действует абсолютно свободный, рационально мыслящий субъект, направляющий ход исторических событий по заранее определенному им плану.

Идейным источником такой разновидности решения проблемы смысла истории, в первую очередь, выступают религиозно-христианские доктрины, сформировавшиеся в рамках библейского мирозерцания. Именно здесь

обнаруживается отличное от античного принципа космической завершенности бытия – антистатуарное понимание акта творения, смысл которого завершится в будущем. Бог, действующий вне пределов этого мира, и реализующий свой предвечный план в долгом акте продолжающегося творения, в указанном варианте объективной истории каждый раз создает новые ситуации и различным образом реагирует на них [11, с. 14].

Теистический отказ от античной идеи существования имманентной метафизической сущности, задающей направление и ход исторического времени, представлял собой, согласно периодизации классической европейской историографии Р. Коллингвуда, второй, после возникновения самого жанра истории, радикальный поворот в историческом сознании.

Как отмечает в этой связи английский историк, согласно христианской доктрине творения, все в этом мире не только не существует вечно, но может изменяться в соответствии с божественным замыслом, который не доступен человеческому познанию и обнаруживается лишь в практических результатах человеческих усилий [4, с. 47-48].

Типичным примером подобного толкования концепта «смысл истории» является историософская доктрина Августина Аврелия. Руководствуясь иллюстрациями и сюжетами, заимствованными из библейской и античной истории, Августин трактует историю человечества как предопределенный Богом всемирный процесс, завершением которого станет предсказанный в пророчествах конец света. Как видно из приведенного краткого резюме, решение проблемы смысла истории было осуществлено Августином в теософской стилистике, сочетающей эсхатологический подход с профетической интерпретацией истории [11, с. 23].

В целом же учение об абсолютном предопределении Августина представляет собой мировоззренческий вариант трансцендентного объяснения принципа целевой причинности, в котором дополнительно присутствует нравственно окрашенная теологическая трактовка смысла человеческого бытия. В этой двойственной интерпретации описываемых теологом трагических

событий прошлого, их общий позитивный смысл следует воспринимать как детравматизирующую идею божественного испытания добродетелей веры и любви [9, с. 486].

При таком очеловеченном понимании проблемы смысла истории, как допускаемого Богом персонального выбора, история актуально никого и никуда не ведет, а потому может прекратиться в любой момент времени в силу отсутствия в ней собственной финитной логики. Что не отрицает сам принцип телеологизма, понимаемый как внешний смысл мирского бытия, и как череду испытаний человека на своем жизненном пути [9, с. 490].

Выбор трансцендентной модели библейской и земной истории в качестве образца для христианско-теологического решения проблемы ее смысла, подтверждает еще один богословский проект, реализованный современником Августина Павлом Орозием. В основе его апологетической «Истории против язычников» лежит история восточных и античных империй, смысл существования которых видится Орозию в закономерном переходе имперской власти. Вместе с тем, выполняя заказ на проект создания универсальной истории, Орозий пытается в свое трактате обозреть все историческое время, начиная с творения мира. На этом отрезке истории центральное место у него занимает такое судьбоносное для понимания смысла человеческого бытия событие, как грехопадение Адама [10, с. 158-159].

Грехопадение первого человека и другие, описываемые Орозием греховные события человеческой истории, снимают жесткий детерминизм божественной предопределенности и вынуждают признать существование в истории такой универсальной субстанции, как порочная природа человеческих страстей. Отсюда следует традиционная для христианской историософии идея о внешнем характере вмешательства Бога в историю и его наказания людей за их грехи. Хотя при этом все вмешательства Бога в мирскую жизнь, как показывает Орозий, происходят опосредованно – через человеческие поступки и природные катаклизмы [10, с. 161].

Оценивая общее влияние христианского мировоззрения на европейскую историографию, Р. Коллингвуд отмечает следующие принципиальные моменты. Во-первых, христианское мировоззрение изменило понимание роли личности в истории, которая стала теперь рассматриваться как, значимое для истории средство реализации целей божественного замысла. Во-вторых, способствовало внедрению в историографию принципа историзма, понимаемого как закономерный и творческий процесс создания из небытия нового не только по форме, но и по самой сути. В-третьих, христианство, благодаря идее универсализма человеческой природы, оказало непосредственное воздействие на формирование доктрины единой всемирной истории [4, с. 48-49].

Следовательно, в христианской историософии проблема смысла истории решается на основании доктрины реального существования внешнего, содержательно недоступного рациональному человеческому познанию божественного замысла, онтологически инициированного актом первоначального творения. В то время как действительная земная история представляет собой реализацию не божественных, а человеческих жизненных целей.

В последующем именно отказ от принципа неизменности внешнего, детерминирующего ход истории божественного замысла, создал идейные условия для перехода к философской и светской по своей мировоззренческой сути историографии эпохи Нового времени [4, с. 48]. Вместе с тем специфика мировоззренческого влияния на историческую науку новой версии целевой причинности по-разному проявилась у разных представителей европейского модерна.

Например, И. Гердер, несмотря на присущей его философско-исторической доктрине природный телеологизм, сформулировал проблему различий между иррациональной историей природы и человеческой историей, понимаемой им как осознаваемый человеком творческий духовный процесс [4, с. 90].

У Канта ключом к пониманию проблемы цели и смысла истории выступает человека как свободное и моральное существо, наделенное рациональным мышлением. Движущими силами прогресса человеческого разума в кантовском проекте всемирной истории выступают два трансцендентальных фактора. Во-первых, это идеализируемые познающим субъектом ценности человеческих добродетелей. Во-вторых, это провиденциальная мудрость божественного разума, действующая вопреки природной человеческой порочности [4, с. 95-98].

Целиком кантовский проект человекоцентристской истории выглядит следующим образом. Во-первых, в универсальной истории есть общий априорный план прогрессивного движения, который творчески проявляется на каждом его этапе. Во-вторых, объективным критерием исторического прогресса выступает человеческая рациональность, интеллект и нравственная свобода человека. В-третьих, средством, благодаря которому осуществляется прогресс человеческого разума, является присущая человеку природная иррациональность [4, с. 100].

Философия истории Г. Гегеля, которую в целом можно рассматривать как наиболее последовательную идеалистическую разновидность имманентной модели реальной истории, вместе с тем, соединила все стороны ее поступательного движения. Исторические события, как считает Гегель, отличаются от простой логической последовательности неисторических процессов тем, что содержат в себе целевые мотивы человеческих деяний, которые могут быть осмыслены и воспроизведены в человеческом сознании [4, с. 111].

Таким образом, смысл историческим событиям придает сам человек благодаря осознанию им своей жизни. История как совокупность волевых и аффективных поступков также есть рациональный процесс, поскольку действия и страсти могут быть присущи лишь разумным существам. В этом и проявляется «хитрость разума», который осуществляет в истории свои цели не

сам по себе, а через внешне иррациональные действия конкретных людей [4, с. 112-113].

Как отмечает в этой связи Коллингвуд, в определении «хитрости» сверхчеловеческого разума Гегель высказал оригинальную идею, одновременно альтернативную как теологическим учениям о существовании в истории божественного смысла, так и просветительским доктринам о наличии природного ума. Суть этой идеи состоит в динамическом понимании саморазвивающегося разума, который одновременно рационален и иррационален, человечен и сверхчеловечен. Однако в своей основе саморазвитие, имманентного по отношению к самому себе разума, все же подчиняется законам логики, а потому поступательное историческое движение во времени и пространстве носит законосообразный и частично априорный характер [4, с. 113].

Эта формальная априорность содержательно апостериорной истории обусловлена тем обстоятельством, что ее внешним проявлением выступают эмпирические события, связанные между собой пространственно-временными отношениями. С внутренней же стороны, все исторические события связаны логическими отношениями, благодаря наличию в них идеальных смыслов. Именно это обстоятельство позволяет историкам осмыслить то, что собой представляют собой реально существующие исторические факты [4, с. 114].

Исходя из такого частично априорного и частично эмпирического понимания смысла истории, Гегель завершает свою философскую историю человечества настоящим временем, оставляя за будущим лежащие вне пределов истории человеческие надежды и страхи [4, с. 116].

Критическим опытом развития гегелевского поиска истинного смысла прошлого через его мысленную связь с настоящим, стала герменевтическая концепция «действенной», или понимающе-интерпретативной истории Г. Гадамера [6, с. 138].

В поисках максимально понятного прошлого, Гадамер предлагает не восстанавливать его «умерший смысл», который всегда существует в виде

гипотетических свидетельств и авторских рефлексий, но создавать его заново на базе более широкого контекстуального «горизонта» видения описываемых событий. Благодаря этому, интерпретатор истории сможет обеспечить себе историческую дистанцию между прошлым и настоящим, между партикулярным смыслом исторических событий и общим историческим замыслом. Несмотря на то, что общий и частный смысл истории, как считает Гадамер, представляет собой лишь экстраполяцию человеческих жизненных планов, он в очередной раз подчеркивает историческую ограниченность нашего сознания, которое наполнено настоящим [1, с. 404].

Исторические события, по словам Гадамера, никогда не совпадают с субъективными представлениями о них тех, кто жил в то время, и тех, кто описывал эти события. Точно так же, как смысловые тенденции очевидцев исторических событий выходят за пределы авторских описаний, эти тенденции выходят и за пределы самого исторического текста. Поэтому задача понимания смысла истории, как считает немецкий философ, должна быть направлена только на текст, который подобно природному объекту будет нам понятен лишь тогда, когда мы окажемся в состоянии сами его искусственно воспроизвести [1, с. 405].

В культуре постмодерна эвристически полезная методика искусственного воссоздания новых исторических смыслов трансформировалась в пародийную идею их произвольного и эклектичного смешения. Как отмечает теоретик эстетики постмодерна Ф. Джеймисон, пародия-пастиш (от итал. *pastissio* – опера, составленная из отрывков) превращает историю в предысторию, состоящую из ретроспективных образов, разрозненных псевдособытий и фотографических симулякров, связь которых с оригиналами отсутствует, а их референты стираются из памяти [12, р. 15]. Вместе с тем демонстрируемое в культуре постмодерна пародийное, псевдоисторическое конструирование истории не отменяет реально существующей смысловой преемственности между прошлым и настоящим, которая регулярно воссоздается на базе конкретных форм единого культурно-исторического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова / Х-Г. Гадамер.– М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Ивин А.А. Философия истории: учебное пособие / А.А. Ивин. – М.: Гардарики, 2000. – 528 с.
3. Ильин В.В. Философия: учебник для вузов / В.В. Ильин. – М.: Академический Проект, 1999. – 386 с.
4. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 486 с.
5. Лаврухина И.М. Идея трансцендентного: от религиозного к светскому трансцендизму / И.М. Лаврухина // Исторические, философские, юридические и политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 4 (54): в 2-х ч. – Ч.1. – С. 92-97.
6. Линченко А.А. Проблема исторического сознания в немецкой философии и теории истории во второй половине XX – начале XXI века / А.А. Линченко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2013. – № 4 (32). – С. 137-142.
7. Никифоров А.Л. Природа философии: Основы философии / А.Л.Никифоров. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 168 с.
8. Розов Н.С. Смысл истории как испытание человеческого рода в пространствах изменений / Н.С. Розов // Философия и общество. – 2005. – № 3(40). – С. 5-25.
9. Сыров В.Н., Суханова С.Ю. «О граде Божьем» и современная философия истории или что нам могут сказать размышления Августина об истории / В.Н. Сыров, С.Ю. Суханова // Философское антиковедение и классическая традиция. – 2014. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 480-491.
10. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского / В.М. Тюленев. – СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2005. – 288 с.
11. Уколова В.И. Время и история на исходе империи: Аврелий Августин / В.И. Уколова // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. История / *Studia classica et mediaevalia*. – 2013. – № 17 (118). – С. 12-36.
12. Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism / F. Jameson. – Durham: Duke University Press, 1991. – 438 p.

УТЕШЕНИЕ МИФОЛОГИЕЙ ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА

Воронова Н.И.

Аннотация: в статье анализируются информационно-коммуникативные и семиотические механизмы современного историко-культурного мифотворчества. Мифотворчество рассматривается как антропологическая потребность, как культурная универсалия и смысловая матрица исторической памяти. Выявляется мифооснова историко-культурного бытия, символические ресурсы и роль мифа в современном коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: миф; историческое мифотворчество; неомифологическое сознание; мифоистория.

Мифы были и остаются реальностью, в которой и которой живут люди. В современном неомифологическом сознании переплетаются элементы научных, философских, художественных, религиозных и иных представлений. Архаический миф в большей степени был обращен в прошлое, к сакральному времени первотворения, современный же служит обоснованию сложившегося актуального социокультурного порядка, закрепляет и легитимирует общественные ценности и образы потенциального будущего.

В ситуации субкультурности, мировоззренческой мозаичности, многогранности и альтернативности картин мира, социокультурной нестабильности и ценностного релятивизма возрастает потребность в мировоззренческой целостности. Но обеспечить такую целостность может на уровне массового сознания именно мифологический синкретизм. Тревожность и чувство утраты экзистенциальных основ бытийности в массовом сознании прогрессируют. Современный массовый человек с поверхностным инертным мышлением и восприятием без углубленного анализа и рефлексии «обманываться рад», довольствуясь формами без содержания, принимая желаемое за действительное, иллюзию за реальность, так проще, так спокойнее и «понятнее». Такому человеку требуется упрощение информации, упрощение восприятия, упрощение обучения и т.п., в итоге – упрощение до беспомощности и бессубъектности.

Человек первостепенно слышит и видит то, что предпочитает. Мы теряем непосредственность и объективизм восприятия. Так, относительно художественного восприятия, М. Герхардт замечает: «мы веками привыкли относиться с почтением, даже в кредит, к знаменитому художнику; в первую очередь наличие его подписи дает точку опоры при встрече лицом к лицу с произведениями искусства и тем самым вызывает чувство безопасности» [4,с. 56]. Обыденное сознание апеллирует к мифологическому синкретизму. Массовое сознание через мифотворчество ищет ясности и покоя, преодолевает противоречивость и многозначность историко-культурного бытия. Как отмечает Н.С. Автономова: «Находя убежище в мифическом мире,

«разорванное» сознание обретает свободу, путешествуя по временам и пространствам, обеспечивая себе, как в сказке, присутствие всех возможных и желаемых культурных ценностей, когда-либо и где-либо возникавших в истории» [1, с. 185].

Современное сознание пользуется традиционными механизмами и формами мифотворчества, заполняя их новым содержанием и значением. Если архаическое мифотворчество в основном носило естественный характер в силу доминирования мифа как чувственно-образной коллективной исторически первой мировоззренческой формы, то современное мифотворчество может быть как естественным на уровне обыденного массового сознания, так и искусственным в пространстве историко-политического, социального или художественного мифотворчества.

Миф вводится в историю, история дополняется мифами, миф противопоставляется истории, миф творит историю... По выражению постмодернистского писателя Дж. Джойса, «миф помогает выйти из истории в вечность», пробудиться от «кошмара» истории.

Посредством архаического мифа осуществлялась инициация, посвящение и включение человека в социум. Посредством же современного мифа может происходить как подобный процесс, так и обратный: маргинальный миф может способствовать выпадению из социокультурной общности.

Путем мифотворчества достигается идеальное инобытие природы и человека. Человек неизбежно проецирует антропологические смыслы на многочисленные объекты своего восприятия. Человек познает не саму объективную данность, он не может с ней отождествиться, а то, как она может быть доступна его восприятию через образы, представления и понятия. Мифопознание мира всегда строится в соотнесенности с самим человеком, со всем многообразием его восприятий и переживаний. Первостепенно значимым оказывается не истинность или ложность историко-культурного материала, а как он переживается. Задача мифа не познать, а освоить. Неомифологическое сознание конституирует воспринимаемый объект согласно своему пониманию

и отношению к воспринимаемому, наполняя его эмоционально-переживательными оценками, выраженными в мифотворчестве в символической форме.

Некоторые механизмы мифотворческого мышления могут становиться питательной средой для творческого мышления: уподобление, широкая ассоциативность, апеллирование нестандартными образами могут вывести воображение, в том числе ученого, за пределы стандартного шаблонного мышления в рамках устоявшихся концепций и представлений и преодолеть «окаменелость» мысли. Результатом мифотворческой деятельности является конкретно-чувственная образность.

Одни события «бесследно» исчезают со временем, другие продолжают свое существование, становясь содержанием историко-культурной памяти человека и общества. Сегодня эта память может заполняться фейковыми новостями, симулякрами и событийными имитациями. Битвы за историю, разворачивающиеся в историческом мифотворчестве, пытаются вносить свои «коррективы» в эту память. История переписывается и переинтерпретируется в зависимости от целей и задач настоящего. Доминируют стратегии «отмывания» и «героизации» своего или «очернения» чужого исторического прошлого. Мировая история очень часто становится объектом манипуляций. История осовременивается смыслами значимыми для настоящего.

Мифологемы становятся фактами сознания. В рамках современного мифотворчества мифологизируется не только прошлое и настоящее, но и будущее. При этом все больше мифов об утраченном будущем в духе антиутопических нарративов.

Миф выступает универсальной коммуникативной системой, являясь доступной и быстрой формой передачи информации, в том числе на бессознательном уровне.

Разрабатывая символическую теорию мифа Э. Кассирер указывает на то, что конкретно-чувственное мышление может строить обобщения, только становясь знаком, символом. Таким образом, трансляции и аккумуляции

знаковых структур современного мифа могут рассматриваться в контексте семиотических механизмов культуры. Архаический миф первоначально закреплялся в обряде, ритуале, современный миф – в языке, символе. Одни и те же значения неомифа могут воплощаться в разнообразных знаковых системах. Современный миф обладает свойством инвариативности, сохраняет тождественность смысла, опредмечиваясь в различных культурных социокодах, образуя в итоге одновременное сосуществование идентичных по смыслу, но разных по форме информационных копий. Инвариативность мифа делает его эффективным способом коммуникации в поликультурном мире. Миф посредством своей знаковой функции способствует созданию унифицированного коммуникационного пространства, когда не требуется специального «перевода» на язык другой культуры, чему способствует архетипическая всеобщность символа. При этом в плане значения миф может выступать одновременно как означающее и означаемое. Именно в этой диалектике означающего и означаемого миф, как отмечает Р. Барт, проявляется «как похищенное и возвращенное слово», из-за неразличимости смысла и формы срабатывает заложенный в мифе механизм и «читатель переживает миф как историю одновременно правдивую и реальную» [2, с. 250, с. 254].

Мифотворчество свойственно как коллективному, так и индивидуальному сознанию. При этом один и тот же современный миф может быть ориентирован на достижение различных целей. Мифологический образ извлекается из исторической памяти и включается в современные процессы социокультурной коммуникации. Мифологизированные медийные иллюзии действительны и привлекательны для массового сознания. Мифотворчество дает иллюзию понимания происходящего и позволяет оправдывать все то, что делает человек. Мифоисторию не интересуют факты как таковые, она произвольно заполняет их смыслами в угоду актуальным переживаниям, невозможно выстроить полную исчерпывающую картину прошлого [3]. «Задача истории как науки – реконструировать прошлое по алгоритмам именно прошлого, а не того времени, в котором живет историк» – замечает А.М. Шлезингер [8, с. 539],

между тем в историческом мифотворчестве прошлое все активнее подстраивается под настоящее.

Энергия мифотворчества ни положительна, ни отрицательна, это питательная почва духовного освоения мира и его символизации. Но в зависимости от качеств и целей самих людей может иметь как конструктивные, так и деструктивные последствия. «Миф призван снять травму, воссоздать ускользающее единство окружающего мира, разломанного историческими драмами... Миф – это лекарство обыденного сознания и одновременно – его экспансия... И наряду с этим одним из главных признаков оказывается простота, схематизм, антиисторизм» [7, с. 427-428].

В современном мире возрастает политизация искусственного мифотворчества, оно приобретает форму манипуляции массовым сознанием. Ролан Барт, анализируя современные мифы, характеризует их как комплекс коннотативных означаемых, составляющих идеологический уровень дискурса. «Миф опасен, если наполнен античеловеческим содержанием. Миф выигрывает, если сливается с мудростью, приближает мудрость к миру, к жизни, к действию», – полагает А. Гулыга [5, с. 171]. Миф используется для целей идеологии, так как способен демонстрировать не реальные связи и отношения мира и человека, а особым образом сконструированные. Эффективность и дееспособность идеологии зависит от действенности лежащих в ее основе мифологических построений. Социально-политические мифы могут способствовать как интеграции, так и дезинтеграции общества и культуры, как, например, при построении образа «заклятого врага». Конструирование мифологического образа врага позволяет снять ответственность за проблемное настоящее и объяснить существующие трудности. Мифологема врага всегда строится на преувеличении «злых намерений» и «заговора». При этом, конечно, необходимо различать врагов реальных и мнимых. Эффективность политического мифа связана с его апелляцией к традициям культурной общности и понятийной ясностью, способствующей в сложной или неопределенной ситуации получить

психоэмоциональную поддержку и четкий ответ на волнующие социум проблемы. Миф имманентен коллективному сознанию. Социальные мифы, функционируя на различных уровнях массового сознания, с одной стороны, помогают человеку приспособиться и ориентироваться в стремительно изменяющемся мире, а с другой стороны, они способствуют конформизму и окостенелости массового сознания, мешающего оперативной перестройке и адаптации в связи с изменяющимися социокультурными условиями. Мифоистория хранит культурные коды, сакрализует социально-политическое пространство. Историческое мифотворчество способствует социальной интеграции и мобилизации.

Мифосимволическая способность дает человеку некоторую экзистенциальную уверенность и социальную стабильность, способствует сохранению единства человеческого бытия. С другой стороны, удерживая сознание человека на рефлекторно-знаковом, символическом и бессознательном уровне взаимодействия с социокультурной средой, миф препятствует личностному индивидуализированному становлению, заполняя сознание стереотипами, предрассудками, бессознательными установками и т.п. Архаическое мифическое единство человека и природы трансформировалось в современные корпоративно-идеологические формы социального взаимодействия. Мифотворчество – это способ преодоления незнания. В целом же в процессе исторического развития мифологические формы культурного осуществления человека существенно не изменяются. Миф является универсалией и матрицей социокультурного бытия. Миф укоренен в культуре и в архетипических структурах самого человеческого сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Рассудок, разум рациональность. – М., 1988. – С. 185.
2. Барт Р. Мифология: Пер. с фр. / Вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – М., 1996. – С. 250.
3. Воронова Н.И. Смысл истории или история смысла: философско-антропологический аспект// *Философия и методология истории*// Сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции, Коломна, 2017. – С. 30-37.
4. Герхардт М. Искусство повествования. – М., 1984. – С. 56.
5. Гулыга А.В. Миф и современность // *Иностранная литература*, 1984, – № 2. – С. 171.

6. Косарев А.Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. – М., 2000.
7. Соловьев С.М. Идеологические мифы в современных учебниках истории //Отражение событий современной истории в общественном сознании и отечественной литературе (1985-2000): Материалы научно-практической конференции, 27–28 октября 2009 года. – М., 2009. – С. 227–245.
8. Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. – М.: Прогресс-Наука, 1992. – 686 с.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГУСТАВА ШПЕТА И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ*

Демин И.В.

Аннотация: Рассматривается представленная в герменевтической феноменологии Г. Шпета трактовка дисциплинарного статуса и проблематики философии истории. Философско-историческая концепция Шпета анализируется в русле «онтологического поворота». Показано, что назначение философии истории как онтологии в горизонте феноменологии Шпета состоит в предваряющем раскрытии истории как специфической действительности, в экспликации «идеи истории», конститутивной для области исторического бытия.

Ключевые слова: философия истории; герменевтическая феноменология Шпета; онтологический поворот; онтология истории; логика истории; методология истории.

Первые два десятилетия XX века в европейской философии прошли под знаком господства методологизма разных мастей [1, с. 455-458]. Суть методологизма как философской установки заключается в отрицании за философией самостоятельного значения, в ограничении её предметного поля областью теории познания и философии науки. Наиболее мощными ответвлениями на древе методологизма в конце XIX – начале XX в. были позитивизм и неокантианство. Негативной реакцией на односторонний сциентизм и методологизм академической философии стал всплеск интереса к иррационалистическим и виталистическим доктринам, представленным в различных направлениях «философии жизни», а также религиозно-философский ренессанс.

В этих условиях проходило становление феноменологии как нового философского направления, представители которого стремились, с одной

* Работа ранее публиковалась в журнале: Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2019. - № 2. - С. 103-115. Статья печатается в новой редакции.

стороны, отстоять собственное предметное поле философии, а с другой стороны, сохранить за ней статус научно-теоретического знания. Таким был исходный замысел как рефлексивной феноменологии Гуссерля, так и герменевтической феноменологии Шпета [6; 9]. В области философско-исторической рефлексии феноменология противостояла, с одной стороны, спекулятивным историософским построениям гегелевского типа, с другой стороны, попыткам неокантианцев ограничить философию истории областью методологии исторического познания и логики исторической науки.

Для понимания специфики философско-исторической концепции Шпета существенное значение имеет проводимое русским философом различие положительной и отрицательной философии. Это различие обосновывается и иллюстрируется на обширном историко-философском материале в работе «История как проблема логики», впервые опубликованной в 1916 году, хотя основания для размежевания двух типов философской рефлексии были намечены Шпетом ещё в работе «Явление и смысл. **Феноменология как основная наука и ее проблемы**» [12] (1914), в которой *даётся разбор и критика системы трансцендентального идеализма Э. Гуссерля и намечается проект* герменевтического и онтологического поворота.

«Положительная» и «отрицательная» философия представляют собой две линии, две традиции в истории западной философии, каждая из которых берёт своё начало в античности. В самом общем смысле под «отрицательной философией» Шпет понимает такой тип философской рефлексии, при котором акцент переносится с рассмотрения познаваемого (то есть действительности) на анализ самого процесса познания и его результатов. Прообраз всякой отрицательной философии Шпет усматривает в древнегреческой софистике, которая «начинает с отрицания, с отрицательного утверждения по отношению к подлинно сущему, с провозглашения его иллюзорности» [13, с. 18]. Греческая мысль, согласно Шпету, смогла преодолеть «негативность» софистики, придя (в лице Сократа и Платона) к подлинной, то есть положительной философии. Положительная философия понимается Шпетом как чистое знание, предметом

которого выступает область последних оснований и абсолютных начал. Ту версию положительной философии, которую разрабатывает Шпет, можно интерпретировать как платонизм, прочитанный в феноменологическом ключе [7].

Понятие отрицательной философии в концепции Густава Шпета фиксирует влиятельную тенденцию, связанную с попытками свести философию к теории и методологии научного познания, лишив её тем самым собственной предметной области. В сфере философско-исторического знания данная тенденция находит своё наиболее яркое проявление в двух методологических стратегиях – позитивистской и неокантианской. Отрицательная философия запрещает ставить вопросы о том, что такое история, *взятая безотносительно к исторической науке*.

В качестве продуктивной альтернативы методологизму и субъективизму отрицательной философии Шпет выдвигает проект обновления «первой философии» и интерпретации философии истории как феноменологической онтологии.

Обратимся к вопросу о соотношении исторической науки, философии истории и методологии исторического познания в феноменологии Шпета. Не будет преувеличением сказать, что данный вопрос является ключевым для понимания сущности и специфики исторического познания. В работе «История как проблема логики» Шпет уделяет этому вопросу самое пристальное внимание.

В своём противостоянии неокантианской философии Шпет последовательно придерживается тезиса о том, что философия в исходном смысле есть *теория познаваемого*, а не *теория познания* (подробнее об этом см.: [3]). Из этого следовало принципиальное положение: философия истории как теория исторической действительности и историческая наука имеют дело с одним и тем же предметом, с одной и той же областью бытия, однако, данные дисциплины рассматривают эту область по-разному. «Действительность в некоторой своей спецификации является предметом науки истории и

философии истории, один раз в его эмпиричности, другой – в его идеальности. История и философия истории, следовательно, каждая по своему, изображают этот предмет, выражают его» [13, с. 62]. Философия истории, таким образом, в своём исходном виде есть *онтология* (учение об историческом бытии), а не теория познания.

Означает ли данный тезис возврат к историософии спекулятивного типа, которая в начале XX в. была подвергнута всесторонней критике не только неокантианцами, но и такими философами, как Б. Кроче и В. Дильтей? Можно ли поставить знак равенства между «философией истории», как понимает её Шпет, и традиционной теорией исторического процесса? На оба вопроса следует ответить отрицательно. Философия истории по сравнению с конкретно-историческим исследованием не является всего лишь более масштабным повествованием. Различие между философией истории и исторической наукой не сводится к тому, что первая стремится дать картину *всей* истории, тогда как вторая всякий раз имеет дело с каким-то *фрагментом* исторического прошлого. Тезис о том, что философия истории имеет дело с исторической действительностью в её «идеальности» предполагает постановку вопроса о сущности исторического, о самой «идее истории», с той существенной оговоркой, что «идею» здесь следует понимать не в кантовском, но в платоновском смысле – как *конститутивное начало бытия*. Для Шпета ответ на этот вопрос не может лежать в плоскости логики и методологии познания, как это было в философско-исторической концепции Риккерта (см.: [5]). «История» для Риккерта – это действительность, рассмотренная сквозь призму индивидуализирующего метода. Согласно Шпету, философия истории не сводится ни к теории исторического познания, ни к простому обобщению данных исторической науки. Философию истории нельзя рассматривать как синтез более высокого порядка по сравнению с конкретно-историческим исследованием.

Задача философии истории как *онтологии исторического*, согласно Шпету, состоит в «имманентном раскрытии смысла самого предмета» [13,

с. 39] и не может ограничиваться привнесением в историю внешних (по отношению к самой исторической действительности) «точек зрения». Различные частные точки зрения на исторический процесс, представленные в классической философии истории XVIII и XIX вв., согласно Шпету, не должны возводиться в ранг общего объяснительного принципа всего исторического. Философия истории, будучи онтологической дисциплиной, не может быть сведена к ответу на вопрос, что представляет собой история с точки зрения религии, развития нравственности, прогресса разума и т.д. В этом пункте Шпет отмежевывается не только от спекулятивных теорий всемирной истории, но и от так называемой критической философии истории, представленной в неокантианстве Риккерта и ряде других концепций (в концепции Риккерта история определяется и интерпретируется с одной из частных точек зрения – с точки зрения аксиологии, теории ценностей).

Обратимся теперь к вопросу о соотношении *философии истории* и *логики исторического познания* в концепции Шпета. Для «негативной» философии, как понимает её Шпет, характерно «перенесения философского интереса с проблем действительности на изучение самого субъекта» [13, с. 30], при этом «пути познания понимаются как субъективные пути» [13, с. 30], а «вследствие отрицания и самого предмета, как предмета действительного мира, для философского изучения ничего не остается кроме изучения одних только путей или методов» [13, с. 30]. В этом случае философия сводится к логике и методологии. Философия как таковая полностью отождествляется с философией науки, она более не имеет дела с самой действительностью, но только с действительностью как предметом научного познания. Философия природы сводится к теории естествознания, а философия истории – к логике образования исторических понятий и методологии исторического познания. Этой субъективистской трактовке философии Шпет противопоставляет тезис о зависимости логики и методологии от «первой философии».

В общем виде вопрос о соотношении логики и философии решается Шпетом следующим образом: логика не может рассматриваться в качестве

исходной и самостоятельной философской дисциплины, философия (онтология, «теория действительности») «дает логике указание на вид и бытие предмета» [13, с. 62]. Применительно к области исторического познания это означает, что «логика исторической науки есть наука о форме выражения исторической науки» [13, с. 62]. Логика как дисциплина не даёт ответа на вопрос о том, что является конститутивным для исторической действительности как таковой, однако проработка логических проблем исторического познания невозможна без предварительного рассмотрения и решения данного вопроса.

В работе «История как проблема логики» Шпет не устаёт повторять, что философия истории, как и историческая наука, имеет дело с *самой исторической действительностью*, тогда как логика истории имеет дело с *историческим познанием*: «Логика истории есть логика истории как науки; философия истории есть философия истории как эмпирической действительности» [13, с. 54]. «Эмпирическая история как наука имеет дело только с “вещью” в ее эмпирической установке, как бы мы эту вещь ни определяли, логика и методология имеет дело с самой этой наукой, и притом не в эмпирической, а идеальной установке» [13, с. 53]. Однако философия истории и логика истории – не две самостоятельных дисциплины, скорее, логику следует рассматривать как производное от философии (теории действительности). При этом, оппонируя Риккерт, Шпет подчёркивает, что логика истории не есть какая-то особая логика, отличная от логики естествознания, логика истории не отрицает логику как таковую, но является одной из её спецификаций.

Решающий момент, отличающий философию истории Шпета от классических теорий исторического процесса спекулятивного типа (христианской, гегелевской, марксистской), – трактовка исторической реальности как реальности *семиотической и герменевтической*, то есть подлежащей пониманию и интерпретации. Именно в феномене понимания («уразумения») Шпет усматривает источник социальности как таковой. В отличие от Дильтея, Шпет не противопоставляет герменевтические стратегии

понимания и интерпретации процедуре объяснения. «Было бы неправильно думать, – пишет он, – будто наука истории ограничивает свои задачи только пониманием и интерпретацией, т.е. обходится без выполнения того логического требования, которое предъявляется ко всякой эмпирической науке и которое называется объяснением или составлением *теории*» [13, с. 34].

История как наука, согласно Шпету, «начинает с утверждения, что то, что ей дано, есть только знак» [13, с. 33]. В настоящее время тезис о том, что историк имеет дело со знаками и связными последовательностями знаков (текстами), звучит вполне тривиально и мало кем ставится под вопрос, однако, далеко не всегда из этого тезиса извлекаются все логические и методологические следствия. Стремление извлечь все выводы из тезиса о семиотической природе исторической реальности и герменевтическом характере исторической науки лежит в основании такого направления, как семиотика истории [4, с. 5-11].

Переосмысление таких понятий, как «историческая реальность», «исторический факт», «историческое объяснение» в свете философской герменевтики было лишь в общих чертах намечено Шпетом в работе «История как проблема логики». Детальная же проработка ключевых вопросов и понятий герменевтически ориентированной философии истории в XX веке осуществлялась такими философами, как М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, О.Ф. Больнов, П. Рикёр. Ссылок на работу «История как проблема логики» в их трудах мы не найдём, тем не менее, именно Шпета, наряду с Дильтеем, можно считать родоначальником герменевтической философии истории и герменевтической логики как науки о «методах и правилах понимания смысла знаково-символических систем» [8, с. 47].

Переосмысление дисциплинарного статуса философии истории в герменевтической феноменологии Шпета можно рассматривать как один из эпизодов в рамках более масштабного проекта трансформации философского знания, суть которого обычно фиксируется с помощью термина «онтологический поворот» [10].

В XX веке попытки возродить онтологию («положительную философию» как теорию познаваемого – в терминологии Шпета) были связаны по преимуществу с феноменологическим и герменевтическим направлениями. Так, Гуссерль в «Идеях к чистой феноменологии» (1913) вводит понятие «региональной онтологии» в рамках феноменологического проекта «реформы наук». Региональная онтология определяется Гуссерлем как эйдетическая (априорная) наука, предметом исследования которой выступают априорные понятия, лежащие в основании той или иной конкретно-научной дисциплины [2, с. 45]. Региональная онтология не сводится к теории познания и методологии той или иной науки. Данный тезис находит обоснование в фундаментальной онтологии Хайдеггера и философской герменевтике Гадамера. В «Бытии и времени» (1927) Хайдеггер подчёркивает, что феноменология истории как региональная онтология исторического имеет дело с историей в её специфической «реальности», а не с историей, какой её «знает» историография. Феноменологическая онтология имеет дело с историей, какой она предстаёт в донаучном, дотеоретическом опыте соотнесённости человека со своим прошлым, а не с историей как объектом исторической науки. Региональная онтология исторического возможна до и без всякой историографии, так как само историческое сущее для того, чтобы быть историческим, не нуждается в историографии [11, с. 386].

Намеченная у Гуссерля и Хайдеггера и реализованная Х.-Г. Гадамером и П. Рикёром программа переосмысления традиционных философских дисциплин (в том числе и философии истории) в качестве региональных онтологий созвучна сформулированной Шпетом задаче возрождения «положительной» философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с.
3. Демин И.В. Герменевтическая феноменология Густава Шпета: на пути к «положительной» философии истории // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2019. – № 2. – С. 103-115.

4. Демин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2017. – 273 с.
5. Демин И.В. Философско-историческая концепция Генриха Риккерта: между логикой и аксиологией // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. - 2017. - № 9. - С. 148-156.
6. Калиниченко В. Густав Шпет: От феноменологии к герменевтике // Логос. - 1992. - № 5. – С. 37-61.
7. Кузнецов В. Г. Герменевтическая феноменология в контексте философских воззрений Г.Г. Шпета // Логос. – 1991. – № 2. – С. 199-214.
8. Кузнецов В. Г. Логика гуманитарного познания // Философия и общество. – 2009. – № 4. – С. 22-63.
9. Михайлов И. А. Идея герменевтической феноменологии // Философская мысль. – 2016. – № 5. – С. 1-15.
10. Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1 (10). – С. 93-108.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
12. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. – Томск: Гермес, 1996. – 192 с.
13. Шпет Г. Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. 1. – М.; СПб.: Университетская книга, 2014. – 510 с.

Г. МАРКУЗЕ И Э. ФРОММ: ДВЕ ВЕРСИИ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА*

Кукарников Д.Г.

Аннотация: В статье осуществлён компаративный анализ философских взглядов ведущих представителей Франкфуртской школы – Э. Фромма и Г. Маркузе – на противоречия в развитии современного индустриального общества, их социальные истоки и культурные последствия. Выявлена специфика подхода к рассмотрению проблемы каждого из авторов.

Ключевые слова: критическая теория общества; «гуманистический психоанализ»; природа человека; социальная деструкция; самодеструкция; социальный характер; культурная перспектива; «здоровое общество»; социальные изменения; «деисторизация»; «репрессивная толерантность».

Теоретические истоки и философские основания взглядов двух выдающихся представителей первого поколения Франкфуртской школы – Эриха Фромма и Герберта Маркузе – опираются на широкую историко-философскую традицию (отметим немецкую классическую философию, философию жизни, феноменологию, неокантианство, экзистенциализм, философскую антропологию), но в наибольшей степени и тот, и другой

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого». № 20-011-00406 - А.

испытали воздействие психоанализа Фрейда и марксизма. Кроме того, безусловно, значимую роль в становлении взглядов как Фромма, так и Маркузе сыграл тот исторический контекст (всемирно-исторические катаклизмы, мировые войны, кризис духовной культуры Запада), в рамках которого развивалось их творчество. Обратной стороной развитой индустриальной цивилизации стал упадок свободы в условиях демократических обществ – так называемая разумная несвобода, которая, возможно, коренится в самом техническом прогрессе.

Критика рационализма основоположниками Франкфуртской школы М. Хоркхаймером и Т. Адорно, осмысление социальной деструкции и её политических последствий (прекращение развития и уничтожение цивилизации), постановка проблемы направленности социальных изменений в технологическом обществе («Диалектика Просвещения», 1947) [9] приводит их к идее необходимости создания «критической теории общества» и противопоставления её «традиционной» теории. В значительной мере это связано с осознанием того, что вся предшествующая философская традиция (и культура в целом) достигла определённых пределов. Безусловно, понимание социальной теории как критики, выработанное в рамках Франкфуртской школы, также существенным образом повлияло на взгляды Фромма и Маркузе.

Э. Фромм, немецко-американский философ и психоаналитик, переосмыслил созданную З. Фрейдом модель обособленного, внесоциального индивида, жизнь которого определяется влечениями к жизни и смерти. В противовес классическому психоанализу (критика теории либидо), он разрабатывает новое психоаналитическое учение о поведении и концепцию «гуманистического психоанализа», в которой выявляется определяющая роль социальных и культурных детерминант в жизнедеятельности личности и общества.

В 1932 г. Фромм переходит на работу в Институт социальных исследований в качестве руководителя отдела социальной психологии. Здесь он впервые знакомится с трудами Маркса, которые произвели на него сильнейшее

впечатление. Впоследствии он напишет: «Меня глубоко волновали вопросы индивидуальных и социальных феноменов, и я стремился найти ответы на эти вопросы. Я нашёл ответы в системах и Маркса, и Фрейда. Но я также был увлечён анализом различий между этими двумя системами и желанием разрешить эти противоречия... я хотел добиться синтеза, который должен был стать следствием понимания и критики обеих мыслителей [8, с. 191-192]. В дальнейшем это приведёт Фромма к критике фрейдизма, с одной стороны, и переосмыслению ряда положений марксистской теории, с другой. Результатом этого стало создание «гуманистического» психоанализа, связанного с разработанным им новым учением о человеке.

Согласно Фромму, человек в процессе исторического развития утрачивает инстинктивные (естественные) связи с природой, что приводит к возникновению экзистенциальных и социальных противоречий, влекущих за собой нарушение его внутреннего равновесия (утрата безопасности и покоя), и толкает к поискам нового равновесия. «Эти новые формы равновесия отнюдь не всегда выстраиваются в одну сплошную линию поступательного развития. Нередко новые достижения приводили к регрессу, история человечества как бы двигалась вспять» [5, с. 196].

Фромм выделяет следующие дихотомии: патриархальный и матриархальный принципы организации жизни людей, авторитарное и гуманистическое сознание, эксплуататорский и рецептивный типы характера, обладание и бытие как два способа жизнедеятельности индивида, негативная «свобода от» и позитивная «свобода для» в процессе развития личности. Он попытался решать эти дихотомии путем соединения фрейдистской психологии, которую он доработал в направлении «гуманистического» психоанализа, и неомарксистской социологии, развивая социально-критическую теорию и концепцию «коммунитарного социализма». В статье «Методика и функции социальной психологии» (1932) Фромм писал о том, что исторический материализм нуждается в научной системе, описывающей психическую структуру человека, а психоанализ является дисциплиной, наиболее пригодной

для нужд исторического материализма, так как может дать более полное понимание одного из факторов, действующих в социальном процессе, природы самого человека [7, с. 143-144].

Преимущественный фокус исследовательского интереса Фромма связан с психоанализом и философской антропологией. В понимании природы человека он исходит из экзистенциального противоречия, согласно которому «человек – единственное живое существо, которое чувствует себя в природе неуютно, не в своей тарелке: ведь он чувствует себя изгнанным из рая. И это единственное живое существо, для которого собственное существование является проблемой; он должен решать её сам, и никто не может ему в этом помочь» [5, с. 195].

Будучи наделённым разумом и самосознанием, человек осознаёт свою изолированность в мире, беспомощность, отчуждённость и смертность и ищет новые формы связи с миром, в котором хочет обрести безопасность и покой посредством восстановления единства и равновесия между собой и природой. Эти психические потребности, включающие в себя потребность в человеческих связях и в самоутверждении, в привязанностях, в самопознании, в системе ориентации и объекте поклонения, свойственные всем людям, Фромм называет «экзистенциальными», так как их причины коренятся в самих условиях человеческого существования. Т.е., природа человека определяется не через его главные качества (например, любовь или ненависть, добро или зло), а экзистенциально – через противоречия, имманентно присущие человеческому бытию. Таким образом, природа человека понимается Фроммом не как биологически заданная совокупность влечений, а как некий осмысленный ответ, целостное отношение к миру.

Целостное отношение к миру, направленное на удовлетворение «экзистенциальных потребностей» в целях сохранения внутреннего равновесия человека, может быть либо регрессивным, либо прогрессивным. Регрессивное решение связано с попыткой возвращения человека к своим истокам – к природе, животной жизни, к предкам; прогрессивное решение связано с полным развитием человеческих сил, человечности в человеке. Благодаря

культуре, в которой существует человек, ему удаётся более или менее адекватным способом решать свои проблемы.

Основное предположение Фромма состоит в том, что индивидуальную личность можно понять только через историю человечества и культурную перспективу. Исследовав особенности функционирования и развития современного индустриального общества, Фромм приходит к выводу, что именно качество этого общества привело к возникновению разрушительности в характере человека, которое, в свою очередь, грозит разрушением всему миру.

Фромм сумел целенаправленно проанализировать феномен деструктивности, создав собственную целостную трактовку социальной деструкции. В его философии явно прослеживается усиление антропологического аспекта, с одной стороны, и рассмотрение деструкции как своеобразной формы социализации человека, с другой. Особенность размышлений Фромма заключается в том, что он анализирует социум сквозь призму деструктивности человека как родового существа. Смещение исследуемой проблематики в антропологический срез позволило ему противопоставить деструктивности такие жизненные позиции как креативность и биофилия.

В основе социокультурных разработок Фромма лежит изучение современного техногенного социума и его влияния на характер отдельного индивида. Исследование феномена деструктивности увязывается им с изучением особенностей человеческого характера в условиях индустриального и постиндустриального общества. Концепция социального характера как совокупности социокультурных установок и норм для подражания, существующих в конкретном обществе, является ядром гуманистического психоанализа Фромма. Эти установки и нормы, как правило, не осознаются индивидами, но существенно детерминируют их поведение в социальной жизни, в выборе характера политических стратегий.

Применение психоаналитического метода дало возможность Фромму более детально рассмотреть механизм и причину деструктивности

человеческого характера. Вместе с тем он сумел переосмыслить классические фрейдистские положения о детерминированности деструктивности инстинктивными влечениями человека, придя к принципиально новому выводу: не инстинкты, а специфика общества и характера конкретной политики могут способствовать развитию либо созидательности, либо разрушительности.

Основную роль в преодолении социальной деструкции Фромм отводит творческой и жизнелюбивой ориентации каждого отдельного человека, понимающего и несущего свою ответственность за качество жизни будущих поколений. Он даже разработал проект гармоничного «здорового общества» на основе психоаналитической «социальной и индивидуальной» терапии [6].

Ещё один яркий представитель неомарксизма Франкфуртской школы Г. Маркузе также сыграл важную роль в разработке и дальнейшем развитии критической теории общества и стал одним из наиболее значимых её представителей. Серьёзно занимаясь фундаментальными социально-философскими проблемами, он прошёл эволюцию от «хайдеггерианского марксиста» до теоретика леворадикальной концепции индустриального общества, опираясь на идеи Гегеля, К. Маркса и З. Фрейда. Маркузе попытался перевести основные понятия психоанализа на язык политики и социологии тем более, что «метапсихологические» понятия фрейдизма в неявной форме уже включали в себя и социологическое, и социокультурное содержание.

Начиная уже с первого теоретически значимого периода своего творчества, Маркузе чрезвычайно интересуется проблематикой историчности, которую первоначально он интерпретирует вполне в духе своего учителя – М. Хайдеггера. В предисловии к работе «Онтология Гегеля и теория историчности» (1932) он прямо указывает, что своими достижениями в разработке проблемы историчности обязан философской работе Хайдеггера [10, р. 8]. Однако в процессе интерпретации, критики и последующей трансформации хайдеггеровской концепции Маркузе вырабатывает и обосновывает собственное понятие – «деисторизация», ставшее в дальнейшем концептуальной основой для всякой социальной критики [3]. Объектом

исследования во второй работе, посвященной Гегелю («Разум и революция. Гегель и становление социальной теории», 1941), выступает социальная теория в её развитии; здесь впервые начинает звучать проблема взаимодействия и взаимовлияния индустриального общества и человека, его разума.

Согласно удачному, на наш взгляд, определению А.Э. Савина, деисторизация в философии Маркузе – «это такое преобразование творческих, отрицающих наличную действительность и создающих сил и способностей человека, которое делает их элементами механизма производства и воспроизводства наличной действительности, тем самым, способом подавления стремления человечества к свободе и счастью и увековечения господства. Система отношений, базирующаяся на этом механизме, является репрессивной» [4, с. 199]. По его мнению, деисторизация выступает как основная форма производства и воспроизводства ложной тотальности.

Социально-критическая тенденция в творчестве Г. Маркузе становится определяющей в 30-е–50-е годы. В своём позднем творчестве («Одномерный человек», 1964; «Критика чистой терпимости», 1965 совместно с Б. Муром и Р. Вольфом; «Конец утопии», 1967; «Эссе об освобождении», 1969) Маркузе исследует современное ему общество, сосредотачивая своё внимание на выяснении отношений между философией и критической теорией. Его позиция в целом заключается в том, что философия может играть прогрессивную роль в социальной теории, развивая концепции, которые подрывают господствующие идеологии и могут служить оружием критики в борьбе за лучшее общество.

Конечно, такой подход был выражением метода «имманентной критики» Франкфуртской школы, который критикует существующие социальные условия или теории с точки зрения исторически сконструированных идеалов, принципов и институтов, таких как просвещение, свобода, демократия и права человека. Однако Маркузе полагает, что буржуазные философии и идеалы имеют тенденцию превращаться во всё более абстрактные, формальные идеологии, которые буржуазия использует для узаконивания и мистификации существующих социальных условий. На самом деле в буржуазной

философской традиции существуют консервативно-примирительные тенденции, которые, по мнению Маркузе, способствовали торжеству фашизма. Следует учитывать, что консервативные и освободительные мотивы часто тесно взаимосвязаны, и это требует тщательного анализа и критики.

Интерес к проблематике историчности позволит ему уже после опубликования «Диалектики Просвещения», продолжить исследовательскую традицию своих предшественников и коллег по школе Хоркхаймера и Адорно и обратиться к изучению истоков тоталитаризма в обществе и тоталитарных практик, достигших своего апогея в немецком фашизме. При этом осмысление процессов фашизации Маркузе будет опираться на его концепцию деисторизации. Как и Фромм, он обращается к феномену деструкции, но рассматривает его в гораздо более близком идеям Хоркхаймера и Адорно направлении, а именно: пытается понять, каким образом самодеструктивные процессы в развитии европейской цивилизации привели к возникновению фашизма как политической модели, явившейся логическим итогом Просвещения.

В ходе исторического процесса самодеструкция функционирует во всех сферах жизни общества. Более того: деструкция задает вектор движения истории. Стремление к власти как основа деструктивной стратегии ведёт к тому, что история человечества становится историей порабощения человека. Увеличению саморазрушающих тенденций Просвещения способствуют технологический и политический факторы: человека покорила им же созданная техника, продукт человеческого разума. Организуя немецкое общество для тотальной экспансии, национал-социализм наполнил мобилизованное население рациональностью, которая измеряет все вопросы с точки зрения эффективности, успеха и целесообразности [11, с. 142-143]. Происходит системное подчинение индивида обществом, так как степень освобождения от природы оборачивается социальным подавлением личности в превосходящей степени.

Способность к саморазвитию деструкции в обществе обуславливает также функционирование механизма инноваций, производящего трансформацию традиций, переосмысление накопленного опыта и новое наполнение прежних социальных форм. Анализируя в этой связи эволюцию немецкой ментальности в эпоху национал-социализма, Маркузе отмечает, что немецкий “мечтатель” и “идеалист”, рассматривая тоталитарный режим исключительно в аспекте его непосредственных материальных выгод, сумел «скорректировать свои мысли, чувства и поведение по отношению к технологической рационализации, которую национал-социализм превратил в самое грозное оружие завоевания» [11, с. 143].

Безусловно, заслуживает особого внимания идея немецко-американского мыслителя о том, что не следует слишком жёстко противопоставлять друг другу фашизм и либерализм, которые в своей основе (экономической, социальной) совпадают – оба направления признают частную собственность и капитализм в качестве единственно возможного порядка общественных отношений [10, р. 257-258]. Разногласия, по его мнению, носят, скорее, мировоззренческий характер (критика со стороны теоретиков фашизма идеалов гуманизма, интернационализма и пацифизма, присущих либерализму).

Несмотря на то, что в социально-философских и политических взглядах Маркузе в ходе развития его творчества происходили определённые (зачастую весьма значимые, но это не есть предмет настоящей статьи) изменения, на наш взгляд, вполне возможно сформулировать центральную его идею, связанную с характеристикой в наиболее важных работах («Эрос и цивилизация», «Одномерный человек») современного развитого индустриального общества как «репрессивной цивилизации». В небольшом по объёму, но насыщенном по содержанию и вызвавшем много споров политическом эссе «Репрессивная толерантность», посвящённом проблеме толерантности, он вновь (как и в «Эросе и цивилизации») использует термин «репрессивный», характеризуя идею толерантности в развитом индустриальном обществе [1].

В отличие от своих сподвижников по философской школе (прежде всего Т. Адорно, который также критиковал позднекапиталистическое общество, но не предлагал никакой позитивной альтернативы) Маркузе всегда пытался соединить в своём учении теоретическое познание и политическую его направленность. Каким образом могут осуществляться общественные изменения, какие условия для этого необходимы, кто может быть субъектом революционных преобразований – вот круг тех вопросов, которые интересовали Маркузе в данной связи. По его мнению, подлинная революция должна быть нацелена на радикальную трансформацию сознания, в структурах которого закреплены отношения тоталитарного господства, а не на изменения лишь политического и экономического характера, которые он полагал внешними [12]. Критикуя современное общество, он всё время находился в поиске путей изменения существующего отношения человека к миру, настаивал на возможности практической реализации своей политической утопии [2, с. 298], верил в перспективы идеи «освобождающей толерантности» [1, с. 100].

В данной статье была рассмотрена проблема исторически обусловленных оснований философских конструкций отдельных мыслителей и их применимости к анализу многообразия конкретных культурных миров на примере творчества Э. Фромма и Г. Маркузе. Каждый из мыслителей, отталкиваясь от идей классического психоанализа, по-своему подошёл к решению вопроса о путях выхода из кризиса, переживаемого современным техногенным социумом (индустриальной/постиндустриальной цивилизацией): первый попытался переосмыслить психоанализ в гуманистическо-антропологическом ключе, тогда как второй был ориентирован преимущественно на философско-социологическую интерпретацию политических практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркузе Г. Репрессивная толерантность // Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Герберт Маркузе; пер. с англ. А.А. Юдина. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 98-138.

2. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму) / Ю.Н. Давыдов, А.Б. Гофман, А.Д. Ковалев и др. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
3. Савин А.Э. Герберт Маркузе / А.Э. Савин // В кн.: Западная философия XX - начала XXI в. Интеллектуальные биографии [редкол: И.С. Вдовина, И.Д. Джохадзе]. – М.: ИФ РАН, ИНИОН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 181-210.
4. Савин А.Э. Деисторизация и историчность в философии «раннего» Маркузе / А.Э. Савин // HORIZON. – 2017. – № 6(2). – С. 191-225.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
6. Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2019. – 448 с.
7. Фромм Э. Кризис психоанализа / Э. Фромм. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 214 с.
8. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Э. Фромм. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 352 с.
9. Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Т. Адорно, М. Хоркхаймер // Пер. с нем. М.Кузнецова. – СПб.: Ювента, 1997. – 311 с.
10. Marcuse H. Hegel's Ontology and the Theory of Historicity / H. Marcuse; translated by Seyla Benhabib. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987. – 367 p.
11. Marcuse H. Technology, War, and Fascism / H. Marcuse; edited by Douglas Kellner. (Collected papers of Herbert Marcuse; v. 1). – London-New York.: Routledge, 1998. – 278 p.
12. Marcuse H. Marxism, Revolution and Utopia / H. Marcuse; edited by Douglas Kellner and Clayton Pierce. (Collected papers of Herbert Marcuse; v. 6). – London-New York.: Routledge, 2014. – 447 p.

КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В ТРУДАХ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ

Куприянов О.С.

Аннотация: В статье рассматриваются основные историософские концепции русских религиозных философов XIX – первой половины XX вв. Особое внимание уделяется философии истории России, судьбе русского православия, сравнению двух культурных миров – Запада и Востока. Также проводится сравнительный анализ взглядов философов на католичество и православие, судьбу допетровской и петровской Руси.

Ключевые слова: русские религиозные философы; Запад; Восток; православие; католичество; Россия; историософия; западники; славянофилы.

Проблема философии истории, и прежде всего философии истории России, была одной из главных в трудах русских философов XIX – первой половины XX вв. Осмысление отставания России от западных стран по причине монголо-татарского ига, попытка объективной оценки реформ Петра Великого, сравнение допетровской Руси и императорской России – эти и многие другие вопросы занимали отечественных мыслителей вплоть до 20-х гг. XX в., до появления евразийских идей. Но и в наше время проблемы философии истории,

судьба России интересуют очень многих исследователей и проблемы эти активно дискутируются в политике и в СМИ.

Рассмотрим кратко идеи основных религиозных мыслителей и философов истории данного периода.

Пётр Яковлевич Чаадаев (1794-1856) был, пожалуй, первым в России мыслителем, решившим взглянуть под философским углом на проблему исторического развития России. Чаадаев подготовил восемь «Философических писем» (1828-1830). Первое письмо стало самым известным и наиболее цитируемым. Автор его начал с того, что не увидел в российском прошлом ничего хорошего. Чаадаев в этом письме считает Россию страной, выпавшей из мировой христианской работы и тем самым преподавшей миру великий трагический урок. Изоляция, считает автор, обрекла страну на бесплодие, убожество и стагнацию. «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее – иноземное владычество, жестокое, унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности» [5, с. 20].

Здесь нужно отметить, что Чаадаев не в меру идеализировал Запад, забывая о роли протестантского раскола, амбиций папизма и преступлений светских властей. Ведь, по словам философа XX в. Симоны Вейль: кардинал Ришелье во Франции «разрушил большую часть нравственной жизни страны», а Людовик XIV затем «с ещё большей жестокостью низвёл Францию до состояния морального опустошения» [1, с. 120].

Позднее Чаадаев, получив отрезвление от революционных событий конца 30-х гг. в Европе, пересмотрел многие свои взгляды. Именно свобода России от западного прошлого видится теперь Чаадаеву несравненным преимуществом в построении будущего. Более того, Чаадаев даже выдвинул идею духовного взаимодополнения православного Востока и католического Запада, ставшую на какое-то время популярной среди экуменистов второй половины XX в., но критически оцениваемую русскими философами.

Таким образом, можно сделать вывод, что взгляды Чаадаева стали фундаментом для дальнейших историософских концепций русских религиозных философов.

Дальнейшее своё развитие историософские концепции получили в трудах славянофилов Ивана Киреевского и Алексея Хомякова, а также в работах панславистов И.С. Аксакова, Ф.И. Тютчева и почвенников.

Иван Васильевич Киреевский (1806-1856) критиковал Запад за излишнее увлечение идеализмом и рационализмом, в духе горделивого чувства личного самосознания у Декарта: *Cogito ergo sum* (лат. «Я мыслю, следовательно, я есть»). Киреевский так трактует неправоту рационализма: индивидуалистический разум не достигает истины, так как мыслит в отрыве от реальности, воспринимаемой сердцем и верой. Вера просвещает душу и формирует разум, и разум уже не думает об истине как о чём-то внешнем. Сама истина помогает нам осмыслить всё остальное.

Киреевский отвергает атеистическое государство и считает, что государство должно проникнуться духом церковности и верой. Философ выступает против западного понимания светского государства и отделения его институтов от Церкви. Также мыслитель выступал против самовольного вмешательства властителей в дела Церкви, оценивая поэтому Ивана Грозного как «еретика» за его поступки в отношении к Церкви, причём «еретика» не в смысле извращения православного учения, а в смысле «ереси жизни».

Другим основателем славянофильства был Алексей Степанович Хомяков (1804-1860). Соборность и «цельность жизни» Хомяков, как и все ранние славянофилы, видит в период существования Московской Руси, т.е., примерно с начала правления Ивана III и до реформ Петра Великого. Но исторически эта концепция не подтверждается. Ведь всякий, кто знает историю хотя бы в период от Ивана III до Василия III и Ивана IV, может вспомнить, сколь тяжёлым было это время для Церкви, да и для всего русского народа. Именно поэтому идея соборности есть идея духовной традиции, а не конкретная историческая данность, воплотившаяся в ту или иную эпоху истории России.

Но, несмотря на все трудности, Хомяков ставил Россию выше Византии, ведь Византия не выполнила своей исторической задачи построения общественной жизни на христианских началах, а у России такой шанс ещё есть. Заметим при этом, что история России XX в. со всеми её атеистическими пятилетками и массовыми репрессиями ставит под сомнение надежды Хомякова.

В истории России западники смогли превозмочь славянофилов. Русская историческая наука, выполнив некоторые задания славянофилов, затем резко отошла в сторону. Но прошло время, и казавшееся Западу культурно бедным, дикое и девственное поле российской истории и российской жизни стало предметом алчных взглядов европейских интеллектуалов, которые увидели в России Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского насыщенную тысячелетней культурой страну, не отсталую и нищую, а великую среди великих, во многом не уступающую Западу, а в чём-то и превосходящую его.

Вслед за ранними славянофилами пришли панслависты. Первым из них был Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886) – выдающийся русский писатель и публицист, последний из плеяды ранних религиозных славянофилов. Относясь к Западу критически, но в то же время и признательно, мыслитель понимал глубокое духовное различие между Европой и Россией. И.С. Аксаков верил в силу добра и творческие возможности русского народа и больше думал о судьбах русского православия, чем русской Империи.

В социально-политических вопросах И.С. Аксаков придерживался идей панславизма. Панславистские идеи выражали Ф.И. Тютчев, М.П. Погодин, Н.Я. Данилевский и даже анархист М.А. Бакунин. Задача панславизма, по мнению Аксакова, заключается не в конфронтации с католической Европой, а в преодолении ограниченности как Востока, так и Запада.

В отношении же социальных реформ И. Аксаков был ближе к западникам, чем к ранним славянофилам, резко выступал против судебной неправды, ратовал за свободу совести, слова и религиозной жизни, выступал за крестьянскую и земскую реформы, а выступление декабристов оценивал как

историческую несостоятельность западноевропейских политических взглядов, насильно перенесённых на русскую почву.

Другим известным панславистом был поэт и мыслитель Фёдор Иванович Тютчев (1803-1873). Тютчев известен решительным словом о борьбе России и революции, борьбе, которая делает отношения России и всего Запада наиболее конфликтными и враждебными. Современный же период истории Тютчев назвал периодом «временного краха», где славянство оказалось «на задворках мира». Мыслитель предлагает создать «Великую Греко-Римскую Православную Империю», которая отразит натиск революции и сделает славянство ведущей расой в мире. Также Тютчев считал, что в Европе «Красный Запад» сыграл на руку России, ослабив её давних врагов – западные монархии и папский престол.

Крупным славянофилом и философом истории середины-второй половины XIX в. был Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885). Данилевский решительно отверг светскую веру в прогресс: эта вера не подтверждается фактами, а прогрессивные этапы развития бывают только на восходящих стадиях роста культур. В своей самой известной книге «Россия и Европа», ставшей «катехизисом славянофильства», Данилевский отвергает общечеловеческую культуру, а на её место ставит возникающие и уходящие культурно-исторические типы. Всего философ выделяет десять самодостаточных, замкнутых в себе типов: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский [2, с. 88]. Все перечисленные типы Данилевский считает несовершенными, так как каждый из них развивал какую-то одну сторону культуры. Так, например, «европейская – сторону религиозную, греческая – собственно культурную, а римская – политическую» [2, с. 477].

Культуры возникают спонтанно в виде локальных областей активной работы, далее они раскрывают свой потенциал, достигают зрелых форм, а затем,

исчерпав свой импульс развития, слабеют, вырождаются и в итоге исчезают. Данный цикл занимает 1000-1200 лет.

Европа, считает Данилевский, началась во времена Карла Великого, прошла свой путь развития, одряхла и теперь отравляет весь мир продуктами своего разложения, своими философскими, социальными и политическими идеями. Мыслитель считал, что Запад под видом общечеловеческого навязывает нам своё убогое и ущербное. Философ также жёстко осудил русскую интеллигенцию за перенос сомнительных западных учений на русскую почву.

Данилевского много и успешно критиковали, но его идеи и догадки о цикличности мировой истории, о большой дистанции между разными культурами, об отсутствии единого общечеловеческого прогресса не были отвергнуты в XX веке, найдя своих сторонников и продолжателей в лице О. Шпенглера, А. Тойнби и др.

Крупным литератором, философом-публицистом, ярким и оригинальным мыслителем был Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891). Леонтьев опирался на труды Н.Я Данилевского, чьим учеником себя скромно считал, хотя был намного интереснее, ярче и глубже своего учителя. Всё, что обычно считают признаками прогресса: индивидуализм, рационализм, демократию, рынки, урбанизацию, комфорт, частное предпринимательство – всё это Леонтьев считает признаками вырождения народов и усиления антихристианства. Так, европеизация сгубила болгар, освободившихся из-под власти Османской империи, но изменивших православие и своим древним обычаям под влиянием Западной Европы.

Леонтьев также отвергал национализм и панславизм, считая их такими же вредными, как и космополитизм. Русификацию окраин философ считал таким же безобразием, как и их демократическую европеизацию. Подтверждением своих идей мыслитель считал разрушительно-эмансипационный процесс в Польше, шедший тогда под национальным знаменем. Мятеж и бунт не так

страшили философа, как постепенное вырождение России под прикрытием роста цивилизации.

Идеал Европы Леонтьев видел в позднем Средневековье и Раннем Ренессансе, хотя ценил и Ислам. Полемизируя с Данилевским, считавшим лучшим культурно-историческим типом славянский, Леонтьев считал, что славянство, как и остальные народы, не годится для большого будущего. Южные славяне, по мнению Леонтьева, заражены разложением и политически бесплодны, а панславизм опасен для России, так как в России население идёт за пустой и либеральной интеллигенцией, которая заведёт свой народ в тупик.

Теме византизма и русской государственности посвящена основная работа Леонтьева «Византизм и славянство». Византия сумела спасти от разложения уклад поздней античности, поставить древнее православие на службу империи и просуществовать до XV в. – на тысячу лет дольше Древнеримской империи. Но Византия тоже изнашивалась и старела, а вместе с ней утрачивал силу и государственный элемент Византии – самодержавие. Идеал же самого Леонтьева – сильное религиозное государство с чётко определёнными законом ролями, с аристократией как опорой монархии, с суровыми карами за нарушение закона, с потребностью народа к повиновению и страхом перед властью.

Несмотря на многочисленную полемику вокруг наследия К. Леонтьева, следует отдать ему должное за возвращение достойного места вопросу о византийских корнях русского православия и русской государственности.

Крупным религиозным мыслителем второй половины XIX в. был Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900). Тема векового конфликта двух культурных миров Запада и Востока была для Соловьёва определяющей. Запад, писал Соловьёв, утверждал индивидуализм личности, творческую активность, самореализацию и инициативу. В итоге Запад пришёл к безбожной цивилизации. Восток подавлял человеческое начало во имя Высшего блага и Высшего бытия. Восток консервативен, но при этом он забывает, что

сохранение вечного наследия возможно только при творческом обновлении его формы. Восток выделялся также бесчеловечностью своих религий.

Рассматривая национальный вопрос, Соловьёв выступает сторонником высшего духовного призвания. Он был наследником Хомякова, Самарина, Киреевского, И. Аксакова. В его работе «Три речи» (1877) он рисует такую картину. Первая сила – Восток, где превозносится слабость человека перед Высшим разумом, вторая – Запад с его культивированием непомерно суетного человеческого начала в ущерб единству с Абсолютом. Посредником же между Востоком и Западом является славянство. Славянство, Третья сила, должно дать человечеству его безусловное содержание, и великое историческое призвание России, по мнению Соловьёва, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова.

Идеи, Владимира Соловьёва, в частности, его попытка синтеза католичества и православия, понимание мыслителем призвания и миссии России в мире, имели большое влияние на последующих русских философов, поэтов и других представителей сферы гуманитарной русской науки и культуры.

Говоря об отечественной философии истории, нельзя не сказать о выдающемся русском религиозном философе Николая Александровиче Бердяеве (1874-1948). История, считает Бердяев, необходима для антропологии. История выражает трагическую судьбу человека. Отношения личности и истории противоречивы и их конфронтация непредсказуема до Судного дня. В истории, считает Бердяев, прогресса нет. Прогресс он понимает эсхатологически, как приближение к концу. История бесчеловечна, это история преступлений, подъёма и распада империй, безбожного антихристианского горделивого самоутверждения, история движима ненавистью. В истории, считает Бердяев, действуют три силы: Бог как Промысел, рок и человек.

В истории мы видим распад, продолжал Бердяев. В мире нет эволюции, а есть «диссолюция» (развал всего). Время Бердяев трактовал как распад вечности, вопреки Платону, для которого время – подвижный образ вечности.

Время несёт в себе что-то недоброе, демоническое. Поэтому в истории разлагается не только время, но и весь мир, весь космос.

Техническая цивилизация, считал Бердяев, разрушает целостность природного мира, но полный распад будет концом мира, за которым последуют Воскресение и спасение.

Таким образом, историософия Бердяева носит в себе пессимистический характер, который, хоть и является спорным, отчасти подтверждается трагической историей XX в.

Известным историком и философом первой половины XX в. был Лев Платонович Карсавин (1882-1952). Историю Карсавин понимал не как науку о прошлом, а как «науку о развитии человечества в целом» [3, с. 277]. Это наука о том, что осуществилось в прошлом и настоящем и может осуществиться в будущем. Карсавин не был удовлетворён пониманием истории нашими русскими философами, такими как Н. Данилевский (на основе организмического понимания) или Вл. Соловьёв (на основе идеализма).

В «Философии истории» Карсавин исходит из концепции внутреннего родства исторического развития больших сообществ и душевной жизни отдельно взятого человека. В истории люди свободно создают будущее, исходя из возможностей настоящего, созданных (и не разрушенных) в прошлом. Поэтому ориентироваться следует на внутреннюю жизнь человека, на самопознание, единство познающего мира историка и всех людей, которые были, есть и будут.

Карсавин думал о России как о «симфонической личности», исходя из своих религиозных соображений: соборная душа России очень тесно связана с православным христианством. В России не должно быть ни национализма, для которого примат нации превыше всего, ни универсализма, для которого нации должны исчезнуть в рамках будущего глобального целого.

Интересным историком и мыслителем был Георгий Петрович Федотов (1886-1951). Федотов не строил никакой системы, сначала изучал средневековую религиозность, а потом стал писать на тему философии истории

и культуры. На время его внимание привлекло евразийское движение, хотя со многим в этом движении Федотов был не согласен. Для евразийцев, как и для интернационалистов, считает Федотов, территория России – «национальная пустыня», внутреннее бессодержательное пространство, на котором можно делать любые посткоммунистические эксперименты. Поэтому вчерашние патриоты при таком подходе отрекаются от русской духовной традиции – от противостояния Исламу, от противления Чингисхану.

Критически относится Федотов и к католицизму. По мнению мыслителя, «поистине для восточного сознания Запад ещё варварски молод» [4, с. 127]. Католицизм совершил в своей истории серьёзные промахи, результатом которых явились Ренессанс и Реформация, отпадение творческих людей в язычество и раскол, а затем последовал и застой в самом католицизме.

Мысли Федотова о национальном деле в России, о созидании культуры и о путях единства Церкви и христианской культуры, историософские идеи актуальны и в наши дни.

В заключение отметим историософские идеи замечательного русского религиозного мыслителя, историка русской мысли и православного богослова Георгия Васильевича Флоровского (1893-1979).

Размышляя над историей России и её судьбой, Флоровский приходит к выводу, что кризис интеллигентского сознания является не только русским, но и всемирно-историческим явлением. Разум человеческий, увлекаясь силой своего движения, приходит к горделивой самоуверенности в собственных силах, он впадает в утопизм, верит в возможность построения счастливой жизни на безбожных и богоборческих началах. Ведь недаром Вл. Соловьёв изображал Антихриста как величайшего и самого дерзкого утописта.

Свершения и события – вот главное в истории. Философия истории не может быть построена без философской антропологии, без «метафизики человеческого бытия» и «метафизики личности». Личность во многом несёт в себе историю. Ошибочно будет считать «субъектами истории» государство, расу, народ, общество. Но это не значит, что история состоит из ряда

биографий. В ней люди отстоят друг от друга и идут каждый своим путём. История – это повесть о людях, вступивших в отношения. Никто не вправе утверждать, что он полностью понял великую загадку человеческого бытия.

В заключение статьи отметим, что русские философы и историософы, при всём многообразии их идей и подходов, были уверены в особом смысле истории, придавали славянству особую и во многом ещё не исполненную мессианскую роль. Мыслители критиковали католичество и отличный от Востока образ жизни и мысли Западной Европы, но вместе с тем верили и в возможность синтеза католического и православного учений. Философия истории русских религиозных философов носила во многом пророческий и даже эсхатологический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейль С. Укоренение. Письмо клирику. – Киев, 2000.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.
3. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., 1993.
4. Федотов Г. Дерево на камне // Живое предание: Православие в современности. – М., 1997.
5. Чаадаев П.Я. Сочинения. – М., 1989.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Ларина О.В.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению основных методологических приемов, используемых при переводе исторических терминов.

Ключевые слова: исторический нарратив; исторический термин; эквивалентность; адекватность перевода; культурная и национальная картины мира.

На сегодняшний день перевод исторического нарратива представляет собой достаточно сложный и многогранный процесс. Несомненно, что качественный перевод исторического текста невозможно выполнить без глубоких знаний истории соответствующего периода и страны. Это предполагает вовлечение в процесс профессионального историка. Кроме того, такой перевод не выполним без соответствующих умений и навыков переводческой деятельности. Следовательно, для решения данной задачи

требуются историк и переводчик, профессионально занимающиеся практикой исторического перевода.

При переводе нарратива особое внимание следует уделять его эквивалентности, которая трактуется по-разному. Так, по мнению Я.И. Рецкера, понятие эквивалентности включает в себя лишь отношения между микроединицами текста без учета межтекстовых взаимоотношений. При этом эквивалент трактуется как постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста. Йегер Г. в книге «Перевод и лингвистика перевода» определяет текстовую или переводческую эквивалентность как отношения между текстами, возникающими в тех случаях, когда оба текста совпадают по своей коммуникативной ценности или способны вызвать одинаковый коммуникативный эффект.

В своей книге «Общая теория перевода» В.Н. Комиссаров различает пять уровней эквивалентности, связанные с разной степенью смысловой общности между оригиналом и переводом:

1. цель коммуникации;
2. идентификация ситуации;
3. способ описания ситуации;
4. значение синтаксических структур;
5. словесные знаки (т.е. абсолютное совпадение) [3, с. 38].

Выбор соответствующего уровня установления эквивалентности детерминируется специфической конфигурацией языковых и внеязыковых факторов, от которых зависит процесс перевода.

В этой связи необходимо также обратить внимание на термин «адекватный перевод», имеющий, по мнению В.Н. Комиссарова, более широкий смысл по сравнению с эквивалентностью. Под адекватным переводом понимают перевод, обеспечивающий необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях. Адекватность – это такое соотношение оригинального и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода.

Как эквивалентность, так и адекватность перевода носят оценочно-нормативный характер. Но если эквивалентность связана с тем, соответствует ли конечный текст тексту оригинала, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям.

В исторических нарративах встречается большое количество исторических терминов, используемых для передачи исторической информации. Под историческими терминами понимают лексические единицы, обозначающие категории и понятия методологии истории и понятия событийной истории. Такие понятия содержат информацию о жизни общества в определенный отрезок исторической действительности. Кроме того, они служат средством исторического познания. Исторические термины самым непосредственным образом способствуют воссозданию событий исторического прошлого человечества [6, с. 48].

При переводе исторических терминов следует избегать неточности в передаче их оригинального значения, так как это вызывает искажение исторической действительности и создает неверное представление о ходе истории.

По степени соответствия в двух языках были выделены три группы терминов. В первую группу вошли термины, имеющие полное совпадение в двух языках (интернациональные слова-термины и заимствования). Ко второй группе были отнесены термины, семантический объем которых не в полной мере соответствует терминам русского языка (их объем шире или уже объема языка оригинала). И, наконец, к третьей группе отнесли термины, не имеющие полного соответствия в двух языках.

С лексической точки зрения при рассмотрении терминологического перевода можно говорить о двух возможных ситуациях перевода: первая связана с эквивалентами термина в оригинале, а вторая обусловлена отсутствием эквивалента перевода исторического термина в языке переводчика.

Известно, что термин выполняет номинативную функцию. Поэтому при переводе осуществляется поиск наиболее приемлемых способов номинации.

При их переводе действия переводчика определяются особыми семасиологическими связями, характерными для исторических терминов. В этом случае используются такие приемы перевода, как транскрипция, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция и экспликация. Данные переводческие приемы составляют основу лексико–семантических трансформаций, допускающих сохранение семантической структуры при изменении плана выражения [5, с. 208].

Наиболее простым решением при переводе исторической терминологии является использование устоявшегося эквивалента. Устоявшиеся эквиваленты характерны для терминов методологии исторической науки и событийной истории. Они специально созданы на основе латинских и греческих корней путем их соединения с аффиксами классических языков, объем значения которых полностью совпадает в европейских языках. Например, такие понятия как «антропология»-«anthropology», «демократия»-«democracy», «национализм»-«nationalism» являются интернациональными и переводятся путем транслитерации (транскрибирования). При транслитерации передается графическая форма (буквенный) состав слова, а при транскрипции – его звуковая форма для передачи иноязычного термина.

В некоторых случаях появление устойчивых эквивалентов является результатом применения метода генерализации или конкретизации. Речь идет о замене исторических терминов с более узким значением историческим термином с более широким значением. Например, слова в русском языке *правитель, губернатор, комендант (крепости)* переводятся на английский язык как *governor*.

Исторические термины любого языка отображают политические и экономические отношения, единицы собственности, явления и предметы, которые характерны для конкретной страны в определенный период исторического времени. Это изначально свидетельствует о семантической разнице исторических текстов исходного языка и языка перевода. Данную

разницу можно нивелировать, достигнув соответствия подлиннику по функции и выбору средств [7].

Для историков большое значение имеет перевод антропонимов, так как правильное написание имен связано с идентификацией исторической личности и ее местом в истории: Владимир Ленин – Vladimir Lenin, Николай Романов – Nikolai Romanov. Здесь следует отметить, что не все ученые принимают такой широкий спектр тематических групп в номенклатурных образованиях. Так, например, Л.А. Капанадзе предлагает относить к номенклатуре только имена собственные в географии и картографии и технические этикетки [2, с. 75-78]. Перевод номенклатурных образований исторической науки всегда вызывает определенные трудности, обусловленные конкретным знанием предмета и некорректностью передачи исторических географических названий их современными аналогами.

Основу еще одного переводческого приема – модуляции – составляет смысловое развитие, особенность которого «заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, лексически связанным с ним» [4, с. 45]. Модуляцию применяют при переводе терминов, значение которых в исходном языке шире или уже значения, чем в языке перевода (*образование – education, домашнее/семейное воспитание – family education*).

В том случае, если в языке отсутствует устоявшийся эквивалент перевод исторического термина, то перевод осуществляется с использованием окказионального эквивалента, а также толкования, способного наиболее точно передать значение термина исходного языка в языке перевода. Одной из разновидностей переводческих приемов в данном случае является экспликация, или описательный перевод лексической единицы иностранного языка, когда она заменяется на словосочетание, эксплицирующее ее значение. При переводе описание используется в отношении сравнительно мало освоенных понятий, выражаемых тем или иным словосочетанием, или с целью подчеркнуть национально-культурное своеобразие способа выражения.

Толкование позволяет познакомить другой народ с понятиями и предметами, которых не было в его культуре на протяжении всего исторического развития. Толкование разъясняет значение исторических терминов–реалий, в то время как транслитерация просто воспроизводит термин, не раскрывая его значения. Исторические термины – реалии обозначают предметы быта, понятия культуры и религии, особенности государственного и политического устройства, социальный строй. Они включены в разряд безэквивалентной лексики и переводятся на другой язык в соответствии с правилами ее перевода (например, *nip* – *pir*). Исторические термины – реалии сложны для переводчика своей формой, лексическими, фонетическими, морфологическими особенностями. Трудности возникают и из-за их словообразования и сочетаемости, а также механизма заимствования и поведения в качестве заимствованных слов.

Однако, несмотря на то, что толкование неизбежно увеличивает объем исходного текста, оно отображает значение и специфику исторического термина – реалии. Кроме того, оно относится к наиболее распространенным приемам перевода соответствующих исторических терминов с русского на английский язык.

При переводе исторических текстов особое внимание следует уделять хронологическим рамкам, диктующим переводчику необходимость обладания достаточными фоновыми знаниями. В случае невозможности перевода термина–реалии устойчивым эквивалентом, переводчику требуется достижение компромисса между историзацией и модернизацией с ориентацией на оригинальное толкование исторического термина.

При осуществлении перевода любого иноязычного нарратива переводчику необходимо учитывать особенности культурных и национальных картин мира. Исторические термины отражают этапы развития разных стран, их смысловое различие практически исчезает благодаря использованию соответствующих переводческих приемов. Только принимая во внимания все особенности передачи информации историческим источником, можно сформировать у

переводчика в сфере его профессиональной коммуникации умение достигать в достаточной степени завершённой интерпретации текста и его адекватного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» / Л.А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 75-78.
3. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. – М., 1997.
4. Копылова С.С. Достижение эквивалентности в процессе обучения переводу специальных терминов. // Социально-экономические явления и процессы. - № 7 (029), 2011. – С. 250-254.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Теории и методы перевода. / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Московский лицей, 1996.
6. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Особенности перевода исторических терминов. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – Том 10. № 2 (2013). – С. 47-53.
7. Рецкер Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я.И. Рецкер. – М., 1981.
8. Филология и семиотика. Современный английский язык: Учеб.пособие/Т.Б.Назарова. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – С.130–143.

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ИСТОРИОСОФИИ ПРОТИВ ШАБЛОНОВ ЗАПАДНОГО ТЕОРЕТИЗМА

Рыбаков С.В.

Аннотация: Совершенствованию методологических основ изучения истории способствует вдумчивое соотнесение двух подходов, один из которых представлен схематизированными моделями истории, порождёнными западноевропейской философской мыслью, а второй связан с пониманием истории, сложившимся на Руси под влиянием православия. В XX веке второй подход оказался в арьергарде исследовательских поисков. Его реабилитация открывает возможности расширения методологических горизонтов отечественной исторической науки.

Ключевые слова: методология; теоретический схематизм; детерминизм; нравственные нормы; западная философия истории; традиционная русская историософия.

Вопрос о теоретико-методологическом совершенствовании отечественной исторической науки не теряет актуальности. В основной массе исследовательского сообщества закрепилось понимание того, что такое совершенствование не следует трактовать как механическую замену одних «руководящих» доктрин на другие, более «правильные», «передовые». Замены подобного рода не обеспечивают гарантированной страховки против

шаблонных подходов, умозрительности, уклона в сторону конъюнктуры, не освобождают от риска повторения прежних методических и логических ошибок. Доктринальные схемы, как бы ново и оригинально не выглядели внешне, не в состоянии охватить и объяснить всё многообразие исторического бытия. Всякая схема истории беднее, чем сама история.

При этом понятно, что не существует никаких противопоказаний для создания теоретических моделей истории. В процессе исторического познания без теоретических поисков и построений не обойтись. Однако они приносят пользу только при условии их соединения с ценностными ориентирами, с полноценным, живым практическим опытом. История – это смысловое поле, на котором ведется поиск средств для преодоления разрушительных, хаотических тенденций с помощью критериев, проверенных многовековой практикой.

В традиционной русской историософии эти критерии всегда были тесно связаны с нравственно-этическими нормами. Сегодня многие российские исследователи приходят к мысли о том, что полноценное изучение как мировой, так и отечественной истории невозможно без обращения к традициям национальной философской и исторической мысли. Однако одновременно с этим в российской исторической науке по-прежнему немалым влиянием пользуются западные философские постулаты. Такая ситуация, с одной стороны, включает в себе немалые противоречия, а с другой – открывает возможность сопоставлять различные типы исторического мышления.

В интересе к такому сопоставлению отражается потребность в качественном улучшении исторических знаний, которое, в свою очередь, обусловлено стремлением современного российского общества к обретению полноценной социокультурной идентичности, к усвоению уроков многовековой отечественной истории, которая в условиях нарастания глобальных вызовов становится базовой опорой для продуманного, сбалансированного развития страны. Как писал П.А. Флоренский, «отречься от своего – в большинстве случаев лишиться исторических корней и если не

прямо погибнуть, то, во всяком случае, подвергнуть себя огромному риску» [1, с. 541].

На Руси осмысление истории началось сразу после появления письменной культуры. В XI веке киевский митрополит Иларион написал высокохудожественное «Слово о законе и благодати», посвященное месту и роли русского народа в мировой истории. Иларионовскую традицию продолжил монах Киево-Печерской лавры Нестор, автор знаменитой «Повести временных лет». Историю древнерусские мудрецы постигали с помощью таких принципов как признание бытийного многообразия, уважение духовной свободы человека, неприятие слепого фатализма и унифицирующих шаблонов. Формировалась цельная системы исторических идей и взглядов.

В последующие столетия она развивалась, впитывая в себя импульсы реальной действительности, испытывая противоречия и преодолевая их. Вклад в её развитие вносили летописцы, писатели, носители фольклорных начал. С XVIII в. эта система стала обогащаться идеями историков-профессионалов. В трудах М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, И.Н. Болтина, Н.М. Карамзина, А.С. Лаппо-Данилевского, В.О. Ключевского, Г.В. Вернадского и других русская историософия обретала новые тона и регистры.

Одна из особенностей русской историософии связана с отсутствием в ней императива к выстраиванию жёстких конструкций исторического процесса. Сегодня эта особенность входит в контраст с социологическим детерминизмом, близким к фатальной предопределённости и отрицающим свободу человеческого выбора и внутренние закономерности духовной жизни. Детерминизм был силен в официальном советском обществоведении, базировавшемся на формуле о том, что «человеческое сознание изменить направление хода развития общественной жизни не может» [2, с. 158]. В традиционной русской историософии подобный взгляд на взаимоотношения между сознанием и материей считался очевидным упрощением.

Другим моментом, отделяющим русскую историософию от социологического детерминизма, является её отношение к понятию

«традиция». Приверженцы схематических подходов к истории принижают значение исторических традиций, а нередко и отбрасывают их, отождествляя с регрессом: «Традиция – это великий тормоз, это сила инерции в истории; но она только пассивна и потому неизбежно оказывается сломленной» [3, с. 318-319]. Подобный взгляд на природу традиции характерен для большинства западных теоретических моделей, ассоциирующих традицию с чем-то формальным, статичным и устаревшим.

Однако традиции – отнюдь не мёртвая статика. В практике каждой эпохи они проявляются по-новому, находят для своего самовыражения специфические пути и средства. Их значение состоит в сохранении самостоятельности и культурно-исторической идентичности той или иной страны, того или иного народа. Тема традиций важна и потому, что она связана с накопленным за века богатством исторической и философской мысли.

Традиции выражают связь между поколениями, нормы и особенности, присущие сознанию людей, принадлежащих к одной цивилизационной и социокультурной общности. Проверенная временем традиция, не навязывая формальных истин, раскрывает внутреннюю достоверность тех или иных ментальных ценностей, обеспечивает устойчивость культуры, противостоит хаосу в умах и душах людей. Устойчивость не отождествима с архаичностью: назначение традиции сводится не к консервации прошлого, а к обеспечению единства между прошлым, настоящим и будущим. Традиция – не узкий бытовой этнографизм, не набор экзотических, исполняемых «под старину» ритуалов, а способ вхождения в историю как в непрерывный поток живого, многообразного человеческого опыта.

Традиция, помимо прочего, выполняет функцию и определенной познавательной установки, благодаря которой народ, национальная культура, цивилизационная общность остаются собой, несмотря на изменения, претерпеваемые ими во времени. В традициях отражены историческая рефлексия, самопознание, осмысление этно-социальной специфики. Полная утрата традиций означает исчезновение народа, культуры, цивилизации.

На размывание национальных традиций нацелен распространившийся на Западе ещё в средние века тезис о наличии единого для всего мира сценария культурно-исторического развития. В противоположность такому тезису, корневая русская историософия связана с представлением о том, в реальной истории нет закономерностей, понимаемых как автоматическое, независимое от воли людей повторение сходных, однотипных событий и фактов. Русская историософия отвергла автоматизм исторических процессов, основываясь на том, что в центре их находится свободный нравственный выбор людей. Историк Н.И. Ульянов решительно отрицал повторяемость в истории, называя «безответственным» выражение: «История повторяется». Он утверждал: «Историческое есть качественно единственное. Это главное, что надо знать об истории. “Обобщения” – один из приёмов искажения истории» [4, с. 7].

Против шаблонных трактовок истории выступал также историк и философ И.А. Ильин, воспринимавший её как пространство свободного, не терпящего формализма творчества людей и народов. Ильин подчеркивал, что, впитав в себя «идею созерцательной любви и свободной предметности», русская цивилизация «не судит и не осуждает инородные культуры. Она только не предпочитает их и не вменяет себе в закон» [5, с. 426].

Ещё один историк и философ Г.В. Флоровский в утверждении о наличии в истории некоего заранее заданного сценария видел недоверие к творческим возможностям людей и общества. Он писал, что такое утверждение порождает «манию подчинённости» абстрактным схемам, когда люди «не решаются быть самими собою и непременно хотят жить для чего-нибудь, чему-нибудь служить, во что-нибудь беспрекословно верить» [6, с. 208].

Детерминизм являет собой продукт католического богословия. Некритично заимствованный и узко трактуемый, он принес на российскую почву немало вреда во времена и «красного террора», и «шоковой терапии», когда логика действий опиралась на постулаты о наличии универсальных законов истории и о первичности экономики над моралью. Радикалы и от большевизма, и от либерализма вели себя как люди, «посвящённые в тайны

истории», относя своих критиков к «ретроградам», неспособным отречься от традиций прошлого.

Критикуя копирование отечественными апологетами западничества неорганичных, чужих для России форм жизнеустройства, А.И. Солженицын подчёркивал: «Уклад чужой жизни невозможно скопировать, не перерождаясь болезненно; он должен органически вытекать из традиций страны» [7, с. 20]. По убеждению писателя, ранний большевизм и радикальный либерализм начала 1990-х годов – явления одного порядка: оба течения включали в себя «фанатиков, влекомых только своей призрачной идеей, не ведающих государственной ответственности, уверенно берущихся за скальпель и многократно кромсающих тело России» [7, с. 26]. Уроки радикальных экспериментов в России подводят к выводу о том, что подчинение нашего общества детерминистским «всеобщим закономерностям» неизбежно ведёт к политическим, экономическим и культурным провалам.

К коренным русским традициям осмысления истории относятся непредвзятость, этническая, религиозная, культурная терпимость, доброжелательный интерес к другим культурам. Терпимость была присуща русской культуре с глубокой древности. Она наглядно отражена в «хождениях» – популярных в средневековой Руси повествованиях, содержащих впечатления русских путешественников об окружающем мире, о нравах и обычаях тех народов, среди которых им приходилось бывать. К примеру, написанный в XV веке тверским купцом Афанасием Никитиным рассказ о его странствиях на Востоке наполнен участливым отношением к окружавшим его на чужбине мусульманам и индусам. Они описаны доброжелательно и с симпатией, без всяких признаков вражды [8, с. 225-228]. Отсутствие ксенофобии всегда было характерной чертой русской культуры.

А вот сочинения западноевропейцев о чужих для них странах, в том числе и о России, нередко отличались негативной и недружелюбной тональностью. Русский ученый Н.Я. Данилевский констатировал, что Европа не знает Россию, «потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знает хочет, как

соответствует её предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению» [9, с. 50].

В созданной им теории культурно-исторических типов Данилевский показал различия между российской и западноевропейской цивилизациями, проанализировал предпосылки этих различий. Данилевский обосновал «закон непередаваемости цивилизаций», сделал вывод о пределах прогресса и о наличии его национальных форм, поставив под сомнение правомерность притязаний Западной Европы на монопольную роль в продвижении планетарного прогресса. По мысли Данилевского, характерными чертами романо-германского культурно-исторического типа явились «насильственность, нетерпимость, прозелитизм». Учёный подверг критике доктринерство и униформизм западной истории философии, зафиксировав невозможность создания универсальной для всех стран «общей теории устройства гражданских и политических обществ» [9, с. 159].

Н.Я. Данилевский имел основания для неприятия западных однолинейно-рационалистических трактовок истории, послуживших фундаментом для ряда доктрин, в которых западные ценности и приоритеты были возведены в статус общечеловеческих. Претензии Западной Европы на роль «авангарда» всего человечества проявлялись в виде вражды к культурам, не похожим на западноевропейские. Эта вражда касалась России и русского народа.

В некоторых сочинениях иностранцев о России она представляла в карикатурном, гротесковом виде. Иллюстрацией крайнего субъективизма явилась книга маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Краткое пребывание среди русских Кюстин использовал для того, чтобы изобразить их в самом негативном, отталкивающем виде: «Жители, явившиеся сюда из Азии, чтобы запереться, как в тюрьме, в северных льдах» [10, с. 133]; «Нравы русских жестоки и ещё долго останутся жестокими. Ведь немногим больше ста лет тому назад они были настоящими татарами» [10, с. 182]; «Эти люди потеряны для первобытного состояния и непригодны для цивилизации» [10, с. 92].

Неприкрытый шовинизм высветился в словах Кюстина о населении России как о «шестидесяти миллионах полулюдей» [10, 72].

В России книга Кюстина вызвала понятное возмущение. Предвзятость со стороны западноевропейцев у многих представителей российской культуры вызвала недоумение. Философ и историк А.С. Хомяков отмечал: «И сколько во всём этом вздора, сколько невежества! Какая путаница в понятиях и даже в словах, какая бесстыдная ложь, какая наглая злоба! Поневоле спрашиваешь: на чём основана такая злость, чем мы её заслужили? ...В нас всегда говорит тёплое участие к судьбе нашей иноземной братии... И на это сочувствие, и на это дружеское стремление мы никогда не находим ответа... Всегда – насмешка и ругательство; всегда одно чувство – смешение страха с презрением. Не того желал бы человек от человека» [11, с. 70].

В глазах русских людей, с почтением относившихся к идеям Просвещения, нетерпимость и ксенофобия Кюстина выглядели необъяснимыми, иррациональными. Однако он был далеко не одинок в своем пренебрежении к народам, не относящимся к западной цивилизации. Подобное пренебрежение высказывал и такой адепт философского рационализма, как Гегель. По словам О. Шпенглера, автора знаменитого «Заката Европы», «Гегель с полной наивностью заявил, что он намерен игнорировать те народы, которые не укладываются в его систему истории» [12, с. 20].

Для критики гегелевской историко-философской системы Шпенглер имел достаточные основания: Гегель противопоставил «полноценных» германцев другим, «неполноценным» народам; он воспевал «германский дух» как «дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины» [13, с. 323], тем самым придав абсолютной истине национально-этнический характер. Гегель высказывал неприязнь к восточно-христианскому миру, давал пренебрежительные оценки славянству, отказавшись рассматривать его в качестве «самостоятельного момента в ряду обнаружений разума в мире» [13, с. 330].

Гегелевский «мировой дух» оказался автономным от людских усилий, от духовно-нравственного выбора людей: «Право мирового духа выше всех частных прав» [13, с. 36]. Гегель оправдывал проявления аморализма в истории: «Всемирная история совершается в более высокой сфере, чем та, к которой приурочена мораль, чем...совесть индивидуумов» [13, с. 64]. Исторических деятелей, которые, по Гегелю, могли претендовать на роль проводников «воли мирового духа», «освобождались» от этических обязательств: «Всемирно-исторической личности не свойственно трезвенное мышление; ...она не принимает многого в расчёт, но всецело отдаётся одной цели. ...Такая великая личность бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своём пути» [13, с. 31].

Гегелевская философия, поддержанная правящими верхами Пруссии, обосновалась в стенах германских университетов и гимназий. В умы немецкой молодежи внедрялось представление об истории как о бескомпромиссной, не знающей жалости борьбе между разными странами и народами. Гегельянство бросало тень на гуманистические идеи, питавшие творчество таких титанов духа как И.-С. Бах, Л. ван Бетховен, И.-В. Гёте, Ф. Шиллер, братья Гумбольдт, братья Гримм.

Отделив историю от нравственно-этических факторов, Гегель повлиял на дальнейшее движение западной философии. Хотя часть её в лице И. Канта, И.-Г. Фихте, Ф.-В. Шеллинга, О. Шпенглера, В. Шубарта не отказалась от понятия «нравственный императив», общий контекст развёртывания философской мысли на Западе характеризовался падением интереса к этической проблематике. По словам И.А. Ильина, после Гегеля западные философские учения «были быстро извращены в сторону прямого нигилизма, ...засилья материи и бессилия духа» [5, с. 82-83]. Ильин характеризовал взгляды новой немецкой философии как «новое протестантское богословие», заставляющее человека «отвергать душу, считать себя существом материальным и жить суевериями» [5, с. 192-193].

Вслед за Гегелем о вторичности морали относительно социально-экономического базиса общественной жизни заявили К. Маркс и Ф. Энгельс. Рассуждая о «передовых» и «отсталых» народах, они апеллировали к гегелевской философии истории: «...дело не обошлось без того, чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается» [14, с. 298].

Теоретические построения Маркса и Энгельса содержали тезис о безусловной детерминированности исторического процесса, представленного ими как строго заданное, однолинейное движение, как непрерывный поступательный прогресс. Прогресс они трактовали с европоцентристских позиций, выстраивая своеобразную иерархию народов и противопоставляя «цивилизованный Запад варварскому Востоку». Маркс и Энгельс говорили о «резко различающихся ступенях цивилизации и об обусловленности этим различных политических потребностей отдельных народов» [14, с. 290-291].

Теоретики коммунистического учения видели положительный смысл в завоевательных войнах, проводимых «передовым» Западом. Они писали о захвате американцами мексиканских земель: «И что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев?» [14, с. 292]; оправдывали завоевание германцами славянских земель, проводимое, по их логике, «исключительно в интересах цивилизации» [14, с. 292]. Враждебное отношение Маркса и Энгельса к славянам выразилось в лозунге: «Борьба, беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, борьба за уничтожение и беспощадный терроризм» [14, с. 306]. Слова русского революционера М.А. Бакунина об «идеале братства между народами» нашли у них такой ответ: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает ещё быть у немцев их первой революционной страстью» [14, с. 305-306].

Характерным для западной философии стало отношение к прогрессу как к религиозному символу, фетишу. Понятия «прогресс» и «история» были

отождествлены, при этом «прогрессивность» определялась западными интересами: «авангардом прогресса» объявлялись Западная Европа, а позднее США; все иные, не относящиеся к Западу страны и народы попадали в разряд «догоняющих» или «отсталых». Западный прогресс приобрел вид механической однолинейной схемы, отражающей перманентное преодоление прошлого. Западные модели истории отмечены печатью частичности, неспособности вместить весь всемирно-исторический опыт; в них содержится идея однополярного мира.

Традиционная русская историософия не отвергает идею прогресса, но при этом делает упор на то, что его нельзя отрывать от духовной культуры. Такой отрыв может грозить негативным отношением к истории, равнодушием к её человеческому измерению, обезличиванием самого понятия «история». Понятно, что идея прогресса, понятая как развитие, совершенствование, вера в лучшие перспективы, имеет большую притягательность для человеческого сознания. Нелепо отвергать новаторство в устройении человеческой жизни, улучшении её форм за счёт достижений науки и техники. Однако новаторство не должно получать механического доминирования над самой человеческой жизнью, не должно ущемлять общественную нравственность. Новизна приобретает ценность, вызревая в прошлом, вбирая его качественные характеристики, отражая историческую преемственность.

Прогресс не подчинен одному шаблону, может иметь различные национальные формы, его пути могут быть многообразными. Признавая религиозное, культурное, ментальное, социальное многообразие человечества, русская историософия принимает мысль о единстве мировой истории, понимая его как взаимодействие между народами и цивилизациями, полезное для всех и направленное на всеобщее благо. С этих позиций не менее актуальной, чем поиск всеобщих закономерностей истории, является расшифровка социокультурных архетипов, определяющих бытие и воспроизводство цивилизационных сообществ, их своеобразие и отличие друг от друга.

Опыт человечества свидетельствует, что любые тенденции общественной жизни содержат в себе заряд многовариантности и альтернативности. Нынешний этап мировой истории не является исключением. Для подавляющего большинства населения Земного шара историософская проблематика стыкуется с проблемой сохранения многообразных человеческих практик, с защитой духовной свободы индивидов, общественных групп, стран и народов, с правом самобытных культур на историческое существование. Цивилизационное многообразие, препятствующее господству серых и скучных стереотипов, нужно воспринимать как всеобщее богатство. Встав на эти позиции, мы без особых помех можем прийти к выводу о том, что одной из наиболее значимых задач нынешнего этапа развития отечественной историко-философской науки является полновесное и качественное освоение всего концептуально-методологического, методического и прикладного опыта традиционной русской историософии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Флоренский П.А. Записка о православии // Сочинения: в 4 т. Т. 2. – М., 1996. – С. 537-546.
2. Малая советская энциклопедия: в 10 т. Т.8. – М., 1930. – 505 с.
3. Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 22. – М., 1962. – С. 294-320.
4. Филонова Л.Г. Николай Иванович Ульянов // Русские философы: Антология. Выпуск 3. – М., 1996. – С. 5-10.
5. Ильин И.А. Наши задачи // Сочинения: в 10 т. – Т.2/1. – М., 1993. – 494 с.
6. Флоровский Г.В. Смысл истории и смысл жизни // Русские философы: Антология. Выпуск 3. – С.207-211.
7. Солженицын А.И. Россия в обвале. – М., 2009. – 208 с.
8. Хождение за три моря Афанасия Никитина // Изборник: Повести Древней Руси. – М., 1986. – С. 215-233.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – 574 с.
10. Кюстин А. Николаевская Россия. – М., 1990. – 352 с.
11. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков: В 2 ч. – Ч. 1. – М., 1994. – С. 70-73.
12. Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993. – 672 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения: в 13 т. – Т. 8. – М.-Л., 1935. – 468 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – Т. 6. – М., 1957. – С. 298-306.

О ДЕТЕРМИНИЗМЕ В ИСТОРИИ*

Сыров В.Н.

Аннотация: В статье обсуждается вопрос о применении в историческом познании оппозиции детерминизм/индетерминизм. Утверждается, что продуктивный путь обсуждения данной темы основывается на кантовском подходе к определению статуса идей разума. Доказывается, что такой идеей может выступить концепция открытых систем Пригожина. Показано, что данный подход позволяет трактовать исторические объекты как открытые системы, допускающие многовариантность изменений. Как следствие, он предполагает, что в поиске исторических объяснений стоит руководствоваться следующей методологической установкой: дела всегда могли пойти иначе.

Ключевые слова: детерминизм; индетерминизм; альтернативность в истории; флуктуации; неравновесность; бифуркации; открытая система; историческое объяснение.

По сей день, когда заходит речь о философии истории или о темах, связанных с постановкой вопросов, относимых к компетенции философии, обычно говорят о том, есть ли смысл в истории, массы или личности творят историю, господствует ли в истории случайность или необходимость. Если же эти и подобные им темы не обсуждаются в исследовательской литературе, то такое положение дел связывают с господством моды на эпистемологию, сохранением влияния постмодернизма, отказом от постановки метафизических вопросов и, соответственно, с философской бедностью современной мысли в целом. Поэтому задача нижеследующих рассуждений будет заключаться, во-первых, в определении правомерности обсуждения вопросов подобного рода, а, во-вторых, в случае принятия решения, что их можно обсуждать, в определении ракурса, в котором подобного рода мероприятие имеет смысл. Оговорим здесь же, что речь пойдет не о специфике исторического объяснения, а о трактовках хода истории.

Исходная позиция, которая будет определять дальнейшие рассуждения и правомерность, которой мы будем не доказывать, а лишь комментировать для прояснения смысла ее применения, будет заключаться в утверждении о необходимости преодоления натуралистического подхода для обсуждения данной темы. Суть натурализма заключается в непреодолимом стремлении

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00421)

говорить о вещах самих по себе, а не о формах нашего знания о них, или, если использовать язык нарратологии, использовать фигуру имплицитного нарратора. Иначе говоря, это означает, что тот, кто рассуждает, к примеру, о смысле в истории, имплицитно подразумевает наличие (или отсутствие) некоего смысла и некоей истории, существующих, так сказать, вне и независимо от наших представлений о них. Такой подход находит свое воплощение в использовании выражений типа «Смысл истории заключается в том-то и том-то», «Исторический процесс обладает такими-то чертами» и т.п. Тогда преодоление натурализма начиналось бы, по крайней мере, с изменения языка описания или использования высказываний от первого лица типа «Я (Мы) думаю (полагаю, считаю, утверждаю), что...».

Но вопрос заключается не просто в смене дискурса, как можно было бы подумать, предполагая, что нет большой разницы между утверждениями типа «причина поражения в таком-то сражении заключалась в том-то» и «я полагаю, что причина поражения в таком-то сражении заключалась в том-то». Речь идет и должна идти о принципиальном использовании стиля мышления, в основе которого лежит установка, что все объекты (или предметы), с которыми мы имеем или можем иметь дело (в интеллектуальной или практической деятельности) даны нам или могут быть даны только в формах нашего знания о них. Говоря иначе или точнее (во избежание упреков типа «Отрицание метафизики есть еще одна метафизика»), у нас нет пока убедительных аргументов утверждать о возможности непосредственного контакта с какими-либо объектами. Принятие такой позиции предполагает, что мы вступаем на путь, завещанный Иммануилом Кантом, и можем двигаться лишь в направлении его дальнейшей модификации и трансформации. Поэтому, кстати, требование обоснования этого подхода подразумевает воспроизведение существенных фрагментов истории философии, к которым мы и отсылаем, ограничиваясь лишь комментариями.

К настоящему времени нет нужды возрождать предложенную Кантом структуру познавательной деятельности и названную им трансцендентальной

философией. Мы обратим внимание лишь на один из ключевых аспектов его рассуждений, который, как нам представляется, сохраняет свое принципиальное значение. Речь идет о статусе и роли идей. Немецкий мыслитель неоднократно подчеркивал, что «идея есть, собственно, только эвристическое, а не показывающее понятие. Она не показывает нам, какими свойствами обладает предмет, а указывает, как мы должны, руководствуясь им, выявлять свойства и связи предмета опыта вообще» [5, с. 401]. «Следовательно надо предполагать, что идеи имеют полезное и целесообразное применение в естественном складе нашего разума» [5, с. 400]. Соответственно, рассуждая о возможном решении т.н. «космологических вопросов», Кант подчеркивал, что «догматическое решение здесь не просто недостоверно, а вообще невозможно. Критическое же решение, которое может быть вполне достоверным, рассматривает вопрос вовсе не с точки зрения объекта, а с точки зрения фундамента познания, на котором оно основывается» [5, с. 302]. Поэтому, как указывал Кант, «в этом и состоит трансцендентальная дедукция всех идей спекулятивного разума не как конститутивных принципов распространения нашего знания на большее число предметов, а как регулятивных принципов систематического единства многообразного содержания эмпирического познания вообще, которое благодаря этому становится в своих собственных границах более разработанным и утонченным...» [5, с. 401]. Тем самым, «достигаемое разумом единство есть единство системы, и это систематическое единство служит разуму не объективно, как основоположение, применимое к предметам, а субъективно, как максима, приложимая ко всему возможному эмпирическому знанию о предметах» [5, с. 402].

Если перевести мысли Канта на современный язык, то, можно предположить, что они гласят следующее. Любая попытка трактовать натуралистически или, говоря словами немецкого мыслителя, полагать, что «мир (весь ряд явлений) есть вещь сама по себе» [5, с. 313], порождает антиномию. Ее специфика в том, что, во-первых, ее тезис и антитезис эмпирически столь же недоказуемы, сколь и неопровержимы, во-вторых, они

загоняют пространство мысли в жесткую схему, которая предполагает только две альтернативы, каждая из которых возможна лишь за счет отрицания другой; в-третьих, предполагают игнорирование эмпирического материала, который мог стать опорой для подавляемой альтернативы; ну и наконец, в-четвертых, предстают готовыми ответами, которые Кант называет «догматическим решением». Далее философ подчеркивал, что подобного рода противоположности можно назвать диалектическими, поскольку оба противоположных суждения могут оказаться ложными [5, с. 313].

Гениальное решение, предложенное Кантом и ставшее основой для ницшевской «переоценки ценностей» и «деконструкции» Жака Дерриды, заключается, говоря словами Фридриха Ницше, в извлечении ценностей из мира и трактовки их как продуктов нашего разума. С этой точки зрения следует полагать, что положения о детерминизме или индетерминизме принадлежат к миру наших идей, но не к свойствам самого мироздания. Данное высказывание предполагает, конечно, определенную интерпретацию тезиса о свойствах мироздания. Здесь мы можем руководствоваться мыслью Поля Рикера, что мир не выражает себя через дискурс, а появляется лишь благодаря ему [7, р. 133], т.е. избавиться от навязчивого представления, что есть некий мир, существующий сам по себе, в противовес миру, созданному нашими идеями. Это означает также, что нет нужды просто отбрасывать стороны оппозиции (детерминизм/индетерминизм), как исчерпавшие себя, но можно использовать их как строительный материал для выдвижения новых идей. Кант недаром говорит о полезности и целесообразности идей, если мы трактуем их как указание для продуктивной направленности нашей мысли. Финальным аккордом звучит мысль немецкого философа о критерии определения их целесообразности, который следует искать в субъективном интересе разума и который заключается в возможности непротиворечивого связывания в единое целое многообразного эмпирического материала.

Развитие или продолжение этой логики мы можем обнаружить в рассуждениях Дерриды о сущности метода деконструкции. Как отмечал

французский мыслитель, следует «пытаться избежать простой нейтрализации бинарных оппозиций метафизики и вместе с тем – простого укоренения в запертом пространстве ее оппозиций, согласия с ним. ...Деконструировать оппозицию значит сначала в определенный момент перевернуть иерархию. ...А с другой стороны, остановиться на этой фазе значит опять же оперировать все еще на почве и в пределах деконструированной системы. Поэтому надо этим двойным письмом, да, стратифицированным, расклиненным и расклинивающим, обозначить дистанцию между инверсией, ставящей верх вниз, деконструирующей сублимирующую или идеализирующую генеалогию, и вторгающимся возникновением нового “концепта”, концепта, по сути своей уже не допускающего, никогда не допускавшего понимания в старом режиме» [3, с. 71-74]. Эту мысль продолжает Чарльз Шефердсон, обращая внимание на такой структурный аспект метода деконструкции как апелляцию к генеалогии анализируемой оппозиции: «...Генеалогия есть не просто форма исторического рассмотрения. Ее цель состоит не в восстановлении голосов прошлого или в восстановлении маргинализированного дискурса... Генеалогия не участвует в этой виртуозной битве между добром и злом, но более представляет собой операцию, что ведет обратно к происхождению, первым моментам, когда оппозиция между безумием и рассудком принимает форму и подходит к тому, чтобы организоваться как оправданная» [8]. В нашем случае генеалогия носит трансцендентальный характер, коренится в, так сказать, природе нашего разума и обеспечивает тем самым необходимую степень свободы нашей интеллектуальной деятельности. Иначе говоря, когда мы понимаем, что это лишь наши идеи, а не природа самого мироздания, то понимаем и следующее, что именно от нас будет зависеть, как ими распорядиться. В случае оппозиции детерминизма/индетерминизма осознание ее происхождения еще и подсказывает нам путь, в котором мы можем двигаться в поиске продуктивных способов обсуждения темы. Недаром Кант писал о регулятивном статусе идей, который можно трактовать как гипотезу, указывающую направление поиска и интерпретации разнообразного эмпирического материала.

Представляется, что продуктивный путь обсуждения проблемы детерминизма/индетерминизма открывается в знаменитой концепции открытых систем Ильи Пригожина. Как известно, ключевыми идеями в ней являются идеи открытости, флуктуаций, неравновесности, бифуркаций и нелинейных процессов. Пригожин и Изабелла Стенгерс отмечают, что «при изучении биологической клетки или города мы сталкиваемся с совершенно другой ситуацией: эти системы не только открыты, но и существуют только потому, что они открыты. Их питают потоки вещества или энергии, которые поступают из внешнего мира» [6, с. 180]. Открытость тем самым трактуется как взаимный обмен между окружающей средой и природной или социальной системой. Более того, как подчеркивает в Предисловии к книге Олвин Тоффлер, резоннее полагать, что открытые системы составляют большую часть Вселенной [6, с. 13]. Следствием такого обмена становится наличие флуктуаций или отклонений от средних величин, а следствием флуктуаций – состояние неустойчивости. Авторы указывают, что «существование неустойчивости можно рассматривать как результат флуктуации, которая сначала была локализована в малой части системы, а потом распространилась и привела к новому макроскопическому состоянию» [6, с. 237]. Соответственно, чем сильнее флуктуации, тем сильнее состояние неустойчивости и неравновесности. Следствием данного состояния становится такое положение дел, когда «в случае неравновесных процессов... флуктуации определяют глобальный исход эволюции системы. Вместо того, чтобы оставаться малыми поправками к средним значениям, флуктуации существенно изменяют средние значения» [6, с. 237]. В итоге система достигает т.н. точки бифуркации или своеобразного переломного момента в своем существовании, когда «в сильно неравновесной области система при прохождении точек бифуркации «выбирает» один из различных возможных режимов» [6, с. 238]. Особенность таких точек бифуркации заключается в том, что оказывается невозможным однозначно предсказать время ее наступления, определить, что станет причиной перелома и указать «ту ветвь, по которой будет проходить дальнейшая эволюция системы» [6, с. 236-237]. Иначе говоря,

в отличие от предшествующих линейных концепций прогресса или цикличности невозможно заранее предсказать состояние после бифуркации или можно это сделать лишь задним числом. Такая трактовка происходящих процессов позволяет авторам сделать следующий вывод: «Мы считаем, что вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации или случайные элементы, тогда как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистические аспекты» [6, с. 235].

Соответственно, если переводить все это описание на язык конструктивизма, то можно утверждать, что правомернее говорить не столько о том, что такова т.н. объективная реальность, сколько о том, что предлагаемая концепция (или гипотеза) более продуктивнее в интерпретации разнообразного эмпирического материала и интереснее в тех следствиях, которые из нее вытекают. То же касается и оппозиции случайности и необходимости. Дело конечно не в том, что случайность сродни беспричинности, а необходимость – предопределенности. Резоннее исходить из понимания специфики любой познавательной деятельности, которая заключается в сознательном или бессознательном разделении на существенное и несущественное. С этой точки зрения вполне правомерно, во-первых, что одни каузальные связи будут игнорироваться, а другие актуализироваться, а во-вторых, что будет меняться и сама трактовка каузальной связи. Как справедливо отметил когда-то Гастон Башляр: «Нет детерминизма без выбора, без отказа от мало значимых или смущающих нас явлений. Очень часто явление кажется нам незначительным просто потому, что мы пренебрегаем его исследованием. По существу, научный дух состоит не столько в наблюдении за детерминированностью явлений, сколько в детерминировании явлений, в принятии предосторожностей, чтобы подлежащий определению феномен производился без излишних деформаций» [1, с. 374].

Как вся эта совокупность идей может быть использована для анализа исторических представлений? Начнем с тезиса, что мы можем обсуждать их, как минимум, на двух уровнях: уровне представлений об историческом

процессе в целом (т.н., макроистории) и локальном уровне (т.н., микроистории). Если говорить о первом уровне, то стоит отметить, что речь идет не о возрождении т.н. метанарративов с намерением сказать последнее и окончательное слово, а о контексте, как правило, имплицитном, в котором разворачивается любое конкретное исследование, и который так или иначе предполагает какое-то представление о предмете исторического знания. Справедливости ради следует сказать, что здесь идея открытых систем нашла свое воплощение в тезисе об альтернативности в истории.

Движение в этом направлении можно начать с предположения о причинах флуктуаций и неравновесности в социальном мире. Резонно полагать, что такой причиной (или основанием, общим условием) является преобразовательная человеческая деятельность, порождающая последствия, вся полнота которых, естественно, агентами действия не осознается и в принципе осознана быть не может. Такая «логика» человеческого бытия (которую можно считать источником именно исторического характера бытия) была прекрасно отмечена Гегелем в его идее «хитрости разума» (без жестко детерминистских и телеологических ее трактовок). Говоря словами самого мыслителя, в этой идее «следует обратить внимание именно только на то, что в непосредственном действии может заключаться нечто, выходящее за пределы того, что содержалось в воле и в сознании виновника. Однако, кроме того, этот пример свидетельствует еще и о том, что субстанция действия, а, следовательно, и самое действие вообще, обращается против того, кто совершил его; оно становится по отношению к нему обратным ударом, который сокрушает его» [4, с. 80].

Следует согласиться с тем, что к настоящему времени любое представление о ходе истории предполагает наличие тех или иных ее периодизаций. Но, несомненно, и другое, что в рамках современных установок они не могут восприниматься как притязания на окончательное «правильное» понимание истории. Скорее стоит трактовать их как инструменты, пригодность которых определяется их эвристичностью, причем здесь и теперь. Если это так,

то возможно утверждать, что таких периодизаций может быть много. К примеру, можно полагать, что ход процессов в экономике и культуре, в частности, интервалы между точками бифуркаций в этих сферах, будут не совпадать. Возможно, что процедура их синхронизации путем подведения под тип общества не будет иметь эвристической ценности. Возможно, что для разных исторических пространств также будут иметь место разные периодизации, а попытки их синхронизации посредством концепции всемирной истории (за пределами идеи глобализации) также утратят эвристическую ценность. Но в любом случае можно полагать, что применительно к этому уровню анализа идея логики функционирования открытых систем кажется наиболее уместной, хотя вопрос о том, как и какие именно объекты исторического исследования будут истолкованы в терминах открытых систем, неустойчивости, точек бифуркации и т.д. определяется конкретным исследованием, а не дедукцией из теоретических первоначал.

Если мы переместимся на уровень микроисторический, то рискнем выдвинуть следующий тезис. Здесь вопрос о соотношении или предпочтении детерминизма/индетерминизма приобретает форму вопроса о смысле (но не о природе) исторического объяснения. Иначе говоря, речь пойдет не о том, используется ли в историческом познании объяснение через закон или другой тип объяснения, а о том, когда вопрос «Почему имели место те или иные события (явления, процессы и т.д.)» приобретает значение. Для ответа на этот вопрос воспользуемся рассуждениями Артура Данто. Будем отталкиваться от его знаменитого тезиса, что «наше знание о прошлом ограничено нашим знанием (или незнанием) будущего» [2, с. 25]. Суть мысли в том, что определение принадлежности того или иного объекта прошлого к истории будет зависеть от его значения. Поэтому отличительной исторического знания будет использование т.н. нарративных предложений, «...наиболее общая их особенность состоит в том, что они содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, хотя описывают только более раннее из этих событий» [2, с. 139].

Развивая эту мысль далее, можно утверждать, что определение существования, особенностей, смысла, значения любого объекта, претендующего на статус исторического, следует считать невозможным без помещения его в контекст того, что было до, а особенно, что было после. Иначе говоря, тот, кто хотел бы дать приемлемое описание какого-либо исторического события, не смог бы этого сделать без отсылки к предшествующему и последующему событиям. Но такая отсылка предполагает описание не всего подряд, а лишь того, что вносит вклад в понимание интересующего нас объекта. Говоря по-другому, переход Цезаря через реку Рубикон приобретает статус исторического только потому, что породил некоторые значимые последствия.

Принятие данных положений позволяет прийти к следующим выводам. Описание (или словами Данто «полное историческое описание») будет предполагать создание исторического нарратива. Такой нарратив с необходимостью будет представлять собой изложение цепочки причинно-следственных связей, поскольку только таким образом можно наиболее адекватно выразить мысль о том, что значит «иметь значение». Иначе говоря, переход Цезаря через Рубикон приобретает статус исторического именно потому, что стал причиной последующих событий. Очевидно, что при таком подходе, объяснение становится просто имманентной частью любого исторического описания и не требует выделения в специальную тему исследования.

Когда же тогда актуализируется вопрос «Почему»? Здесь можно использовать мысль Данто о том, что «потребность в объяснении, ощущение неясности чаще всего возникают в тех случаях, когда мы не способны подвести явление под данное общее понятие» [2, с. 213]. Если сказать проще, то это происходит, когда мы видим, что дела пошли не так, как ожидалось, что нарушен, так сказать, привычный ход вещей. По-другому, это означает, что не срабатывает привычная модель объяснения, которая подразумевает, что при таких-то обстоятельствах обычно, как правило, происходит то-то и то-то, ну

или, что, обычно, исследовательский опыт указывает именно на такую связь. Уже на этом этапе рассуждений можно говорить о том, что именно такой разворот приобретает идея альтернативности в истории в эпистемологическом аспекте. А ее методологическое значение тогда будет заключаться в способности принять во внимание обширный эмпирический материал, который в противном случае был бы игнорирован как несущественный и наличие которого, собственно, и позволяет создать другую версию положения дел.

В ответ можно было бы, конечно, возразить, что вышеприведенное рассуждение можно трактовать как подтверждение идеи детерминизма, поскольку оно свидетельствует лишь о конкретизации причинно-следственных связей, но не отменяет саму эту идею. Однако, если это возражение будет толковаться как оправдание тезиса, что дела все равно пошли бы таким путем, а не иным, то контраргумент можно представить следующим образом. Предлагаемая детерминистская версия должна быть симметричной в обоих направлениях, как в сторону прошлого, так и в сторону будущего. Но проблема в том, что построение валидной каузальной цепи в сторону будущего (сделать надежное предсказание, иначе говоря) представляется весьма сомнительным предприятием. Можно, конечно, в духе Карла Гемпеля полагать, что история пока еще является протонаукой, и ждать, когда она накопит достаточное количество надежных объяснительных моделей. Но можно идти другим путем и полагать, что тезис о невозможности указать ту ветвь, по которой будет проходить дальнейшая эволюция системы, должен также быть симметричен в обоих направлениях, а именно и в сторону прошлого также. Тем самым, идя по стопам Канта, можно мыслить следующим образом. Стоит предпочесть подход, трактующий исторические объекты как открытые системы, допускающие многовариантность изменений. Как следствие, в поиске исторических объяснений стоит руководствоваться следующей методологической установкой: дела всегда могли пойти иначе. И дело здесь не в том, чтобы разводить спекуляции типа что было бы, если бы, а в том, чтобы всегда руководствоваться или подразумевать вопрос: почему дела пошли так, а не

иначе. Такой подход расширяет наше понимание прошлого именно тем, что заставляет учитывать тот эмпирический материал (данные источников), который при жестко детерминистском подходе трактовался бы как несущественный или как информативный «шум».

В финале остается затронуть два аспекта, вытекающие один из другого. Прежде всего, это вопрос о языке (словаре, дискурсе и т.д.). Оппозиция детерминизм/индетерминизм или необходимость/случайность, конечно, загоняет мысль в жесткую и весьма спорную схему (в духе методологии деконструкции). Сохранять термин «детерминизм» значит бессознательно ассоциировать его с классическими трактовками, использовать термин «случайность» значит сделать шаг в сторону языка, вообще далекого от научного дискурса. Возможно, что компромиссным становится термин «мягкий детерминизм». Но в любом случае, задача поиска языка, который позволял бы исследователю освободиться от стереотипов и открывал бы новые исследовательские перспективы, остается актуальной.

Стоит также заметить, что конструктивистско-прагматистский стиль мышления поднимает вопрос об ответственности исследователя. Знание, конечно, всегда являлось продуктом человеческой деятельности. Но классический стиль мысли, а именно использование имплицитного нарратора и высказываний от третьего лица, позволяли создавать иллюзию объективности изложения и избегания личной ответственности за сказанное. Такой подход давал автору основания полагать, что он является лишь простым транслятором речи самой истории («нарасказанной» истории по Луису Минку), и быть ответственным лишь за надежность пересказа голоса самой истины (а потому, кстати, лишь повествовать, а не доказывать). Но современный историк должен быть лишен такой иллюзии и понимать, что история создается лишь его нарративами. А в свете роста новых коммуникативных технологий он должен еще более остро осознавать, как его голос отзовется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башляр Г. Новый рационализм / пер. с фр. Ю.П. Сенокосова, Г.Я. Туровера. – М.:

Прогресс, 1987.

2. Данто А.С. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. – М.: Идея-Пресс, 2002.

3. Деррида Ж. Позиции / пер. с фр. В.В. Библихина. – Киев: Д.Л., 1996. 192 с.

4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 1993.

5. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского, выверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным. – М.: Мысль, 1994.

6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс, 1986.

7. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences. – Cambridge University Press, 1995.

8. Shepherdson Ch. History and the Real: Foucault with Lacan // Postmodern Culture. – V. 5, №.2. – январь 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://serials.infomotions.com/pmc/pmc-v5n2-shepherdson-history.txt>

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Трубников В.М.

Аннотация: Статья посвящена проблемам развития исторического сознания и методологии истории – частной и общей – в прошлом и настоящем. Особое внимание уделено проблеме исторического факта как основы исторического знания. Определенное место в статье занимает анализ сущности исторического интереса и функции художественного образа в историческом процессе. Отдельно разбирается роль описания в историческом исследовании. Завершает статью небольшое эссе о живописном воплощении войны 1812 года и образа Наполеона в батальных и жанровых картинах выдающего русского художника, писателя и историка В.В. Верещагина.

Ключевые слова: история; историческое познание; историческое описание; исторический интерес и его роль в познании; историческая рациональность; исторический факт; типологии исторических фактов; художественный образ.

Прежде всего, надо определить место истории в системе наук. Иногда история провозглашается «особой» или «единственной» наукой, компендиумом всех знаний, а в других случаях ей отказывают в научности. История соприкасается с гуманитарными и естественными науками. Она зачастую является для тех и других поставщиком фактического материала. Философия неоднократно делала попытки интерпретировать исторические события. Например, итальянский философ Д. Джентиле считал, что философия исчерпывает духовную реальность и не оставляет действительности, из которой могла бы сложиться история. Противоположной точки зрения держался философ Б. Кроче. Он считал, что философию можно растворить в истории и

потому историческое познание единственное истинное познание [4, с. 47]. Споры все продолжаются. Академик М.В. Нечкина считает, что историки должны вплотную и повседневно заниматься методологией истории. Вместе с тем нет нужды отделять методологию истории от исторического материализма. Методология истории органический элемент его системы [4, с. 49-50]. А.В. Гулыга высказал соображение, что методология истории должна решать ряд общеполитических проблем, выходящих за пределы исторического материализма. «Историку приходится сталкиваться с рядом гносеологических, логических, даже эстетических задач, которые встают перед другими учеными» [4, с. 50]. Часто философы утверждают, что методологию частным наукам способна дать лишь философия. Но это вовсе не значит, что в истории нет своей методологии и связанных с ней проблем. Обращаясь к этим различным взглядам нельзя обойти классификацию наук, предложенную марксизмом. Основоположники марксизма писали в «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделять на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [5, с. 16]. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что «всю область познания можно разделить на три больших отдела. К первому должны быть отнесены все науки о неживой природе, доступные в большей или меньшей степени материалистической обработке, ко второму – «науки, изучающие живые организмы», а к третьему – историческая группа наук, изучающая «в их исторической преемственности и современном состоянии, условия жизни людей, общественные отношения, правовые и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т.д.» [6, с. 90]. В XIX в. сложилась еще одна гуманитарная дисциплина – социология. Поначалу социология была чисто эмпирической, марксизм же сумел объединить социологию с историей. Так возник исторический материализм. Буржуазная социология, начиная с ее создателя Огюста Конта, претендовала на

эмпирическое открытие законов развития общества. Г. Спенсер построил свою социологическую систему на антропологическом и этнографическом материале. О. Конт и его последователи не считали историю наукой до тех пор, пока она изучала и описывала отдельные факты. Когда появились исторические работы о развитии общества, социологи называли это социологией и ставили историю в зависимость от социологии. Г. Риккерт и К. Поппер считали, что история должна изучать единичное и, что от этого она несколько не утратит своего научного и прикладного значения, потому что и единичное может быть предметом научного интереса [4, с. 55]. Ключевский писал, что история учит даже тех, кто у нее не учится: она проучивает за невежество и пренебрежение. А.С. Пушкин утверждал, что неуважение к прошлому есть черта варварская.

Историческое познание по мысли А.Ф. Лосева зародилось в Древней Греции. Процесс становления философии истории был долгим. Во-первых, следовало разработать категории становления развития, взаимодействия личности и общества. Необходима целостная концепция истории. А.Ф. Лосев замечает, что «общественное развитие и есть исторический процесс» [9, с. 15-16]. Греческая историография начинается с Геродота, а в известном смысле и с Гомера, и в течение двух-трех веков накапливает материал, который от описания войн (греко-персидских, пелопоннесских и т.д.) обращается к истории городов, государств, этносов и появляется новый жанр – историческая биография. Последний жанр за время от Геродота (VI-V вв. до н.э.) до Плутарха, Тацита, Светония (I-II вв. н.э.) обогатился большим количеством имен и жизнеописаний. К грекам прибавились и римские историки Ливий, Полибий. В IV в. н.э. Евсевий Кесарийский создал один из первых набросков всемирной истории. Иероним позднее создал периодизацию в виде 4-х периодов. Образцом религиозно-богословского осмысления истории стала концепция Августина (354-430 гг.). Он разбил всю историю на шесть периодов: первые пять трактуют историю Иудеи и Израиля, а шестой посвящен христианству. Бурно развивается историография и «философия истории» (термин ввел Вольтер) в эпоху Просвещения во Франции, Англии, Германии,

Италии, Голландии и России [9, с. 145-152]. Среди авторов, обратившихся к проблемам истории: Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини, Ж. Боден, М. Монтень, Ф. Бэкон, Вольтер, Юм, Гиббон, Монтескье, Кондорсе, Гердер, В. Татищев, М. Ломоносов и многие другие. Уже в первой половине XIX в. французские историки Гизо, Тьерри, Мишле обратили внимание на классовую борьбу. Эти мыслители были движимы интересом к проблемам общественного развития и проблемам истории.

Исторический интерес возникает в античной Греции в VI-V вв. до н.э. Платон обратил внимание на склонность греков к историческим повествованиям о богах и героях. Важным фактором возникновения исторического интереса и соответствующей формы познания было обнаружение необратимости, взаимосвязи, последовательности и детерминации событий и отдельных поступков людей во времени. Категория «становление», выражающая текучесть, нестабильность, непрерывность и вместе с тем определенную направленность событий, является, согласно взглядам А.Ф. Лосева, основной для исторического познания и она тесно связана с пониманием «исторического времени» [9, с. 39]. Аристотель считал, что познание вызвано «непосредственными» потребностями. Он выразил это в форме строгого рассуждения: «Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом и более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы» [1, с. 69]. Величайшим достижением античной философии явилась диалектика. Греческие философы осознали единство движения и покоя, изменчивости и неизменности,

многообразного в проявлении единообразного, стабильного в сущности. В то время сказать, что все течет и все изменяется и нельзя дважды войти в одну и ту же реку, могла любая женщина, полоскавшая белье на берегу реки Эвроты. Возвести это эмпирическое наблюдение в принцип миропонимания мог только большой мыслитель. Античные философы «разнесли» этот великий принцип диалектики по разным философским школам. Гераклит и софисты исследовали изменчивость, элеаты – неизменность. Потребовались усилия двух таких гигантов как Платон и Аристотель, чтобы вновь синтезировать эти «разведенные» моменты в едином диалектическом миропонимании [1, с. 44].

Постепенно стало ясно, что исторический интерес – это феномен, порождаемый самой историей. Он сам становится отныне стимулом к познанию. Прошлое завораживает, волнует, вызывает споры, включается в систему политической и правовой аргументации. Все это порождает иллюзию первичности, исходности исторического интереса [9, с. 46-48]. Войдя в систему европейской культуры, исторический интерес уже не угасал никогда, но в разные эпохи он наполнялся разным смыслом и содержанием. Исторический интерес находит свою реализацию в историческом познании. С момента, когда наметился переход от устного текста к письменному, началось «сознательное» исправление недостатков, уточнение хода событий, числа участников, замена непонятных мест понятными. Запись устного текста стала предпосылкой «сознательной» стадии в формировании исторического сознания. Новой формой стала греческая проза, и первым ее создателем стал Геродот. Если в устный период преобладала поэтическая форма и была установка на запоминание, то письменная форма была больше нацелена на анализ и т.о. начинается складывание исторического познания. Появилась историческая рациональность, которая понимается как самодостаточная система правил и критериев, являющихся общезначимыми и имеющими одинаковый смысл для всех. Рациональными могут быть правила этикета, уличного движения и т.д. Историческая рациональность – это вся совокупность правил, принятых историками. Обособление исторического познания и выделение его в особую

профессиональную деятельность произошло около VII в. до н.э. в Греции. В это же время происходила запись Библии. Эти и еще ряд подобных феноменов в восточных культурах позволили К. Ясперсу выделить особое «осевое время» как эпоху формирования наиболее важных культур и цивилизаций – Восток и Запад. В период устной передачи информации хранителями ее были раджи, мудрецы, старейшины. Смерть каждого такого хранителя была по своему значению для современников равноценна пожару библиотеки. Появление письменных текстов надежно сохраняло и достаточно точно передавало информацию. Первым признаком исторического познания как особой структуры в рамках исторического сознания является индивидуальное авторство. Авторы это реальные личности.

Многие философы и историки считают историческое познание описательным. Это соображение выдвинули В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Вторая черта гуманитарных наук их эмпиризм. Но наука не стоит на месте, а развивается и меняется и самое описание и понимание эмпиризма. Отличительной чертой исторических описаний является обязательная фиксация временного момента. Описания делятся на частичные, единичные и полные (целостные). Целостное описание предполагает определенный синтез, который позволяет выделить, например, царя Алексея Михайловича в галерее предшественников и преемников. В общественных науках часто используется экстраполяция, когда встает вопрос о возможности распространить описание социума определенного вида на ранее неизвестные другие социальные структуры. Часто при описании событий (походов, осад, набегов), даже если они разделены во времени значительным сроком, возможно обнаружить сходные черты, выражающиеся практически одними и теми же формами языка. В науке языки делятся на объективные и метаязык. Объективные языки делятся на два уровня: язык наблюдений и язык теории. В языке наблюдений выражаются описания, фиксирующие эмпирическую информацию. Историческими можно назвать следующие описания: если объект знания представляет собой историческую реальность – личность (Наполеон) или

событие (Аустерлиц), и при том выделенные во времени; предметом знания является целенаправленная общественно значимая деятельность; в описании фиксируются детали и закрепляется информация, необходимые для объяснения этой деятельности. Эти описания удовлетворяют определениям описаний как особой познавательной структуры [9 с. 184].

История как наука строится на фактах. Факты – фундамент всего исторического знания. Факты составляют ткань, материал исторической науки. А.И. Ракитов в книге «Историческое познание» предлагает три употребительных значения понятия «факт»: 1) как объективное событие или процесс; 2) как особое знание о соответствующем событии, процессе; 3) как синоним истины. Истина согласуется с философией и естественными науками [9, с. 186]. В первом смысле понятие «факт» часто использовали в XIX – XX вв. Сторонником такой интерпретации был русский историк и социолог А.С. Лаппо-Данилевский. В его позиции особое место занимает утверждение о том, что историк производит отбор и оценку информации о прошлом, видоизменяет и преобразовывает ее, создавая знания, которых, возможно, не было в источниках. Л. Голдстайн в книге «Историческое знание» утверждает, что факты не извлекаются историком из исторических источников в готовом виде, а представляют собой результат интеллектуальной процедуры. А.Я. Гуревич, историк и культуролог, определил, что факт – это особая абстракция, сохраняющая некоторые конкретные черты зафиксированного в ней объекта. «Интересно отметить, что факт в данном определении факт не только понятие, но научно-познавательный образ», т.е. единство абстракции и конкретно-чувственного представления об объекте [9, с. 191].

Эпистемологически факты делятся на экзистенциальные, квалификационные, последние делятся на феноменологические и эссенциальные. Экзистенциальные факты должны ответить на вопрос, существовало ли то или иное событие, ситуация, отдельное историческое лицо. Квалификационные факты отвечают на вопрос, что именно существовало, чем был, какими свойствами обладал тот или иной исторический феномен.

Квалификационные факты делятся на феноменологические, являющиеся эмпирической формой, фиксирующей чувственно воспринимаемую сторону событий, и эссенциальные, фиксирующие то, что обычно называется сущностью. Особый тип исторических фактов образует количественные факты. Все типы фактов становятся историческими во времени и пространстве. И таким образом появляются темпоральные и локографические факты. Исторические факты различаются методологически. Обычно выделяют четыре типа исторических фактов: аналитические, конфигуративные, статистические, типические.

Историки не всегда имеют свидетельства непосредственных участников, и поэтому приходится сопоставлять с внешними свидетельствами. Таким образом, появляются конфигуративные факты. Ярким примером этого является описание битвы при Арколе в 1796 г., сделанное самим Наполеоном [7, с. 100-112], Стендалем и историками Е.В. Тарле и А.З. Манфредом в их монографиях о Наполеоне. В исторических исследованиях исходный материал есть нечто данное, не подлежащее изменению. Чем дальше вглубь веков, тем меньше количество достоверных источников. Неизвестно ни одной подлинной русской рукописи ранее XI в., а от второй половины XI в. сохранилось всего семь, от XII в. – восемь, от XIII в. – двадцать. Поэтому трудно разграничить непосредственные эмпирические данные и опосредствованные эмпирические знания – факты. Но если эти факты прочно установлены и четко зафиксированы в структуре исторического знания, их познавательный статус и методологический фундамент оказываются достоверными.

Проблема исторического факта занимала умы историков всегда и спор еще не окончен. В 60-80-х гг. XX в. высказывались о факте советские историки и философы (А.Я. Гуревич, А.И. Уваров, В.С. Библер и др.), историки Польши, ГДР, Болгарии, Чехии. Интересную позицию выдвинула польская исследовательница Целина Бобинская. Она предложила ввести понятие «историографический факт», относя его к научно-познавательному образу, тогда как термин «исторический факт» сохранить применительно к не

прошедшим через сознание историка непосредственно данным фрагментам исторического процесса. Это утверждение подводит к вопросу о селекции исторических фактов, которые осуществляет только историк. Селекция заключается в выборе источников. Британский историк Джон Тош в книге «Стремление к истине» считает, что историк должен проверить подлинность источника, действительно ли автор текста, место и время и дата создания документа таковы какими кажутся. Эти вопросы более всего касаются юридических документов, хартий, завещаний и т.д., от которых зависит богатство, статус, привилегии. Если историк сомневается, он ставит ряд вопросов: автор, кто он, не подделан ли документ. Следует изучить документ с точки зрения соответствия данных документа с нашими знаниями об упоминаемом в нем периоде. Наконец, историк должен знать язык (языки) и быть палеографом, чтобы решить соответствует ли графическая форма письма заявленному в документе месту и времени. Официальные документы характеризуются особым порядком изложения и набором формулировок, которые являются признаком того или иного учреждения. Следует обратить внимание на стиль и формулировки и термины, используемые в тексте документа. Историк должен стремиться охватить, исследовать широкий круг источников, тем объективнее будут установлены факты [3, с. 63-70, 85-100].

А.Я. Гуревич выражает одну из распространенных точек зрения, согласно которой исторические факты всегда выступают в форме образных описаний. Всякий образ есть некоторое подобие, некоторая копия объекта, вызывающая сходные чувственные впечатления у воспринимающего субъекта. В этом философы и историки видят основание для отождествления исторического познания с искусством или, по крайней мере, с художественной литературой. «Исторический процесс включает в себя широкий спектр явлений культуры, а в их составе художественное творчество занимает большое место. Немыслимо изучение исторического процесса без такой могущественной силы, как художественное творчество, воздействующее на массы людей-творцов истории» – пишет М.В. Нечкина. И далее продолжает: «Вопрос о работе

художественного образа в историческом процессе, в росте и преобразовании людей (а историю делают люди!) как-то мало затронут. Не просто художественный образ как таковой, а именно функция художественного образа в сознании читателя подлежат изучению. Существует много работ о художественных произведениях с позиций критика и литературоведа. Критики изучили стиль, слог, исследовали метафоры, образы и прообразы, прототипы и сюжеты. Но для историка важнее другое – функция произведения, его работы в воспринимающей читательской среде. Художественное творчество принадлежит явлениям культуры, а история культурного развития – неотъемлемая часть общего исторического процесса. Поэтому положение, что работа художественного образа в историческом развитии – обязательная для историка тема» [8, с. 4-9]. С момента своего возникновения в рамках европейской традиции профессиональное историческое познание запечатлело в себе следы различных влияний, аккумулировало познавательные и выразительные средства, уже сложившиеся в мифологии, эпосе, поэзии, драматургии, прозе. С возникновением исторического интереса и включением его в качестве самостоятельного компонента в культурно-ценностную систему народа растет аудитория, усваивающая историческое повествование. Это побуждает историка заботиться не только о содержании своего труда, но и форме его подачи, литературно-художественной занимательности. В средневековье достаточно часто читались исторические повествования о короле Артуре, о рыцарях Круглого Стола, об императоре Карле Великом, о подвигах Амадиса Галльского и доблестного графа Роланда. Историческая образованность в то время стала «духовным вооружением» политиков того времени.

Эстетический момент в историческом познании отличается от эстетического в объективной истории как отражение от отражаемого; он отличается и от эстетического в искусстве в том случае, когда объектом искусства является сама объективная история, ее сюжеты, персонажи. Критики порой советуют историку восполнять пробелы в информации силой

воображения. Историк способен «конкурировать» с писателем, когда у него достаточно материала из различных источников, и это позволяет ему нарисовать яркую картину действительности. С развитием исторического познания и превращением его в научное знание, в нем все отчетливее происходит дифференциация. Есть разные истории: экономическая, политическая, военная, история культуры и искусства и т.д. Развитие этих и других «историй», отвечающих критериям научности, отодвигает проблему образности на второй план. Цель науки – истина. В.О. Ключевскому принадлежит меткое изречение: «Тайна искусства писать – уметь первым быть первым читателем своего произведения». Историка больше всего волнуют читатели и для него важна функция художественного образа в живой человеческой среде. Художественный образ – отражение жизни. Писатель, художник воссоздает в душе читателя больше, нежели непосредственно содержит даваемый им образ. И этот образ у разных читателей, зрителей разнится, завися от их опыта, возраста, образа жизни, образования. Художественный образ расширяет жизненный опыт и это не только познание неизвестного ранее, но восприятие целого потока чувств и нравственных проблем. Без функции художественного образа в историческом процессе нельзя восстановить реальную историю человечества. Без нее человечество не могло бы столько лет просуществовать, развиваясь в историческом процессе. Воздействие литературы на читателя исследовано достаточно. Но есть еще другой вид искусства, воздействие которого не меньше, а даже сильнее и быстрее, чем у литературы. Это живопись и графика. И здесь для примера возьмем эпоху Наполеоновских войн и ее главного героя – Наполеона Бонапарта (1769-1821). О нем написаны горы книг, статей, эссе, стихов и великое множество полотен художников и графиков Европы, Америки и Азии. Стендаль, побывавший в России в роковом 1812 году, указал, что чем дальше будет уходить это время, тем больше о нем будут писать, а жизнь Наполеона будут переписывать постоянно, что и происходит. К этой теме обращались очень многие живописцы: Давид, Гро, Энгр, Жерар, Мессонье и др. Нас

интересует соотечественник В.В. Верещагин (1842-1904), художник с широким спектром, баталист, писатель, путешественник и воин. Выпускник Морского корпуса, он отказался от военной службы и поступил в Академию художеств Санкт-Петербурга, а с 1864 года он начинает обучение в Академии художеств в Париже. Ему содействовали французские живописцы – Ж.Л. Жером и Э. Мессонье. Главной темой Верещагина стала война 1812 года и личность Наполеона. Он написал историческое исследование о Наполеоне и войне в России. Он оценивает итоги Бородинской битвы и других сражений, не совсем так, как это было в нашей литературе 40-50 лет назад. Он прямо пишет, что Бородинская битва в материальном отношении была скорее поражением, чем победой (и позиции оставлены, и потери велики, и оставлена Москва), но в смысле моральном и в народе и в армии нарастал дух сопротивления неприятелю. Генерал А.П. Ермолов, участник битвы, говорил, что битва проиграна. И в тексте исследования Верещагина и на его полотнах постоянно появляется Наполеон. Верещагин не умаляет его полководческих качеств, а преподносит как человека, столкнувшегося с серьезными проблемами. В самой знаменитой картине «Наполеон на Бородинских высотах» он сидит, положив ногу на барабан, а за ним стоят генералы и гвардия – здесь он полон уверенности. Вот Наполеон сидит в раздумье с письмом в руках на картине «Дурные вести из Франции»; вот он стоит на Кремлевской стене и в тревоге смотрит на пожар Москвы. На картине «Пробиваться или отступить» он сидит, склонившись над картой, рядом почтительно стоят маршалы. На полотне «Отступление, бегство» Наполеон показан идущим в зимней одежде впереди колонны войск. Это уже совсем другой человек. После ссылки Наполеона к его образу обращались самые разные историки, поэты, художники и притом часто уважительно и сочувственно. В сочинениях А.С. Пушкина имя Наполеона встречается десятки раз. Д. Байрон, М.А. Дюма, Ф. де Шатобриан, И. Гете, М. Лермонтов, Ф. Тютчев оставили очень интересные произведения, посвященные Наполеону, а у А.С. Пушкина есть строки, которые звучат как духовное

завещание Наполеона: «Хвала! Он русскому народу высокий жребий указал и миру вечную свободу из мрака ссылки завещал».

Все, о чем здесь говорилось, имеет отношение к новой дисциплине. Среди вспомогательных исторических дисциплин появилась еще одна – имагология (имиджелогия), трактующая образный мир и объясняющая законы и принципы его функционирования. Конечно, пока эта дисциплина не вполне самостоятельная и не вполне сложилась и пользуется самыми разными источниками. Но поскольку процесс познания сложен, многоаспектен и бесконечен, нельзя отказываться от нового, что пополняет арсенал методов познания истории. Приведенное в итоге статьи эссе о В. Верещагине в его исторической и художественной трактовке истории 1812 года вполне материализованная имагология [2, с. 194-264].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения в 4-х т, т. 1. – М.: Мысль. 1975. – 750 с.
2. Верещагин В.В. 1812. Они воевали с Наполеоном. – М.: Родина. 2021. – 271 с.
3. Джон Тош. Стремление к истине. – М.: Весь мир. 2000. – 290 с.
4. Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. – М.: Мысль. 1974. – 190 с.
5. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. – М.: Издательство политической литературы. 1955. – 629 с.
6. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. – М.: Издательство политической литературы. 1961. – 827 с.
7. Наполеон. Искусство войны. – М.: ЭКСМО. 2009. – 431 с.
8. Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. – М.: Наука. 1982. – 319 с.
9. Ракитов А.И. Историческое познание. – М.: Издательство политической литературы. 1982. – 300 с.

II. СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС:

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

А.М. Бирюков

Аннотация: Данная статья рассматривает некоторые современные оценки и проблемы изучения Нюрнбергского процесса. На протяжении десятилетий определённые силы на Западе пытаются представить итоги процесса как политизированные и потому юридически несостоятельные. К этому добавляются обвинения в адрес СССР (в лице России) в совершении разнообразных «преступлений против человечности» с целью ослабить как политическое влияние Москвы, так и получить компенсационные выплаты. СССР (Россию) стараются вывести «за скобки» стран-победителей, для чего ведётся историко-правовая ревизия обстоятельств проведения процесса – его причин, хода и итогов.

Ключевые слова: Международный военный трибунал; Нюрнбергский процесс; Вторая мировая война; Холокост; Катынь; ревизионизм.

Среди основных направлений политики современной России одним из главных является жесткое следование курсу защиты собственных интересов, что, в частности, проявляется в заметном дистанцировании от многих аспектов западной политической культуры. Глобальная стандартизация ведёт к обезличенному единообразию, и потому российским национальным интересам приходится сталкиваться с «коллективным Западом», пытающимся навязывать не только свою политическую или экономическую волю, но и единообразно-правильное (по их мнению) восприятие прошлого. Ход и итоги Второй мировой войны становятся, в такой ситуации, «полем битвы», и если «подрубить корни» российского историко-политического восприятия Великой Отечественной войны, то можно будет навязать нашему обществу западные историко-политические стандарты по широкому кругу вопросов – это и приравнение сталинизма к гитлеризму, и следующие из этого призывы к «новому Нюрнбергу», и «виновность» Москвы за договоры с Третьим рейхом и следующий из этого вывод о виновности СССР (России) в начале Второй мировой войны, и игнорирование советского вклада в Победу, и прозвучавшие несколько лет назад обвинения советских солдат в массовых изнасилованиях,

совершенных ими в Германии (сейчас эти обвинения подзабылись, но могут быть быстро «возвращены в строй»).

Цель всего этого – заставить российское общество отречься от своего прошлого, принять ответственность и чувство вины, а из этого уже последуют требования пересмотра границ, итогов войны, денежных компенсаций и пр. В итоге России вновь придётся, как в начале 1990-х гг., признавать свою культурную вторичность перед западной цивилизацией со всеми из этого вытекающими и далеко идущими последствиями.

Следует заметить, что не все историки Запада послушно отработывают «политический заказ». Так, Йорг Ганценмюллер (он аттестован *Deutsche Welle* как «ведущий немецкий специалист по Второй мировой войне» категоричен – «Сталин не планировал нападать на Германию» [7]. Многие историки ФРГ вообще осторожны в своих научных оценках, и стараются дистанцироваться от новомодных политизированных концепций.

По ряду причин сейчас «полем битвы» являются ход и решения (и их трактовки) Международного военного трибунала (Нюрнбергского процесса) 1945-1946 гг. Наносится удар по советскому участию в подготовке и проведении этого важного правового события, причём с однозначно обвинительных позиций.

Понятно, что российская сторона не «ушла в глухую оборону». Выходят научные материалы – например, международного круглого стола «Нюрнбергский эпилог: история напоминает и предупреждает» (совместно с немецкой стороной) [8], публикуются статьи (например, статья Дмитрия Хазанова [15]), в июле 2020 г. открылась выставка к 75-летию Нюрнбергского процесса – «Нюрнбергский набат. Без срока давности» [3].

«Там, где невозможно высчитать, очень важно внушить» [2, с. 19]. Этой острой фразой Марка Блока активно руководствуются некоторые западные историки. Стараются, внушают, иной раз доказывая, что «дважды два – четыре», а иной раз демонстрируя «высосанное из пальца». Представляется показательной статья современного латвийского историка Инесиса Фелдманиса

– он, с одной стороны, в прошлом советский учёный (работал в ЛГУ), с другой – ныне представитель западной исторической школы. Имея возможность сравнивать исторические подходы, он жестко критически оценивает российские представления о Нюрнбергском процессе, иронически утверждая, что его итоги для Москвы – «евангелие» и «святое писание», а сам суд был «пародией» (на правосудие). Он аккуратно (что бы не обидеть) упоминает некоторые грехи союзников (ряд уступок советской стороне в ходе процесса или бомбардировки немецких городов), но вот для СССР желчи не жалеет – особенно в «катынском вопросе». Половину обвинений руководству Третьего рейха автор статьи разом отвергает, со второй обходится куда тактичнее – «доказательства обвинений в военных преступлениях и преступлениях против человечества были убедительны» [13]. Казалось бы, вот пример объективности – но буквально в следующем предложении автор сам называет её причину – Холокост, отрицать который западные историки пока ещё не рискуют.

Тем не менее, в истории МВТ есть целый комплекс как объективных, так и субъективных проблем и вопросов, которые поднимают и изучают и отечественные историки, и зарубежные.

Такого рода вопросов в истории Нюрнбергского трибунала немало. Так долгое время защитой подсудимых муссировался вопрос об «эксцессах исполнителей», т.е. о том, что проявления жестокости, и не только по отношению к «евреям и комиссарам», но и к мирному населению оккупированных территорий, были со стороны отдельных солдат вермахта (при этом не отрицалось то, что в массовых злодеяниях виновны СС, гестапо, зондеркоманды и пр.). Это при том, что В. Кейтель (и не только он) под давлением улики признавал факт отдачи приказов о совершении солдатами того, что называется «военными преступлениями». Вопрос был закрыт только в середине 1990-х гг., когда окончательно развеялась «легенда о чистом вермахте», причём – стараниями немецких историков.

Так же приходится констатировать, что позиция советских властей в вопросе публикации (точнее – не-публикации) стенографических материалов

МВТ создала существенные проблемы как для политиков, так и для историков. Решение об этом было принято единогласно на высшем уровне, и если стенографические материалы процесса на английском, французском и немецком языках вышли в 42 томах, то на русском языке аналогичной публикации не было и нет. Отсутствие документальной базы во многих спорных моментах «вязало по рукам и ногам» и советских, и российских историков. Так, известно, что на заседаниях трибунала вставляли вопросы о захоронениях поляков в Катыни и о секретных протоколах к «пакту Молотова-Риббентропа», но отсутствие опубликованных стенограмм обсуждения этой и других острых проблем на русском языке вынуждает нашего историка занимать глухо-оборонительную позицию, что особенно чревато проблемами в современной скандальной ситуации «интерпретации и реинтерпретации» итогов как Второй мировой войны, так и Нюрнбергского трибунала. Отсутствие объективной информации (хотя западные ревизионисты давно готовы объявить необъективным весь процесс) придаёт «жизненности» самым разным слухам и ошибочным трактовкам – так, несчастный случай с одним из помощников Главного обвинителя от СССР Р. Руденко – Николаем Зорей некоторые отечественные современные исследователи готовы трактовать как политическое убийство советского юриста, якобы узнавшего правду о катынском расстреле и о секретных протоколах (как вариант – самоубийство под тяжестью открывшейся правды). Однако достаточно ознакомиться с его биографией – человека, прошедшего через горнило прокурорской работы в предвоенные и военные годы, чтобы усомниться в версии о слишком ранимой нервной системе этого военного юриста-профессионала. То, что именно ему было поручено представлять материалы Катынского дела, уже говорит о многом, а то, что у Москвы и Берлина были определённые планы в отношении раздела Польши, можно было понять даже не по содержанию, а по названию «второго пакта Молотова-Риббентропа» – «договора и дружбе и границе» (общей границе по территории бывшей Польши). За процессом следил лично Сталин [6, с. 123-128], и если бы кто-то из советских юристов «дал бы

слабину», усомнился бы в правоте своего дела, то он был бы немедленно отправлен в Москву военным самолётом (таким «бортом», в частности, в Нюрнберг прилетел корреспондент «Красной звезды» Б. Полевой). Был уже и прецедент замены в группе обвинителей – так, в начале 1946 года с должности Главного обвинителя от Франции ушёл Ф. де Ментон (был заменён О. Шампетье де Рибом). Если уж отбрасывать трагическую случайность в деле о гибели советского юриста и сосредоточиться на версии самоубийства, то можно предположить, что Н. Зоря, не добившись успеха в предоставлении доказательств по «Катынскому делу», сам наказал себя за политико-правовую неудачу...

Несколько мемуарных свидетельств участников и свидетелей процесса [например: 10; 4; 9] и две больших публикации основных официальных материалов МВТ, предпринятые в СССР в 1950-х и 1980-х гг., при всей их исторической ценности, не могут заменить полного стенографического отчёта.

Конечно, ещё одним фактором, определяющим целый ряд трудностей в оценках эффективности решений Нюрнбергского трибунала, была определённая нехватка документального материала. Часть архивного и текущего делопроизводства различных ведомств Третьего рейха погибла в ходе бомбардировок и боевых действий на территории Германии, часть была уничтожена самими нацистами. Многие нацисты (из числа наиболее дальновидных) сами старались оставлять против себя минимум «горячих» документальных свидетельств. Так, в ходе судебного процесса по «делу Эйхмана», являющегося своеобразным политическим продолжением затронутой в Нюрнберге темы Холокоста, выяснилось, что уличающих обвиняемого документов минимум, и суду пришлось делать упор не столько на личной вине подсудимого, сколько на преступности всей политики государственного антисемитизма в Третьем рейхе. Однако впечатляющее количество свидетельских показаний о ситуации «в целом» не переросло в качество комплекса улик, направленного против Эйхмана (это с изумлением наблюдала присутствующая на суде Ханна Арендт и описала в своей работе

[1]). Более того, закрытость была свойственна всем не-демократическим политическим системам («закрытым обществам», по Карлу Попперу), и политика сокрытия информации была достаточно эффективной (этот феномен в своей работе разбирал Юрий Фельштинский [14], а также есть очень показательная подборка документов, опубликованная в журнале «Источник» [11]).

Давней проблемой является и вопрос о точности статистических данных. Так, обвинения подсудимых в преступлениях против мира, против человечности и нарушении законов войны должны были подкрепляться цифрами потерь как военнослужащих, так и мирного населения. Однако советская сторона, стремясь минимизировать потери самого передового государства в мире, исчисляла их в 7 млн. погибших (что примерно соответствовало потерям Третьего рейха), и только через 40 лет прозвучало иное число, признаваемое ныне большинством отечественных историков – 27 миллионов. Ревизионисты заявляют о сходной ситуации с числом жертв Холокоста, но «с иным знаком» – они требуют понизить число жертв с 6 млн. целенаправленно истреблённых в «лагерях смерти» до 1,5 млн. погибших в трудовых лагерях от непосильного труда, голода, англо-американских бомбардировок и болезней. «Неверная цифра», по их мнению, была получена на основе выбитых силой у бывшего коменданта Освенцима Р. Хёсса показаний. В итоге стали звучать призывы к «уточнению количественных показателей», озвученных стороной защиты в Нюрнберге. Справедливости ради следует уточнить, что и среди историков-традиционалистов существует потребность оперировать проверенными данными по истории Второй мировой войны, в первую очередь – по количествам военнопленных или погибших. Так, Уолтер (Вальтер) Лакер, видный американский историк, озвучивая проблему, самым названием своей статьи поставил «вопрос вопросов» – «С кем вы, мастера статистики?»[5].

Ещё один вопрос касается одной традиционной оценки, касающейся поведения в Нюрнберге главных военных преступников. Сложилось мнение,

что они в своих показаниях, в «последних словах» говорили исключительно о своей невинности, не пытаясь оправдать ни идеологию нацизма, ни нацистское государство. Военный корреспондент «Правды» на процессе Б. Полевой отметил: «ни один из них не произносит ни слова в защиту или хотя бы в оправдание нацизма» [9, с. 222]. Обвиняемые говорили о себе, что они «несчастные, недальновидные люди... горько заблуждались, были обмануты и не знали, что происходит в стране» [9, с. 223]. Однако всё не так однозначно – так, А. Полторак в своём капитальном труде не раз останавливался на доводах как защиты, так и самих обвиняемых, говоривших именно с позиций обоснования и оправдания нацистской политики и идеологии. Понятно, что советский юрист говорит об этом кратко и сдержанно, но общее представление всё же получить можно. Это было отмечено юристами и других стран-победителей. Так, издатель писем заместителя британского главного обвинителя Дэвида Максвелла Файфа отмечает: «Геринг оправился от шока, нанесенного арестом, осознал неминуемость казни и понял, что это последний шанс выступить с оправданиями нацизма. Максвелл Файф был обязан бросить вызов Герингу» [12].

Возможно, изучение аргументации главных военных преступников могло бы быть политически значимым для современных юристов, историков и политиков в рамках противостояния не только тем, кто стремится к реабилитации нацизма, но и тем, кто пытается пересмотреть итоги Нюрнберга.

Таким образом, вновь и вновь приходится констатировать, что уровень политизированности научных исследований многих острых проблем мировой истории остаётся весьма высоким. Западные историки, основываясь на традициях либерализма, пытаются увидеть в тех далёких событиях судьбу и трагедию личности, подчас игнорируя мировой характер противостояния, а вот отечественные историки скорее защищают патриотическую позицию, отталкиваясь от того, какой ценой обошлась советскому народу Победа. Решения Международного военного трибунала в значительной части были обращены в будущее, и в том, что Европа длительное время была избавлена от

серьёзных военных конфликтов, немалая заслуга решений и итогов Нюрнбергского процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. – М.: Европа, 2008.
2. Блок М. Апология истории. – М.: Наука, 1973.
3. Выставка к 75-летию Нюрнбергского трибунала открылась в Москве. - <https://tass.ru/kultura/8934201> (дата обращения: 20.10.2020 г.).
4. Кузьмин С.Т. Сроку давности не подлежит. – М.: ИПЛ, 1985.
5. Лакер Уолтер. С кем вы, мастера статистики? // «Новое время». – Май 1993 (№ 20 (2498)).
6. Лебедева Наталья. Неизвестный Нюрнберг. // «Родина». – 1991. – № 6-7.
7. Немецкий историк: Сталин не планировал нападать на Германию - <https://www.dw.com/ru/%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD-%D0%BD%D0%B5-%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB-%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D0%BD%D0%B0-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E/a-17863597> (дата обращения: 25.12.2020 г.).
8. Нюрнбергский эпилог: история напоминает и предупреждает (к 60-летию Нюрнбергского процесса). – М.: МПГУ, 2006.
9. Полевой Б.Н. В конце концов. Нюрнбергские дневники. – М.: Советская Россия, 1972.
10. Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. Третье издание. – М.: Юридическая литература, 1983.
11. Правящая партия оставалась подпольной (публикация Вл. Лебедева) // «Источник», 1993. – № 5-6. – С. 88-95.
12. Топпинг Александра. Как допрашивали Геринга: Нюрнбергский процесс глазами участника. - <http://www.inopressa.ru/article/20Mar2009/guardian/goring.html> (дата обращения: 12.02.2021 г.).
13. Фелдманис Инесис. Нюрнберг - справедливый суд или пародия? - <https://topwar.ru/567-nyurnberg-spravedlivyj-sud-ili-parodiya-latvijas-avize-latviya.html> (дата обращения: 13.02.2021).
14. Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. – М.: Терра, 1991.
15. Хазанов Дм. Уроки Нюрнберга. Приговор не был достаточно суров. - <https://tass.ru/opinions/10054471> (дата обращения: 05.12.2020).

ПРИМЕНЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ

ван Хааске Л.А.

Аннотация: В статье рассматривается опыт анализа юридических документов, проиллюстрированный авторским исследованием в области исторической имагологии. Автор приходит к выводу о возможности выстраивания при помощи имагологической оптики более глубоких кроссдисциплинарных связей, которые, в том числе, дают возможность

рассматривать исследуемый процесс (Салемский суд над ведьмами) как случай коллективного психопатологического состояния.

Ключевые слова: историческая имагология; охота на ведьм; Салемский процесс; колдовство; юридическая имагология; историческая психология.

Обращение к юридическим документам как источникам не является исключительной практикой в исторических исследованиях. Более того, некоторые направления истории, такие как, например, история государства и права, немислимы без подобной источниковой базы. Однако, применение подобных методик в имагологических исследованиях в свою очередь практика малораспространенная – и задачей нашей статьи становится представление научному сообществу опыта применения такой методологии.

Имагологический подход в истории вообще можно считать своеобразным новшеством, и можно отметить, что, несмотря на то, что, как показывает О.С. Поршнева в своей работе «Историческая имагология в современной российской историографии» [5], становление этого направления началось более полувека назад, работ, главной оптикой которых является именно имагологическая, немного. Одновременно с этим, можно отметить, что применение именно имагологических методов в истории может существенно обогатить исторические исследования вообще. Так, например, А.А. Орлов в монографии «"Теперь вижу англичан вблизи...": Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.)» [4] показывает, что являющийся основным для имагологии вопрос о восприятии Другого или построение образа вообще может играть исключительную роль для исторической науки.

Мы можем согласиться с этим тезисом, так как вполне очевидно, что историческая реальность, по сути, представляет собой совокупность объективных фактов и свидетельств их восприятия. Исследования в области глобальной истории нередко обращаются в большей степени к фиксируемым объективным фактам, что, с одной стороны, бесспорно эффективно, но с другой стороны, создает ситуацию, при которой исследователи, выстраивая безупречную фактологическую канву, в некоторой степени пренебрегают

именно вопросом восприятия. Этот феномен неоднократно становился объектом критики, что, в конечном счете, привело к возникновению в середине XX века целого ряда новых исторических подходов. Как показывает в своей работе О.С. Поршнева [5], именно это явление привело к возникновению исторической имагологии, которая фактически позволяет восполнить возникший пробел, обращаясь к образу, включенному в фундаментальную историческую канву.

Наиболее частым источником, к которому обращаются исследователи в области исторической имагологии, являются дневники, личные записки и прочие эго-документы. Этот источниковый массив, безусловно, является ценнейшим для исследований, однако при этом использование дневниковых материалов связано с одним существенным нюансом. Ю.Л. Самелик и О.А. Никитина, обращаясь к эго-документам для реконструкции образа эзотерика и оккультиста на рубеже XIX-XX веков, отмечают, что «С одной стороны, он (*дневник – Л.в.Х*) основан на событиях реальной жизни и потому имеет под собой четкую фактическую основу, с другой стороны, эти события получают в сознании автора творческую обработку, когда ненужное отсекается, забывается, вымарывается, и остается только тот образ, который автор хочет зафиксировать для себя, потомков, читателей.» [6]. Таким образом, мы можем говорить, что дневники (равно как и прочие эго-документы) являются парадоксальными источниками, одновременно выступая и с объективной позиции (фиксируя фактическую реальность), и с субъективной (имея существенную и выраженную авторскую позицию). Присутствие значимого субъективного компонента в эго-документах, в свою очередь, является важной методологической составляющей, давая исследователю возможность одновременно рассмотреть описываемые события и образы с позиции автора эго-документа, а с другой стороны, позволяя создать определенный плюрализм мнений, через эго-документ обратиться к событию с разных сторон и оценочных позиций, тем самым формируя целостный образ.

В свою очередь, формальные документы, которым посвящена наша работа, по самому своему происхождению призваны быть лишены субъективности. Например, судебные документы, такие как протоколы следственных действий, допросов и приговоры судов, по сути своей стремятся к объективности, так как объективность является одним из важнейших элементов судопроизводства. Вместе с этим, можно отмечать своеобразную сухость и ограниченность юридических данных - и это может создавать ограничения для их восприятия в контексте образа. Мы можем признать, что построение образа не является их непосредственной задачей – в отличие от традиционных для имагологической оптики эго-документов. Однако, ниже мы продемонстрируем, что юридические документы могут быть не менее ценным источником информации для исследования образа.

В рамках нашего исследования феномена страха в контексте социального действия мы обратились к такому достаточно известному эпизоду как суд над ведьмами в Салеме. Сам феномен судебных преследований по обвинению в колдовстве нельзя считать плохо изученным в исторической науке, и, более того, его рассмотрение практиковалось с самых разных позиций – от сугубо исторических [7] до юридических [3]. Однако в случае с судебным процессом по обвинению в колдовстве сама суть феномена подталкивает к перспективе рассмотрения этого вопроса с позиции формальной фиксации. Судебный процесс в Салеме, произошедший в 1692 году в Массачусетсе (Североамериканские Колонии), был выбран нами в связи с его позднейшим характером и исключительной документированностью. Более того, протоколы этого судебного допроса были полностью изданы [10].

Одновременно с этим, важным моментом становится то, что образ именно салемской ведьмы стал значимым элементом американской хоррор-культуры. Так, большинство случаев обращения к этому образу так или иначе сводится к ведьмам Салема. Таким образом, здесь можно говорить о своеобразном исследовании множественного образа – в случае с ведьмами Салема мы можем рассматривать как собственно страх перед колдовским воздействием (и

человеком, который способен его инициировать), так и образ самого колдовского воздействия. И вследствие этого появляется феномен судебного преследования человека, который признается носителем обоих образов – то есть, ведьмы. Отталкиваясь от этого, нами было поставлено два вопроса: кто мог рассматриваться как ведьма, и что могло рассматриваться как ведовское воздействие («о том» можно опустить).

Решение обратиться для рассмотрения этих вопросов к юридическим документам было продиктовано гипотезой о том, что формальный характер юридических документов дает возможность обратиться к своего рода «объективной» фиксации вопроса. Известно, что судебное следствие четко определяет спектр формально исследуемых вопросов, которыми являются: событие, признаваемое преступлением, личность обвиняемого и степень его вины и обстоятельства совершения преступления. Отталкиваясь от этого, нами было выдвинуто предположение, о том, что обращение к судебным протоколам Салемского процесса дает возможность рассмотреть близкий набор факторов – и тем самым реконструировать образ ведьмы и ведовского действия.

Рассмотрев представленные в источнике «The Salem Witchcraft Papers Verbatim Transcriptions of the Court Records In three volumes» [10] материалы следственных действий, лежащих в основе Салемского процесса, мы пришли к целому ряду выводов. Так, как было продемонстрировано нами в статье «Образ ведьмы в документах судебного процесса в Салеме» [9], реконструировать образ ведьмы в данном случае невозможно. Это связано не с характером выбранного нами источника, а с предоставленными в нем формальными данными: их рассмотрение показало, что судебному преследованию подвергались практически случайные люди, и единственным поводом для преследования было прямое свидетельство в их адрес о том, что они практикуют ведовство. Фактически здесь можно говорить о приписывании произвольным людям заведомо сформированного образа, к которому в дальнейшем достраивались определенные характеристики.

Этот вывод становится значимым для характеристики феномена судебных преследований ведьм вообще, так как подчеркивает их значение как своеобразной социальной аномалии. Ключевую роль в выявлении этого имеет именно формальный характер источников, так как в них мы можем видеть достаточно подробную характеристику статусов и социальных ролей обвиняемых. Среди них мы можем видеть как людей с достаточно маргинальным статусом (рабыню или нищенку), так и уважаемых членов городской общины и даже священнослужителя. Реконструкция образа ведьмы в данном случае становится невозможной, так как обвиняемые обладают не только разным социальным статусом, но и вообще лишены каких-либо объективных объединяющих факторов. Более того, судебные протоколы показывают, что общественная реакция на выдвижение обвинений в адрес отдельных персон была совершенно различной, и некоторые эпизоды обвинения приводили к созданию петиций в поддержку обвиняемых [8]. Этот правовой курьез с нашей точки зрения говорит о том, что сам образ ведьмы не только не фиксируется документально – он отсутствует в общественном сознании.

Роль юридических документов в исследовании вопроса о том, какие действия приписывались обвиняемым в колдовстве в рамках этого судебного процесса, можно охарактеризовать как исключительную. Это связано с особенностями самого юридического документа, так как в случае обвинения в колдовстве его задачей становится фиксация состава преступления. Как было показано нами в статье «Обвинительный дискурс Салемского ведовского процесса: опыт имагологического анализа» [8], основными действиями, свойственными образу ведьмы, являются: явление в качестве призрака, сговор с дьяволом, порча (то есть, злонамеренные действия, приводящие к вреду здоровью) и связь с демоническим существом. То есть, отталкиваясь от указанного выше, мы можем сказать, что в образно-символическом плане ведьма – это человек, который практикует указанные выше действия.

Получение этого образа действий было осуществлено путем применения метода контент-анализа к выборке судебных протоколов.

Подводя итог нашему опыту собственно исторического исследования, мы можем сказать, что именно имагологическая методология позволила нам выделить критически важную особенность феномена ведовства: мы можем говорить о наборе характерных действий, мы можем видеть человека, которому приписывается этот набор действий – и в итоге этот человек приобретает образ ведьмы путем своего рода рецепции качеств.

Здесь мы можем обратиться к еще одному моменту, связанному в большей степени с психологией. Признавая факт наличия судебных преследований ведьм в Салеме и признавая факт того, что ключевую роль в этом преследовании имел именно образ ведьмы и вера в его реальность, а также имея факт признания инициаторов этого процесса в его изначально фиктивном характере [8], мы можем поставить вопрос о том, что стало причиной такого рода действий.

Интерес к феномену колдовского воздействия и связанных с ним явлений проявлял еще нейрофизиолог В.М. Бехтерев, который обращался к этим вопросам в том числе в работе «Внушение и его роль в общественной жизни» [1]. Современная психопатология выделяет, в том числе, такое состояние как индуцированное бредовое расстройство (код по МКБ-10 F24). Клинические критерии этого расстройства включают, в том числе, наличие выраженного бредового образа, который вызывает выраженную эмоциональную реакцию [2]. Приведенные нами выводы, основанные на исследовании судебной документации Салемского процесса, в целом совпадают с диагностическими критериями этого расстройства, так как в данном случае мы можем видеть ряд образов, вызывающих резкую эмоциональную реакцию (страх колдовского воздействия), можем видеть реакцию на эти образы (судебное разбирательство) – и можем видеть собственно «ведьму», которая становится своего рода «носителем» этих образов. Что дает нам возможность предложить трактовку процесса в Салеме как эпизода подобного психиатрического феномена. Такая

трактовка на основании предоставленных нами выше данных становится непротиворечивой – и эти выводы были бы невозможны без использования методов исторической имагологии.

В свою очередь, такие выводы позволяют нам не только по-новому рассмотреть собственно Салемский процесс, но и предложить новую оптику для трактовки ведовских процессов как явления вообще. В рамках этого подхода можно предложить рассмотрение ведовских процессов как эпизодов психопатологических явлений, что, с одной стороны, является определенным новшеством для исторической науки – и вместе с этим выстраивает новые метапредметные связи, ставя вопрос о возможности расширения исторических методов за счет рассмотрения не только образа, но и психологической реакции на этот образ. Мы считаем существенными дальнейшие исследования в этом направлении.

В заключение, мы хотели бы, отталкиваясь от нашего опыта, обобщить вопрос о том, какую роль в историческом исследовании может сыграть применение имагологического метода при рассмотрении юридических документов. Мы можем видеть, что юридические документы являются в определенной степени объективным источником, так как в силу своего происхождения призваны акцентировать целый ряд именно объективных данных. Одновременно с этим, юридические документы обладают определенной прямолинейностью, не предусматривают личностной трактовки описываемых событий и явлений, или вписывают ее в контекст, согласно принципам рассмотрения показаний в ходе судебного процесса. Вместе с этим, можно говорить о достаточно высокой степени достоверности судебных документов, так как они создаются в рамках обусловленного государством формального процесса. Этот комплекс характеристик при применении к ним определенных методик анализа позволяет историку выделить достаточно точно образный ряд и характер отношения к нему в рамках исследуемого процесса.

Вместе с этим, необходимо отметить, что юридические документы в историческом исследовании невозможно рассматривать в отрыве от условий

среды, в которой они созданы. Имагологическая оптика исследования юридических документов требует отдельного внимания к исторической среде их сознания, особенностям государства, формирующего конкретное правовое поле, и связанным с этим деталям правотворчества и правоприменения. Впрочем, мы можем вспомнить, что глубокое рассмотрение контекста в принципе является необходимым условием любых исторических исследований, в связи с чем указанная нами специфика ни в коем случае не может считаться негативной чертой применения юридических документов в исследованиях в области исторической имагологии.

Мы можем предположить, что применение описанных нами методов может быть достаточно широким, так как формальные юридические документы являются важной составляющей архивных комплексов, и анализ присутствующей в них образности может позволить существенно обогатить методы исторической науки и разнообразие трактовок исторических событий и явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб: Издание К.Л.Риккера, 1908. [Электронный ресурс] URL: <http://psylib.org.ua/books/behtv01/index.htm> (дата обращения 23.03.2021)
2. Жмуров В.А. Общая психопатология. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1986. – 280 с.
3. Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах. – М.: КРАСАНД, 2011. – 232 с.
4. Орлов А.А. "Теперь вижу англичан вблизи...": Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. – М.: Гиперборея, Кучково поле. 2008. – 368 с.
5. Поршнева О. С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4-5 декабря 2014 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: [УрФУ], 2014. – Т. 1. – С. 126-129. [Электронный ресурс] URL: <http://hdl.handle.net/10995/30315> (Дата обращения: 23.03.2021).
6. Самелик Ю.Л., Никитина О.А. Образ оккультиста и эзотерика во Франции и России на рубеже XIX и XX вв.: опыт реконструкции по материалам личного происхождения (эго-документам) // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 47-60. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35088 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35088 (Дата обращения: 23.03.2021).
7. Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. – М.: Гос. Публ. Ист. Б-ка России. 2015 – 398 с.

8. ван Хааске Л.А. Обвинительный дискурс Салемского ведовского процесса: опыт имагологического анализа // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 34-46. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35055 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35055 (дата обращения: 23.03.2021).

9. ван Хааске Л.А. Образ ведьмы в документах судебного процесса в Салеме // Этническая культура. – 2021. – № 1. [Электронный ресурс] URL: https://journalec.com/ru/article/97978/discussion_platform (дата обращения: 23.03.2021).

10. The Salem Witchcraft Papers Verbatim Transcriptions of the Court Records In three volumes. / Edit. Paul Boyer and Stephen Nissenbaum. Da Capo Press: New York, 1977 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/category/swp.html> (дата обращения: 23.03.2021).

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПАРАДИГМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Васильева О.Б., Погодина О.А.

Аннотация: в статье рассматриваются эволюция концепции модернизации, новые научные подходы к изучаемой проблеме, природные и социокультурные детерминанты «органической» модернизации, которая в определенной степени является образцом для подражания. Рассматривается новая концепция множества модернизаций и ее оптимальный вариант национальной модели модернизации.

Ключевые слова: модернизация; вестернизация; неомодернизация; глобализация; модели развития; национальная модель; адаптация; социокультурные основания.

Анализ политических процессов в обществах, меняющих свой тип исторического развития, неизбежно порождает поиск методологии исследования политических трансформаций. В политической науке нет единого мнения, по поводу основных факторов и компонентов политического развития, количества и содержания его различных вариантов. Имеющиеся в настоящее время попытки создания обобщающих моделей и схем политического процесса не отвечают критериям универсальности, а представители разных подходов рассматривают лишь отдельные аспекты политического развития.

Первоначально политические изменения рассматривались в рамках компаративной политологии, затем происходит смена парадигм и выделяется теория политической модернизации. Еще недавно казалось, что теория модернизации исчерпала себя в силу содержательной наполненности основных теоретических концепций. Это активно проявилось в период волны глобализации, которая во многом свидетельствовала о торжестве

вестернизации, предполагающей включение практически всех государств, в той или иной степени, в единое мировое пространство, инициируемое Западом и структурированное в соответствии с западной цивилизационной традицией.

В 2018 году Американская ассоциация политических исследований провела симпозиум на тему «Выживет ли теория модернизации?» в котором приняли участие ведущие специалисты. Мнения разделились на тех, кто активно развивает и поддерживает теорию модернизации (К. Вельцель и др.) и на тех, кто считает, что ее время прошло (Д. Асемоглу, Д. Робинсон и др.)

Последующие драматические процессы, особенно в период пандемии, наглядно продемонстрировали то, что сложившаяся в мире ситуация ставит под угрозу базовые демократические принципы, которые всегда были присущи западным обществам, при этом, авторитарные режимы показали наибольшую эффективность в борьбе с коронавирусом. Китай, где началась пандемия, крайне жестко боролся с болезнью и достаточно быстро преодолел кризис. Подобное продемонстрировали и другие восточные государства.

Поэтому политическая наука в очередной раз обращается к классической теории, к ее эволюционным возможностям для определения перспектив развития обществ в современных условиях, для определения эффективных институтов, способных поддерживать процесс управления.

По мнению профессора Калифорнийского университета Р.Х.Чилкота, возникновение интереса к политическому развитию связано с появлением во второй половине XX века множества новых государств «третьего мира». Это привело к оформлению и выделению шести основных общих тем, характеризующих теории развития и отсталости: политического развития, развития и национализма, модернизации, экономической отсталости, зависимости и империализма. [14]

Известный американский социолог, социальный философ Джеффри Александер выделил четыре основных этапа в развитии послевоенных социально-политических теорий, смену которых он тесно связал с изменением социального контекста.

Первый этап – господство модернизационных теорий – это 50-60 годы – в данный период происходит процесс деколонизации, т.е. утверждение способности освободившихся народов самостоятельно осуществлять модернизацию по западному образцу. Модернизационные теории данного периода предполагали, что есть общий путь для всего человечества, на который не все общества вступают одновременно.

На втором этапе растет убеждение в возможности социалистической альтернативы модернизации, в особенном пути социалистических стран. Модернизационные теории решительно отбрасываются в пользу социализма. Это во многом было связано с реализацией СССР незападного и способного конкурировать с западным пути. Этому способствовала либерализация политического режима в годы застоя в СССР, реальное противостояние Советского государства Западу в сфере обороны, космоса, ядерной области, в фундаментальных науках и т.д. Это было достаточно притягательно для стран «третьего» мира, не преуспевших в капиталистической модернизации после деколонизации – традиционные культуры были в большей степени разрушены, чем приобретены новые основы современных обществ. Также значительным фактором «социализации» мира явился подъем социал-демократии на Западе и, прежде всего, успехи построения «шведского социализма».

Третий этап связан с относительным неуспехом на социалистическом пути, как и на пути модернизации, хотя социализм тоже есть модернизация, так как осуществлялся переход особым образом к современному обществу, в изоляции, часто с применением насильственных мер. Это породило волну антимодернизационных настроений, основным содержанием которой были критика всех предшествующих теорий и сосредоточение исследовательского внимания на возможности развития на основе традиций, т.е. постмодернизацию, которая в основном опиралась на успешный опыт развития стран Юго-Восточной Азии. В постмодернизационных теориях присутствует преобладание локального над универсальным, возможность множества путей развития вкупе с идеей глобализма.

Четвертый этап - неомодернизм. Элиты многих посткоммунистических государств, особенно тех, кому присущ этноцентризм, обратились к построению собственных постмодернизационных теорий. Другие поставили перед собой задачу нового витка модернизации – неомодернизма, что представляет собой догоняющую модель модернизации и является одновременно опаздывающей, не способной догнать Запад, т.е. в данном аспекте опять фигурирует единственный общечеловеческий путь развития в западном варианте.

Отечественный исследователь В.Г.Федотова, соглашаясь с вышеизложенным, добавляет от себя еще два этапа: пятый – теории неомодернизации на этнооснове – очередная попытка соединить постмодернизационные и неомодернизационные подходы, универсальное и локальное, поиск единства в многообразии, и, шестой, – евразийство.

Теория модернизации начала формироваться в политической науке в 50-60 гг. XX в. Проблематика социокультурной специфики тогда выпадала из поля зрения, и в концепциях развития возобладала идея универсальности западной цивилизации. Сама модернизация представлялась как процесс развития в направлении от традиционного общества к современному. Большинство авторов теории модернизации 50-60х гг. исходили из идеи технологического детерминизма.

Стоит заметить, что в данных теориях, которые часто именуется как вестернизаторские, очень часто, на первый план выходит критика основных характеристик традиционного общества, что еще более укрепляет веру в правильность универсального капиталистического пути развития. За традиционными институтами и ценностями признается лишь очень низкая способность к динамике и адаптации, а их позитивный смысл (обеспечение социокультурной интеграции) практически совершенно сбрасывается со счетов.

Политическая модернизация на первом этапе развития теории сводилась к следующему: демократизация развивающихся стран по западному образцу, изменение системы ценностей (развитие индивидуальных ценностей) и

способов легитимации власти (традиционные способы должны вытесняться современными).

Однако в 60-70е годы XX в. многочисленные трудности, срывы модернизации и застойные явления в большинстве стран заставили исследователей пересмотреть прежние универсальные модели и обратиться к сравнительному изучению процессов развития. Эти события вызвали волну критики, что привело к предположению, что современное общество - это идеал, а традиционное – противоречивая реальность. Кроме того, неверно само представление о традиционных обществах как статичных и неподвижных. Эти общества развиваются, и насильственные модернизационные акции могут прийти в конфликт с этим органичным развитием.

Можно отметить, что на втором этапе развития теории модернизации ее переосмысление шло по двум основным направлениям: по пути критики самой идеи модернизации и по пути преодоления внутренней ограниченности собственно модернизаторских концепций. Основные положения, по которым теория модернизации подвергается критике, начиная с периода конца 60-х и в 70-х годах, следующие:

– попытки модернизировать общество чаще всего не приводят к обещанным результатам: нищету в отсталых странах преодолеть не удалось, более того, ее масштабы даже увеличиваются, не исчезают, а широко распространяются авторитарные и диктаторские режимы, войны и гражданские волнения становятся обычным явлением, возникают новые формы религиозного фундаментализма, национализма, сепаратизма;

– наблюдаются многочисленные негативные побочные эффекты модернизации: уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов нередко влекло за собой социальную дезорганизацию, хаос и аномию, растут масштабы девиантного поведения и преступности, разбалансированность в экономике ведет к неэффективным расходам, чрезмерным, пустым тратам в ущерб общественным интересам;

– признается неприемлемость теоретических обоснований идеи модернизации, подчеркивается возможность многолинейного развития;

– признается ошибочность прямого противопоставления традиции и современности, обосновываются преимущества традиционализма в некоторых областях;

– поставлены под сомнение строгая последовательность стадий модернизации, этноцентристская, ориентированная на Запад, концепция целей модернизации.

Вследствие данной критики теория модернизации была отвергнута, по крайней мере, на определенное время, так как исторический опыт, показывает, что модернизация - это не только прогресс, но и проблематичное, рискованное предприятие, содержащее различные общественные противоречия, опасности и ловушки. Наиболее типичными из них являются анклавность современного сектора в обществе, верхушечных черт модернизации; раскол между модернизирующими и традиционалистски настроенными слоями; диспропорции между городом и деревней; отрыв реформаторской политической элиты от масс и т.п. [8]

Поэтому очевидно, что процессы модернизации незападных обществ на протяжении всего XX века проходили через преодоление противоречий, кризисных состояний и возвратных процессов. Эти процессы привели к переосмыслению ранних незрелых теорий модернизации, основанных на представлении об универсальности пути развития разных обществ.

Главные положения критики имитаторских моделей состояли в следующем:

– отсутствие адекватного понимания специфики различных обществ, характера сложившихся в обществе духовных ценностей;

– недооценка значения поддержания стабильности и единства общества как важнейшего условия развития, т.к. прямолинейная имитаторская политика модернизации ведет к дезорганизации, разрушению и хаосу в обществе, социальным потрясениям, срывам и откату от реформ;

– недооценка роли культурного и исторического достояния, которое снимается в пользу утверждения единой линии прогресса, воспроизводящей западные образцы;

– игнорирование тяжелых социальных последствий, вызываемых усилением социального неравенства и ухудшением положения масс;

– игнорирование фактор поддержания стабильности и единства, консолидации общества на общей социокультурной основе.

Многие представители теории модернизации этого времени основное внимание сосредоточили на проблеме «стабильности» политического развития как предпосылки для социально-экономического прогресса. Исследователи находили различные способы поддержания такой стабильности. Одной из главных причин этого стало выявление значительного разнообразия традиционных обществ по степени того, насколько их традиции задерживали или же облегчали переход к современности. Это потребовало более аналитического подхода к рассмотрению различных элементов традиции. Важное значение имело выявление сложного, системного, подвижного характера традиции и ее исторической многоплановости.

В целом по отношению к выделению факторов стабильности, работы данного этапа развития теории можно условно поделить на два направления: «либеральное» и «консервативное».

Сторонники «либерального» направления (Р.Даль, Г.Алмонд, Л.Пай и др.) под основным содержанием модернизации понимали формирование открытой социальной и политической системы путем интенсификации социальной мобильности и интеграции населения в политическое сообщество. Появление консервативного направления связывают с элитаристско-авторитарной школой, состоящей из двух разновидностей: первая связана с концепцией «диктатуры развития», с призывом пожертвовать демократией ради экономического роста, вторая – с идеей порядка.

Третий этап эволюции теории модернизации связан со второй половиной 80-х годов, когда получает свое развитие концепция политического развития,

основанного на сохранении социокультурных традиций без навязывания чуждых (западных) образцов (А.Абдель-Малек, А.Турен, С.Хантингтон, Ш.Эйзенштадт и др.). В рамках данной концепции не отрицается универсальность общественного и политического развития. Вместе с тем, принцип универсализма сочетается с партикуляризмом, а их органичный синтез рассматривается как залог успеха модернизационного процесса. Модернизация рассматривается как саморазвивающийся процесс, зависящий не только от деятельности политических элит, но и, в первую очередь, от влияния объективных обстоятельств и поведения рядовых членов общества. Были предложены проекты «теории неомодернизации» и «теории постмодернизма».

Крупнейший теоретик модернизации А.Абдель-Малек, рассматривая цивилизационные аспекты модернизации, критиковал западный универсализм, обосновывая эндогенные формы развития стран «третьего мира». Он настаивал на специфике, присущей самым разнообразным обществам и проявляющейся как в ходе их соприкосновения, так и в процессе модернизации.

В этой связи все актуальнее звучит вопрос о совместимости демократии и либерально-плюралистических ценностей, утвердившихся в западном мире, с менталитетом традиционного восточного общества. В развернувшейся по этому поводу полемике в США главным оппонентом идеи универсальной применимости западных ценностей выступал лидер Сингапура Ли Кван Ю, бывший до 1990 года премьер-министром этой страны.

Суть взглядов Ли Кван Ю и его сторонников в том числе и в самих США заключается в том, что успехи Сингапура и других стран азиатско-тихоокеанского региона приписываются разумной этатистской политике, отвергающей принципы «общества вседозволенности», отвергаются как совершенно неприемлемые целый ряд элементов западной системы и связанные с ними побочные явления, излишняя свобода, которая негативно влияет на порядок в обществе, главной целью которого должно быть обеспечение порядка, традиционная семья – основа стабильности общества и т.д.

Подвергая сомнению универсальный характер западных ценностей, все-таки приходилось признать, что существовали и существуют глубокие культурно-цивилизационные различия между Западом и Востоком. Данные различия не обязательно должны вести к их конфронтации, но они определяют те особые, во многом не совпадающие пути, по которым идут Запад и Восток. По мнению Г.И. Мирского, унифицировать мир не удастся, и такие понятия, как «имитационная модель» или «догоняющее развитие» не могут указать перспективу развития человеческих обществ.[8]

Следует отметить, что и сам термин «модернизация» оказался расплывчат, т.к. подразумевал разнообразие множества субъектов исторического действия разного уровня – этнического, национального, государственного или цивилизационного. Но в культурах разных стран много типологически сходного, т.к. они основаны, прежде всего, на противопоставлении Западу. Специфика рождается от отталкивания от этого идеального образа и выделения противостоящего ему типа устройства общества, основанного, прежде всего, на культуре, которой подчинены и остальные сферы жизнедеятельности общества.

Описательные характеристики специфики стали исходным материалом для формирования понятия «самобытности» («идентичности»), сыгравшего большую роль при осознании и формировании принципов самоопределения и модернизации стран незападного мира. Самобытность стала ключевым началом для выявления сущности тех процессов, которые развертывались в ходе модернизации, для оценки их адекватности и перспектив.

В конце XX – начале XXI веков сложился ряд новых видений процесса модернизации:

– прогресс возможен, но не всегда осуществим, он противоречив, в силу неравномерности его осуществления в различных сферах жизнедеятельности общества, из-за неадекватности общественным потребностям темпов прогресса, из-за невозможности равного доступа к благам прогресса;

– изменяется само понятие прогресса, оно теряет свою линейность и стандартную модернизационную трактовку, мера возможностей развития для

каждой страны все более задается ее внутренней способностью к трансформации, а не внешними факторами (вызов Запада, необходимость самозащиты и др.);

– наступил «конец истории», т.е. окончательное принятие либерально-демократической, т.е. западной модели развития;

– история не закончилась, а все началось заново: новые идентификации народов, новые легитимации различных движений, новые притязания общностей, новые границы, новые группировки и т.д. К тому же социализм не умер – остался третий мир – Куба, Северная Корея, Китай;

– в рамках теории постмодернизации – сохранение технологического уровня развития Запада в качестве образца, который каждый достигает собственным путем, цивилизационный облик стран, модернизируемых на этой основе не меняется – не возникают новые цивилизационные сдвиги;

– в настоящий момент нет противостояния между социальными системами и идеологиями, мир снова вступает в фазу национально-государственных интересов, происходит восстановление начавшегося с Великой Французской революции и продолжавшегося до Великой Октябрьской социалистической революции способа организации мирового сообщества, субъектами которого выступают национальные государства;

– вместо классовых теорий вхождения в техногенную цивилизацию появились клановые формы. Исключительную роль в этом играют страны «третьего мира», в том числе и среднеазиатские государства – бывшие республики СССР, во многих из которых активно проявляют себя кланы, выделенные по этническому, региональному, семейному, корпоративному принципам – это во многом способствует сохранению цивилизационных особенностей традиционных обществ, их полуфеодальных структур;

– в противовес тенденции приоритета наиболее развитой части мира над другими народами, постмодернизм выдвинул модель глобализма, предложил некий синтез западных ценностей с традиционными. Это позволит защитить положение маргинальных групп и судьбы «маргинальных» стран, т.е. отсталых

и просто незападных. «Современность есть все» – основной тезис постмодернизма. Эта позиция не устраивает модернизирующиеся страны, так как глобализм все более сосредотачивается не на многообразии мира, а на удовлетворении своего положения в западном мире. Этот путь все более ведет к тому, чтобы отказаться даже от декларации общности судьбы человечества и жить в благополучной части мира – западной;

– будущее – это конфликт цивилизаций. Современные процессы в мире подвержены серьезным изменениям, процесс модернизации погряз в противоречиях, и человечество разочаровалось в модернизации, демонстрируя демодернизацию. Это проявляется, в частности, в отказе от опоры на экономическую эффективность, в пренебрежении к бюрократическим структурам общественного порядка, в неверии в научный рационализм, в настроениях пессимизма, иррациональном поведении. В самом экстремальном аспекте «постмодерн» представляется «неоархизацией» мира – вынесением в современную социальную жизнь образцов и смыслов доиндустриального, общинного времени, что неизбежно ведет к разрыву идентичности, поэтому такие государства как Мексика, Россия, Турция и др. представляют из себя разорванные страны. Данная позиция отражена в концепции «столкновения цивилизаций» американского философа и политолога С.Хантингтона – продвижение системы ценностей модернизации в мире приведет неизбежно к столкновению ее с другими системами ценностей, и XXI век – это время горизонтального столкновения в пространстве планеты различных цивилизаций;

– современные мировые изменения ведут к беспорядку, хаосу, столкновению современной цивилизации не с теми культурами, которые реально существуют, а с проявлениями будущей цивилизации (И.Валлерстайн, А.И.Неклесса и др.);

– неприятие Запада, отторжение его системы ценностей и образа жизни в целом. В качестве основных причин этого можно выделить то, что Запад не проводит принцип плюрализма последовательно – навязывает свою модель, не

признавая ни ее модификаций, ни отступлений от нее; использует двойной стандарт в оценке деятельности своих близких и более далеких партнеров, а тем более своих противников.

Следовательно, при всех разбросах мнений в научном дискурсе, под модернизацией понимается процесс усложнения, структурирования всех сфер жизнедеятельности общества, предполагающий сложное и многоплановое переплетение эндогенных и экзогенных ценностей и институтов, взаимодействие внешних и внутренних источников и предпосылок развития. И итогом многолетнего критического переосмысления понятия «модернизация» является ее современная трактовка как внутренне противоречивого и многопланового процесса, основанного на дифференциации социальных структур, экономических ролей, политических институтов, ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов, дополненных интеграцией общества на основе как традиционных, так и новых синтетических ценностей. Если раньше эффективность модернизации выводилась почти исключительно из экономического роста, то теперь признается важная роль ценностей, культурных кодов и т.д. Признается, что местные традиции могут таить в себе важные модернизационные потенциалы.

Это приводит к противопоставлению модернизации и самобытности, что не позволяет адекватно описать современные реалии незападных обществ из-за чрезмерной критики Запада за отделение этики от экономики, отчуждение технико-экономического развития от жизненных устремлений широких масс населения, за индивидуализм и гипертрофированную конкуренцию, разъединяющую людей. Особенность концепций самобытности любого уровня состоит в том, что они рассматривают развитие сквозь призму стабильности и интеграции общественного организма, поддержания его целостности в условиях усложнения экономической и социально-культурной жизни.

Закономерным итогом дискуссий, развернувшихся вокруг проблем модернизации и самобытности, стало формирование теорий структурной модернизации, подразумевающей развитие на основе единства

дифференциации и интеграции, собственно модернизационных процессов и поддержание самобытности общества (Ш.Эйзенштадт и др.). Структурная модернизация не противопоставляет традиционность и современность, а распределяет их по уровням и нишам социальной жизни. Признается необходимость перехода к современности, но при этом сохраняя предел самобытности.

Изменения социально-политической ситуации в мире, связанные, в первую очередь, с падением тоталитарных и авторитарных режимов, послужили возникновению новых концепций: «контрмодернизации» – фактически означающей альтернативный вариант модернизации по незападному образцу («околомодернизация») и «антимодернизации», означающей открытое противодействие модернизации, субъектами которой являются не столько народные массы, сколько политические и интеллектуальные элиты.

На рубеже XX и XXI вв. теория модернизации все чаще уступает свое ведущее место новой парадигме – неолиберализму, которая выступает за ограничение регулирующей роли государства в экономической, социальной жизни, за всемерное развитие частного предпринимательства и свободы рынков, а в политической сфере за демократические свободы и права личности, разнообразные формы самоуправления. В отличие от теории модернизации центральный тезис современного неолиберализма – «демократия - это необходимое предварительное или параллельное условие развития, а не его итог».

Модернизация – источник формирующейся теории постмодернизации, которая ориентирована на пересмотр фундаментальных теоретических представлений о человеке как продукте социальной среды и принятых в ней культурных моделей поведения, на признание плюрализма культурных миров и преодоление всех форм локального культуроцентризма.

Как известно, постмодернизм обновлял модернизм, поскольку, как отмечал Ю.Хабермас, был вызван не только разочарованием в Западе тех, кто его не догнал, но и разочарованием Запада в себе самом.

Поэтому, сегодня уже для всех очевидно, что западная модель развития – не единственный образец, которому нужно подражать, унифицированный процесс модернизации заменяется более разнообразным, многоликим процессом. Хотя исследователи уже давно дискутируют по поводу так называемой «органичной» модернизации Запада. Она произошла естественно, закономерно, без предзаданной цели. *Процесс ускоренного развития Запада уникален, он приходится на период Нового времени. Развитие по-новому происходит под влиянием таких факторов как Возрождение, Реформация, буржуазные революции и Просвещение.* Многие считают, что это просто эволюционное развитие в достаточно благоприятных природно-климатических условиях, порождающих соответствующие социокультурные факторы.

Влияние теплого воздуха с Атлантики обеспечивало теплый, мягкий климат, плодородные земли. В таких условиях формируется классическая земледельческая культура, в рамках которой постоянно востребованы различные материальные компоненты. Именно классическая земледельческая культура в значительной степени способствует экономическому развитию, поскольку от земледелия достаточно быстро отделяется ремесло и торговля, которые способствуют развитию сервиса промышленности и формированию городской среды. Человек в контексте классической земледельческой культуры постоянно занят активной предметно-манипулятивной деятельностью, поэтому он развит и физически и психически и в определенной степени интеллектуально. У такого человека хорошая мотивация: он видит конкретный, материальный результат своего труда и он осознает, что от его активности будет зависеть реально возможное увеличение его благосостояния, что также порождает режим экономии. Поэтому такой тип личности обозначают, как тип личности «А», то есть деятельная личность.

Благоприятное соотношение продуктивных и непродуктивных месяцев в году, равномерное распределение осадков в году порождают благоприятный, равномерный режим чередования трудовой активности и относительной пассивности (отдыха, восстановительного периода). Равномерное

распределение природных (почвенных) ресурсов по территории, их относительное богатство способствуют возможности обособленного существования и невостребованности совместных форм жизнедеятельности. Это основа индивидуализма западного человека, что предполагает значительную степень личной и экономической свободы. Такая свобода – уникальное явление, не имеющее цивилизационных аналогов.

Относительно небольшой размер территории и отсутствие за пределами неосвоенных земель при расширенном воспроизводстве населения, достаточно быстро порождает ситуацию земельного кризиса, который в Европе разрешался по двум направлениям:

– внешнее – его реализовывали «верхи», что выражается в поиске новых источников ресурсов и достижений культуры в незападной среде (данном направлении мы рассмотрим в рамках анализа следующего фактора);

– внутреннее – его реализовывали «низы» - рациональное использование и совершенствование того, что имелось.

То есть, при невозможности развиваться вширь, начинается развитие вглубь: на микроуровне, среди рядовых членов общества начинается постепенный процесс интенсификации, то есть совершенствования и рационального использования того, что имелось [1]. Причем, все достижения носили массовый характер и были доступны для использования за эквивалентный обмен. Данный фактор способствует формированию нацеленности человека на постоянное преобразование окружающего мира, на саморазвитие и постоянное совершенствование ради экономического интереса.

Безусловно, важную роль в интенсивном экономическом развитии Запада сыграло и отсутствие тенденции накопительства, запрет на который еще в рамках традиционной католической культуры способствует появлению дополнительного канала финансового развития и способствует формированию тенденции индивидуализма. Однако привычка, что все ресурсы должны работать, сохраняется и преумножается и в протестантской среде.

Второе направление разрешение ситуации земельного кризиса в Европе – внешнее – его реализовывали «верхи» – это поиск и привлечение дополнительных источников ресурсов и достижениях культуры из незападной среды, что находит выражение в крестовых походах и создании мировой колониальной системы.

Важным фактором развития Запада является раннее оформление и сохранение традиции частной собственности. В Европе изначально начинает происходить интенсивный процесс трансформации родоплеменных общин в организации мелких земельных собственников, рано оформляются уникальные отношения пожизненной и наследственной аренды земли, рано упрочняется индивидуальное крестьянское хозяйство и земля становится объектом купли-продажи. Уникальные отношения вассалитета создают правовую систему, при которой господствующий класс получал юридические гарантии своих прав и привилегий, которые впоследствии распространялись и на третье сословие, что повлекло за собой уничтожение всех видов личной зависимости.

В результате вышеобозначенных процессов, на Западе постепенно складывается ситуация подчинения всех сфер жизнедеятельности общества экономической. Политика вторична, обслуживает интересы экономики. На основе развития шло формирование государства, которому не были свойственны хозяйственные функции. Упраздняются сословия и сословные привилегии, ограничиваются и в дальнейшем упраздняются монархии, значительная часть Европы в результате реформации становится протестантской. Поэтому, пресловутый рационализм начинает проникать во все социальные явления. Вся деятельность европейцев начинает осуществляться и реализовываться с позиции ее целесообразности. Поэтому протестантизм порождает особую этику – протестантскую этику, то есть особую систему норм, правил и ценностей, базирующуюся на индивидуализме и рациональности [2].

К сожалению, наша реальность такова, что экономического успеха можно достичь только тогда, когда приносишь в жертву те ценности, которые всегда

были актуальны в незападной среде: сочувствие, сопереживание, помощь, поддержка, искренность, отзывчивость, бескорыстие, дружба, доверие и т.д. Поэтому, та Европа, которая не прошла процесс реформации (другая Европа, вторая Европа) – восточная, юго-восточная, южная – католическая и православная, в XX веке пережила болезненные состояния диктатуры (Италия, Испания, Португалия, Греция, Румыния, Польша и т.д.). А диктатура, как известно, это практически всегда реакция на экономическую отсталость. По идее, это страны «второго эшелона развития», к которым относятся многие западные общества, которые демонстрируют догоняющий тип развития, это модернизация основанная на мобилизации.

По мнению С. Хантингтона, возможны несколько вариантов модернизации: вестернизация без модернизации, что предполагает разрушение собственных культурных традиций; модернизация без вестернизации (постмодернизация), что предполагает сохранение своей идентичности, догоняющее развитие (равное сочетание вестернизации и идентичности) и национальная модель, которая возникает на некотором уровне уже достигнутой вестернизации.

Поскольку тенденции глобализации способствовали тому, что западная среда ангажировала различными способами и в определенной степени в свой контекст подавляющее большинство государств земного шара, последний вариант многими исследователям видится как наиболее возможный и эффективный на современном этапе. По мнению С. Хантингтона, после прохождения какого-либо уровня вестернизации, далее следует переход к локальной (или национальной) модели модернизации, то есть к тому типу развития, который определяется национальными особенностями. Это должно привести к многообразию новых типов модернизации. Ш.Эйзенштадт также настаивал на том, что каждое общество должно для себя определить свой собственный тип модернизации, что будет способствовать появлению множества «модернизмов», складывающихся на локальном уровне. То есть,

модернизация из глобального процесса превращается в локальные способы развития [6].

Примером национальной модели модернизации можно считать китайское развитие. *Методология китайских реформ – постепенность и учет национальных условий, что во многом определялось важностью конфуцианских установок для экономического развития в условиях особой моральной атмосферы. Китайское общество перешло к современности, полагаясь на цивилизационную и политическую защиту традиций. Они обратились к вестернизации в основном в сфере технологий в условиях нового разделения труда между западным «обществом знания» и азиатским индустриальным обществом, не давая дорогу рекультуризации своей страны, хотя частично она происходит. Ныне, сполна использовав «глобальное» в своих интересах, они обратились к своим локальным нуждам, и сполна реализуют идею способности конкурировать с Западом, а не догонять его. Во многом это стало возможным благодаря осознанию непреодолимости своей социокультурной специфики [7].*

Подобные тенденции можно наблюдать в государствах, которые называют странами НИС, «молодыми драконами» и первой и второй волны, и ранее в Японии. Все они прошли через то, что приверженность масштабной вестернизации позволила им перестроить экономическую систему согласно тем образцам, которые они считали более передовыми». Однако азиатские страны нуждались в адаптации этих инноваций к собственной культуре. И не продолжающаяся вестернизация, а синтез ее результатов с местными условиями оказался достаточно продуктивным.

Таким образом, наиболее востребованная модель модернизации на современном этапе, как показала практика, – это национальная модель модернизации, которая предполагает множество уникальных модернизмов. В свою очередь, они должны обязательно включать в свои модернизационные проекты – не только экономический рост, но и многих других параметров, имеющих не экономическое, а социальное, гуманитарное, экологическое и этическое содержание.

В целом, можно сделать следующий вывод: в настоящее время нельзя игнорировать теорию модернизации, так как ее картина становится более оптимистичной. Не стоит ее ставить в центр внимания при изучении социальных процессов, так как в последние десятилетия появились и другие теоретические концепции, поэтому необходимо продумать новую концепцию теории модернизации на основе наиболее успешной и постоянно меняющейся реальности.

Таким образом, современный взгляд на различные аспекты теории политической модернизации позволяет выделить как бесспорные, подтвержденные жизнью, самой практикой ее черты, так и выявить спорные, неподтвержденные практикой ее особенности и сделать определенные выводы по поводу развития того или иного модернизируемого общества

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева О.Б., Погодина О.А. К вопросу о природных и социокультурных детерминантах процесса общения в контексте основных цивилизационных моделей. *Человеческий капитал*. – 2019. – №4 (124). – С.103-116.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: пер. с нем. Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002. – 352 с.
3. Володин А.Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы// *Политическая наука в России*, 2003, – № 2. – С.8-29.
4. Лапкин В.В. Дилеммы и казусы модернизации в начале XXI век//*Модернизация. Авторитаризм и демократия*. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 54.
5. Мясинников С.П. Специфика западного типа мировоззрения общества как препятствие для глобальной экологизации// *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2015. – №7 (182). – С.30-36.
6. *Образы России в XXI веке: Модернизация и глобализация*. – М.: ИФРАН, 2002.
7. Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии// *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 236-250.
8. Уфимцев В.В. Теории политической модернизации. www.nauka.ru/blogs/article91255.html
9. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М., 2003. – С. 291.
10. Федотова В.Г. Культура в исторически меняющихся моделях модернизации.// *Философия и современность*, 2016, – № 4. – С.31-44.
11. Федотова В.Г. Модернизация: переосмысливая теорию и практику// *Социологический ежегодник*, 2010. www.intelros.ru
12. Федотова В.Г. Социокультурные образы модернизации конца XX – начала XXI века: Россия и мир // *Философия и современность*, 2018, – № 2. – С.59-73.
13. Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Пер с англ. – М.. 2001.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ В ГЕРМАНИИ

Горобий А.В.

Аннотация: В статье предпринимается попытка проанализировать междисциплинарное развитие истории понятий в Германии, начиная с 1960-х гг., в первую очередь – критику концепции Р. Козеллека со стороны ученых-лингвистов и попытки уточнения категориального и методического аппарата истории понятий. Влияние лингвистики на историю понятий проявилось в сближении последней с историей дискурса и теорией аргументации, в изучении риторических фигур и акцентировании ономазиологического аспекта словоупотребления.

Ключевые слова: история понятия; слова; семантика; Германия; Козеллек; лингвистика; дискурс; аргументация.

История понятий возникла в ФРГ в 1960-х гг. в лоне философии и исторической науки: в 1967 г. историк Райнхарт Козеллек, один из главных теоретиков данного направления, опубликовал программу истории понятий [14] и в 1972 г. началось издание словаря «Основные исторические понятия» [1, 8]. Однако уже исходное положение программы Козеллека – стремление прояснить (и диахронно проследить) семантику используемых историками понятий – означало имплицитную междисциплинарность истории понятий и ее вторжение в область лингвистических исследований, ведь понятия – это, прежде всего, лингвистическая категория.

Первые отклики на программу Козеллека появились вскоре после выхода первого тома словаря: в журнале «Архив истории понятий» ученик и коллега Козеллека Хайнер Шульц попытался уточнить концепцию истории понятий [19]. Он сделал акцент на категории «многозначность» как на основном критерии различения слов и понятий: понятия более многозначны, чем слова. Однако проблема состоит в том, что лингвистика не предлагает надежных средств для описания многозначности. В связи с этим Шульц обращается к концепции *исторических генерализаций* Льюиса Готтшалька и, исходя из нее, определяет исторические понятия как «генерализации определенной ступени на основе большого числа исторических фактов» [19, с. 225]. Тем самым он избегает онтологизации понятий и представляет их в качестве эмпирических конструкторов, эволюционирующих и модифицируемых, предназначенных для

интерпретации случайных фактов. В этом свете история понятий – это история изменения соотношения *слов* и внеязыковых *предметов* (реалий). Шульц в статье 1973 г. впервые предложил свою известную схему четырех вариантов соотношения слова и предмета:

	1.	2.	3.	4.	
Слово	+	+	–	–	остается + = неизменным
Предмет	+	–	+	–	– = изменяется

Рисунок 1. Соотношение слов и исторических предметов: 1) понятие и предмет остаются идентичными; 2) понятие остается идентичным, а предмет изменяется; 3) понятие изменяется, а предмет остается идентичным; 4) понятие и предмет изменяются в разных направлениях, их связь друг с другом ослабляется или прерывается [19, с. 227].

В том же выпуске «Архива истории понятий» была опубликована статья другого ученика Козеллека, швейцарского историка Йорга Фиша, который предпринял попытку логически развить теорию истории понятий [7]. По его мнению, *предмет* мышления – это «*предпонятие*» (Vorbegriff), которое становится *понятием*, когда получает единое и обобщающее языковое обозначение в виде того или иного *слова*, которое, будучи прикрепленным к определенному предмету мышления становится *термином* [7, с. 98-99].

Собственно история каждого понятия – это история некоторого «*постоянного субстрата*», который остается неизменным при всех семантических изменениях понятия. Фиш проектирует расширение истории простых понятий за счет рассмотрения составных понятий, включающих в себя *общее* (Allgemein-) и *уточняющее* понятие (Ausschnittsbegriff). Например, составное понятие «философия истории» включает в себя все значения общего понятия «философия» и только некоторые значения уточняющего понятия «история» [7, с. 102, 118].

В 1979 г. вышел сборник статей «Историческая семантика и история понятий», открывавший собой серию «Язык и история» под редакцией Райнхарта Козеллека и Карлхайнца Штирле, что было связано с организацией

при Центре междисциплинарных исследований в Билефельде в 1977 г. исследовательской группы по вопросам взаимосвязи лингвистики и истории. Следовательно, данный сборник должен был задать междисциплинарный вектор истории понятий, а именно дать отчет ее двуликой природе, обращенной и к историко-предметной области (в русле социальной истории), и к языку (в русле исторической семантики).

В одной из статей данного сборника Рольф Хорстманн в поиске *критериев* «основных понятий» вынужден отвергнуть формально-семантический подход к понятиям как языковым знакам в их отношении к обозначаемым предметам (т.к. этот подход требует признать «основные понятия» либо особым классом знаков, либо особым классом объектов). Функциональные критерии «основных понятий» также найти не удастся, т.к. модель Канта, согласно которой определенные понятия (категории) трансцендентально конституируют опыт, подразумевает, что «основные понятия» должны либо по-особому упорядочивать опыт, либо должны иметь особый «упорядочивающий потенциал» (т.е., в сущности, особый экстенционал, объем), что в обоих случаях неверно [11, с. 41]. Хорстманн предлагает *прагматические* критерии, связанные с исследовательскими интересами и целями: «основные понятия» предстают *конвенциональными* элементами – знаками в рамках той или иной теории. Подобным образом «основные понятия» уже используются в естественных науках, математике, экономике [11, с. 42].

В сборнике 1979 г. Хайнер Шульц обобщенно сформулировал *предмет* истории понятий: это слова, синхронная и диахронная интерпретация которых показывает, что наряду с дескриптивными и интерпретативными функциями, присущими обычным словам, они имеют особую функцию, а именно, в качестве «ведущих понятий исторического развития» выявляют структуры и широкие взаимосвязи событий, поскольку они есть «концентраты многих семантических компонентов» [18, с. 44].

Наиболее серьезную критику теории истории понятий предложил Гебхард Руш. Он указывал, что положения теории истории понятий Козеллека «не

удовлетворяют метатеоретическим требованиям к научной теории, в особенности требованию о дефинициях, а поэтому метод истории понятий пока не может дать надежных результатов, которые могли бы использоваться социальными науками и языкознанием» [18, с. 53]. В русле теории понятий Готлоба Фреге методическими требованиями к понятиям являются: intersубъективная проверяемость, воспроизводимость, контролируемость, однозначность, универсальность, нетривиальность, конечность, последовательность. Руш полагает, что «основные понятия» – это, в сущности, понятия, которые воспринимаются издателями лексиконов как основные и, в связи с этим, изучаются историками как основные.

Шульц указывает на невыполнимость требований Руша. В частности, когда Руш вслед за Райнером Вилем [24] настаивает, чтобы теории истории понятий была предпослана теория истории и теория понятий, которой в свою очередь должна быть предпослана теория слов, а ей теория выражений, а ей теория языка, это, в сущности, означает, что исследования по истории понятий следует прекратить навсегда, т.к. совершенно невозможно предсказать, когда все эти теории будут разработаны [18, с. 52-54]. По мнению Шульца, история понятий едва ли может опираться на теоретическую лингвистику (единственным лингвистом, идеи которого использовал Козеллек, был румынский теоретик Евгениу Косериу), т.к. последняя сама стоит перед лицом множества неразрешенных проблем и вынуждена скорее играть «роль ученицы, обдумывающей методические вопросы» [23, с. 236].

Критики полагают, что лексический принцип упорядочивания работ по истории понятий не является оптимальным [3]: альтернативные обозначения отрываются друг от друга, сравнение функций различных понятий осложняется тем, что в каждой статье внеязыковые предметные связи рассматриваются по-разному. Регистры и перекрестные ссылки едва ли могут решить эти проблемы, т.к. эмпирически невозможно охватить все связи между понятиями и предметами. В таком случае предметом исследований по истории понятий

должна быть скорее не лексема, а вокабуляр, целый сектор языка, который можно обозначить как «аргументация»[6, с. 9].

Аргументация – это комплекс языковых высказываний определенных лиц или групп лиц в определенных целях или интересах. Употребление понятий – это только «вершина горы» аргументации, но для целостной реконструкции необходимо принимать в расчет всю гору. В этом случае были бы решены многие проблемы теории истории понятий, связанные с ее ориентацией на отдельные лексемы, например, проблемы семантической многозначности. Серьезные теоретические возражения мог бы вызвать только интеракционистский компонент теории аргументации, а именно, отнесение всех значимых явлений либо к языку, либо к авторами их интересам: это выглядит устаревшим с точки зрения социальной истории, которая соотносит явления со структурами и системами. Напротив, практические проблемы истории аргументации очень существенны: лексический принцип изложения здесь не подходит и поэтому неясно, как отделять единицы изложения друг от друга [18, с. 70].

По мнению исследовательницы Герды Хасслер, *ономасиологическая* традиция может служить исходным пунктом для теории истории понятий, т.к. она не дает запутаться в многообразии форм и значений слов и при этом позволяет проводить комплексный анализ наиболее интересных понятийных полей без привлечения всего фонда лексики того или иного языка. Цель ономасиологического исследования – выявление когнитивных констант *обозначения*, что Хасслер успешно применила в своем «Словаре основных понятий языкознания XVII–XVIII веков» [10]. В нем предусмотрена следующая схема анализа отдельных понятий: 1) ключевые слова «полей обозначений» (*Bezeichnungsfelder*); 2) прежние (аутентичные) определения и *аргументативные* контексты с примерами из базовых текстов; 3) описание понятий и их смысловых связей в XVII–XVIII вв. с учетом процессов концептуализации и изменения обозначений; 4) развитие и рецепция понятий [9, с. 143].

На основе понятия «дискурс» Мишеля Фуко, социологии знания и путем акцентирования социально-языкового конструирования действительности немецкий лингвист Дитрих Буссе предложил амбициозную программу «исторической семантики» в качестве расширения истории понятий для охвата всех факторов, которые необходимо проследить по языковым источникам и которые свидетельствуют о социальном знании, сознании и мышлении, имевших место в прежние эпохи в разных социальных группах [5]. По мнению Буссе, истинным предметом истории понятий Козеллека с самого начала были не «понятия» как языковые знаки, не «слова», а стоящие за ними формы и *структуры знания*. В современной лингвистике для обозначения связи языковых знаков со структурами знания применяется выражение «*рамки знания*» (Wissensrahmen). В ходе речевого акта то или иное слово проецируется на определенную рамку знания и лишь в ней получает свое актуальное значение. Таким образом, понятия имеют функцию не прямого выражения знания, не его точного языкового воспроизводства, а скорее упорядочивания и ориентировки в структурах знания [4, с. 49].

Клеменс Кноблех призывает к широкому взаимодействию истории понятий и *истории власти* (истории процессов принятия решений) [13]. Он считает отличительной чертой основных исторических понятий их соединительный потенциал и диапазон обеспечиваемой ими коммуникации. Понятия, воплощенные в словах (Verkörperungen), выполняют функцию «парома» в общественном дискурсе: они делают публичную властную коммуникацию доступной для влияния со стороны ученых и подкрепляют вненаучный властный дискурс, наклеивая на него этикетку «научности». Анализ взаимосвязи понятий (воплощений) и властных практик должен включать в себя рассмотрение следующих свойств языковых выражений, которые пока недостаточно освещаются в языкознании: 1) соединительный потенциал слов; 2) рассеивающий потенциал слов; 3) гибкость для включения и исключения тех или иных элементов – тем, личностей, общностей; 4) коннотации; 5) обязательность согласия (с существующим дискурсом); 6)

нарративность (потенциал понятий для выстраивания нарративов) [12, с. 126–129].

В практическом плане история понятий Козеллека получила свое развитие и пространственно-хронологическое расширение, прежде всего, в «Справочнике основных социально-политических понятий во Франции 1680–1820 годов», издание которого под редакцией Рольфа Райхардта и Эберхарда Шмитта началось в 1985 г. Во введении к первому тому Райхардт представил данный проект как попытку преодолеть то «странствие по вершинам истории идей», которым грешит словарь Козеллека. Речь идет о достижении баланса между классическими текстами и социально-репрезентативными источниками (прессой, административными и делопроизводственными документами и т.п.): «...свидетельства репрезентативных источников, какими бы банальными они ни были, имеют для нас приоритет перед высказываниями элитарной литературы, по прошествии времени возведенной в канон. Ее высказывания можно и нужно углубленно изучать, однако сами по себе они относятся к теории и не имеют доказательной силы. Мы не столько ищем первые случаи употребления понятий или философские умопостроения, сколько изучаем язык общества» [15, с. 78]. Кроме того, Райхардт предложил дополнить письменные источники визуальными и тем самым открыл поле для взаимодействия истории понятий и истории искусства [16]. Однако он определил свой подход не как «историю понятий», а как «социальную историю идеологии и менталитета», как «социально-историческую семантику» [15, с. 50, 64].

Особая страница в истории рецепции истории понятий – это диалог Райнхарта Козеллека с представителями англо-американской истории идей, прежде всего, с Квентином Скиннером и Джоном Пококом [17]. Скиннер полагает, что положение об изменчивости понятий несет в себе внутреннее противоречие: «у понятий самих по себе не может быть истории, может быть только история их использования в аргументации» [20, с. 283]. По его мнению, выражение «история понятий» – это оксюморон, т.к. две совокупности признаков, отличающиеся хотя бы по одному признаку, образуют два разных

понятия. Кроме того, Скиннер критикует немецкую историю понятий за «словесный фетишизм» [21, с. 39], а именно за ориентацию на идентичность языкового выражения. При этом не учитывается возможность омонимии: история понятий ошибочно принимает повторяемость языкового выражения за признак наличия одно и того же понятия [21, с. 39]. В частности, исследователь истории понятия «философия» не считает нужным использовать источники, в которых предмет «философия» обозначается другим ярлыком (например, «sophia»), но в то же время привлекает те источники, в которых слово «философия» может совсем не соответствовать сегодняшнему понятию «философия» (например, доплатоновские тексты).

По мнению Виллибальда Штайнметца, разногласия между немецкой историей понятий и англо-американской интеллектуальной историей были следствием взаимного недопонимания, отчасти связанного с языковым барьером. В частности, Скиннер и Покок вначале воспринимали диахронную историю понятий как теорию, утверждающую неизменную сущность понятий [22, с. 75].

Во Франции один из ведущих представителей герменевтики Поль Рикёр воспринял историю понятий Козеллека как проявление общей «историзации знаний», ведущей к онтологической герменевтике исторического состояния: по его словам, во второй половине XX в. «историю событий сменила история интерпретаций» [1, с. 20]. Он характеризовал словарь «Основные исторические понятия» следующим образом: «В отличие от лексикографического труда, цель которого сводится к анализу понятий при условии отвлечения от референта, в этой работе ... лексическое базируется, таким образом, на трехстороннем отношении: ведущее понятие, функционирование языка и опыт. Поле приложения ведущих понятий конституируется тем, что автор называет «опытом истории», – это нечто большее, чем эпистемологическая территория, это подлинное отношение к миру, сравнимое с тем, которое лежит в основе физического опыта» [2, с. 420].

Как мы видим, развитие истории понятий в Германии не остановилось на издании словаря «Основные исторические понятия», а вообрало в себя за последние десятилетия подлинно междисциплинарный компонент по линии взаимодействия социальной истории и лингвистики с привлечением также общефилософского контекста. Основной упрек, выдвигаемый лингвистами, состоит в нечеткости категории «основное историческое понятие», однако он отчасти обезоруживается указаниями на противоречия внутри методического аппарата и самой лингвистической науки. Вместе с тем привлечение лингвистов-теоретиков (а также философов) к дискуссиям по истории понятий оказалось весьма плодотворным с точки зрения трансформации историко-семантических исследований в направлении изучения моделей аргументации, полей обозначений, структур и рамок знания. Все эти подходы объединяет чисто прагматический взгляд на «понятия» как на эвристический инструмент исторического анализа языка общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарецкий Ю.П., Левинсон К.А., Ширле И. Предисловие // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2 томах / пер. с нем.: К.А. Левинсон; сост.: Ю.П. Зарецкий, К.А. Левинсон, И. Ширле; под общ. ред.: Ю.П. Зарецкий, К.А. Левинсон, И. Ширле. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – Т. 1. – С. 5-44.
2. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 725 с.
3. Becker G. Rezension von „Lexikon“, Bd. 2 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – Nr. 24. – 1976. – S. 1332.
4. Busse D. Architekturen des Wissens // Begriffsgeschichte im Umbruch? / hrsg. von E. Müller. – Hamburg: Meiner, 2005 (Archiv für Begriffsgeschichte: Sonderheft 2004). – S. 43–57.
5. Busse D. Historische Semantik. Analyse eines Programms. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1987. – 334 S.
6. Eggers M., Rothe M. Die Begriffsgeschichte ist tot, es lebe die Begriffsgeschichte! – Einleitung // Wissenschaftsgeschichte als Begriffsgeschichte: terminologische Umbrüche im Entstehungsprozess der modernen Wissenschaften / hrsg. von M. Eggers und M. Rothe. – Bielefeld: transcript, 2009. – S. 7–22.
7. Fisch J. Zusammengesetzte Begriffe // Archiv für Begriffsgeschichte. – Band XVII. – 1973. – S. 93-118.
8. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. In 8 Bänden. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1972-1997.
9. Haßler G. Die Entwicklung von Begriffen in Textserien: ein sprachwissenschaftlicher Zugang zur Begriffsgeschichte // Literaturwissenschaft als Begriffsgeschichte / hrsg. von Ch. Strosetzki. – Hamburg: Meiner, 2010 (Archiv für Begriffsgeschichte: Sonderheft 8). – S. 131-144.
10. Haßler G., Neis C. Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts. – Berlin: de Gruyter, 2009. – VII, 1859 S.

11. Horstmann R. Kriterien für Grundbegriffe. Anmerkungen zu einer Diskussion // Historische Semantik und Begriffsgeschichte / hrsg. von R. Koselleck. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1979 (Sprache und Geschichte, Band 1). – S. 37-42.
12. Knobloch C. „Rasse“ vor und nach 1933 – vornehmlich in den Geisteswissenschaften // Begriffsgeschichte im Umbruch? / hrsg. von E. Müller. – Hamburg: Meiner, 2005 (Archiv für Begriffsgeschichte: Sonderheft 2004). – S. 113-129.
13. Knobloch C. Überlegungen zur Theorie der Begriffsgeschichte aus sprach- und kommunikationswissenschaftlicher Sicht // Archiv für Begriffsgeschichte. – Band XXXV. – 1992. – S. 7-24.
14. Koselleck R. Richtlinien für das Lexikon politisch-sozialer Begriffe der Neuzeit // Archiv für Begriffsgeschichte. – Band XI. – 1967. – S. 81-99.
15. Reichardt R. Einleitung // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680-1820 / hrsg. von R. Reichardt und E. Schmitt. – In 20 Heften. – München: Oldenbourg, 1985-2000. – Heft 1/2. – 1985. – S. 39-148.
16. Reichardt R. Wortfelder – Bilder – Semantische Netze. Beispiele interdisziplinärer Quellen und Methoden in der Historischen Semantik // Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte / hrsg. von G. Scholtz. – Hamburg: Meiner, 2000 (Archiv für Begriffsgeschichte: Sonderheft 2000). – S. 111-134.
17. Richter M. Opening a Dialogue and Recognizing an Achievement. A Washington Conference on the “Geschichtliche Grundbegriffe” // Archiv für Begriffsgeschichte. – Band XXXIX. – 1996. – S. 19-26.
18. Schultz H. Begriffsgeschichte und Argumentationsgeschichte // Historische Semantik und Begriffsgeschichte / hrsg. von R. Koselleck. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1979 (Sprache und Geschichte, Band 1). – S. 43-74.
19. Schultz H. Einige methodische Fragen der Begriffsgeschichte // Archiv für Begriffsgeschichte. – Band XVII. – 1973. – S. 221-231.
20. Skinner Q. A Reply to my Critics // Meaning and Context. Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1988. – P. 231-288.
21. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. – No. 8. – 1969. – P. 5-53.
22. Steinmetz W. Nachruf auf Reinhart Koselleck // Begriffene Geschichte: Beiträge zum Werk Reinhart Kosellecks / hrsg. von H. Joas und P. Vogt. – Berlin: Suhrkamp, 2011. – S. 57-83.
23. von Polenz P. Rezension von „Lexikon“, Bd. 1 // Zeitschrift für germanische Linguistik. – Nr. 1. – 1973. – S. 236-239.
24. Wiehl R. Begriffsbestimmung und Begriffsgeschichte: Zum Verhältnis von Phänomenologie, Dialektik und Hermeneutik // Hermeneutik und Dialektik / hrsg. von R. Bubner, K. Cramer und R. Wiehl. – Nr. 1. – Tübingen: Mohr, 1970. – S. 167-213.

ЗНАЧЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Давыдов В.А.

Аннотация: Парадигмальный сдвиг, произошедший в исторической науке в конце XX века, привел к смене линейного понимания истории к симультанному, исходящему из допущения существования множества прошлых. Это заставило исследователей обратиться к изучению и пониманию формирования исторической памяти социума. По мнению автора, главную роль в этом процессе играют технологии публичной истории.

Ключевые слова: публичная история; историческая память; историческая амнезия; «новая музеология».

Одним из знаковых событий прошлого года в общественно-политической жизни России стало Общероссийское голосование по поправкам в Конституцию РФ. Одна из этих поправок гласит, что отныне Российская Федерация берет на себя обязательства по защите исторической правды. На первый взгляд, данное стремление законодателя вполне обоснованно, особенно учитывая те «бои за историю» Второй мировой войны, которые развернулись в последнее время в международном политическом сообществе.

Однако не совсем понятно, кто и как будет устанавливать «историческую правду»? С XIX в. специалисты в области методологии исторической науки разрабатывают различные формы работы с историческими источниками, критерии исторической истины и т.д. Появилось множество научных школ, представители которых предлагали различные способы решения проблем исторической науки. Объединяет их только одно: все ученые убеждены в том, что истину возможно установить только в ходе научных исследований и открытых дискуссий. Таким образом, российское государство в очередной раз ошибочно пытается продемонстрировать свое монопольное право на прошлое, забывая о том, что оно уже давно стало принадлежать гражданскому обществу с его различными социальными институтами: от профессионального исторического сообщества до различных общественных организаций.

Этот процесс стал результатом глубокого изменения в понимании истории, наметившегося с 1970-х гг. на Западе и с 1990-х гг. в России. Произошла смена парадигм: на смену политической истории пришла социальная история. Первая парадигма исходила из линейного понимания прошлого, согласно которому история представляет собой последовательную смену различных отрезков времени, одних правителей другими, последовательную череду реформ и других государственных преобразований. Социальная же история, опираясь на историческую память, напротив, исходит из допущения существования множества прошлых, поскольку общество состоит из различных социальных (этнических, гендерных, локальных, религиозных) групп, каждая из которых расставляет свои акценты в истории.

Одной из причин парадигмального сдвига в исторической науке стали начавшиеся в XX в. глобализационные процессы в различных сферах. Одним из их следствий стал риск постепенной утраты социальной идентичности, стирания границ между культурами. Это заставило историков обратиться к изучению и пониманию значения исторической памяти. Ведь именно она помогает обществу лучше понять свое прошлое, осознать уникальность своей культуры, тем самым не растворившись в глобальном мире.

Единого понимания того, что есть «историческая память» так и не сложилось. Многочисленные трактовки сводят ее к аккумуляции различных представлений общества или отдельных социальных групп о событиях прошлого. Поэтому «...память не одна, существуют ее несколько вариантов, что определяется существованием многих групп, в которых состоял тот или иной человек» [1].

Более того, историческая память, как и память отдельного человека, избирательна. Поэтому набор представлений общества о прошлом меняется. Какие-то события современности актуализируют те или иные факты прошлого, побуждая людей вспоминать и обращаться к нему, другие же события общество стремится вытеснить из своей памяти.

Эти факты заставили специалистов обратить свое внимание на способы формирования и функционирования исторической памяти. Особенно актуальным становится вопрос о том, какую роль в этих процессах играет публичная история. В последнее время эта отрасль знания накопила большое количество технологий коммуникации достижений работы профессиональных историков с широкой публикой, которая активно интересуется прошлым.

Публичная история представляет собой отрасль знания, которая объединяет журналистов, краеведов, музейщиков, использующих специальные технологии и практики позволяющие переводить научное историческое знание на доступный широкой публике язык. Появление публичной истории в 70-х годах прошлого века стало своеобразным результатом понимания того, что история творится не только политиками и аристократами, но и

представителями всех слоев населения. Это заставило историков обратиться к изучению истории Холокоста, Второй мировой войны через обращение не только к официальным документам, но и воспоминаниям очевидцев и участников этих и других исторических событий. Это, в свою очередь, привело к возникновению различных общественных организаций, музеев, центров, которые поставили перед собой просветительские цели по сохранению свидетельств очевидцев для последующих поколений и распространению исторического знания среди широкой публики.

Таким образом, публичная история с самого момента своего оформления начала обращаться к феномену исторической памяти, стала одним из способов формирования и сохранения исторических знаний и идентичности различных социальных групп и социума в целом. Более того, доступ к историческому прошлому со стороны представителей других профессий (журналисты, писатели, блогеры) позволил обществу открыть новые, ранее неизвестные, факты и явления. Это, в свою очередь, подтолкнуло многих людей обратиться к изучению истории своих семей, сел и городов.

В России же ситуация с развитием публичной истории совершенно иная. Несмотря на то, что первые проекты, созданные с использованием технологий публичной истории, стали появляться в 90-х гг. прошлого века, эта отрасль исторического знания развивается со значительным отставанием от зарубежных стран. Отчасти это объясняется тем, что российское государство в лице политиков, депутатов, по-прежнему сакрализует историю, определяя какие события и явления прошлого являются ключевыми и под каким углом зрения их следует освещать в образовательных организациях и средствах массовой информации.

А.С. Ходнев в работе «Культура памяти и публичная история», ссылаясь на А.И. Миллера, справедливо отмечает, что в России «на смену политизации истории и политики памяти пришла политика истории, которая существенно отличается от прежних процессов в этой области. Прежде всего, история и память представляются некой ареной борьбы с противниками как внутри

страны, так и за рубежом» [3, с. 219]. Однако это не означает, что профессиональное сообщество в России не осознает необходимость поиска ответов на новые вызовы публичной истории и памяти. В последнее время в нашей стране специалистами в области публичной истории совместно с государственными институтами были реализованы несколько удачных проектов, нацеленных на решение одной из существенных проблем функционирования исторической памяти общества.

Речь идет об исторической амнезии – утрате обществом памяти о каких-либо событиях или даже периодах прошлого. По мнению специалистов, историческая амнезия постоянно сопровождает историческую память, выступая как ее проявление. Причин возникновения исторической амнезии много. Все их можно разделить на естественные (в случае естественной утраты сведений о каких-либо событиях прошлого того или иного социума) и искусственные – путем сознательного уничтожения старого, стирания из памяти общества воспоминаний об исторических событиях, объявляя их антинародными, а порой и просто преступными.

В 2018 г. в России впервые за последнее время прошло широкомасштабное празднование юбилея Первой мировой войны. Это событие еще с советских времен было «вытравлено» из памяти многих поколений. Эта война в советской историографии была объявлена империалистической и антинародной. Поэтому даже воспоминания простых людей об этой войне могли повлечь за собой появление различных проблем для всех членов семьи. Все это и привело к забвению этого события (исторической амнезии) у нескольких поколений российского общества.

Начало возрождения исторической памяти о Первой мировой войне относится еще к 2014 г., когда на телеэкранах начали появляться различные телепередачи и фильмы, которые должны были донести до зрителей основную информацию о событиях столетней давности. Одним из таких фильмов, который критики и публичные историки приняли в целом положительно, стала работа режиссеров А. Верещагина и А. Федосова «Первая мировая». Этот и

другие телевизионные проекты, по мнению специалистов, позволили подготовить российское общество к восприятию этого забытого, находящегося в тени Великой Отечественной войны, события.

Однако основными инструментами преодоления исторической амнезии об этом событии начала XX века стали музейные пространства. С 2014 по 2018 гг. в юбилейном марафоне приняли участие как исторические, так и художественные, как государственные, так и частные музеи, и выставочные пространства. Это создало некую конкуренцию между ними за внимание посетителей. Тем не менее, их объединяло несколько общих моментов, на которые хотелось бы обратить внимание.

Во-первых, организаторы всех музейных выставок и проектов, отразили в них один из главных тезисов официальной политики – это постулат о «забытой войне». На открытии выставок официальные лица и организаторы многократно высказывали мысль о том, что в России эта война была несправедливо забыта.

Были высказаны и несколько принципиально новых магистральных мнений, которые позволили государству стать трендсеттером в деле формирования исторической памяти об этом событии у современного российского общества. Впервые прозвучала идея того, что Российская империя несет меньше ответственности за развязывание Великой войны, нежели чем другие страны. Так, В.В. Путин в своей речи 1 августа 2014 г. отметил миротворческую роль России, которая «сделала все, чтобы убедить Европу мирно, бескровно решить конфликт между Сербией и Австро-Венгрией» [2].

Также в 2014 г. прозвучал еще один важный тезис, во многом ставший одной из причин исторической амнезии этой войны. Президент в упомянутой выше речи отметил, что несправедливо называть Российскую империю проигравшей страной, т.к.«победа была украдена у страны» [2].

Наконец, еще одним важным постулатом возрождения исторической памяти о Первой мировой войне, стала идея преемственности в Российской армии. Президент отметил, что многим солдатам Первой мировой «довелось сражаться затем и на фронтах Великой Отечественной войны. Закаленные

ветераны вдохновляли на подвиги молодых бойцов, передавали им традиции боевого товарищества, братства, традиции воинской чести» [2].

Во-вторых, общим трендом всех музейных и выставочных пространств, посвященных Первой мировой стала апелляция к чувствам и эмоциям посетителей. С. Чуйкина объясняет это тем, что память – «это эмоциональное отношение к прошлому, в отличие от истории, которая являет собой аналитическое, дистантное к нему отношение. Как правило, чем ближе по времени событие и его живые свидетели, тем больше эмоциональное отношение превалирует над аналитическим. В данном случае, несмотря на значительную временную дистанцию по отношению к войне и отсутствие живых свидетелей, для которых эмоциональное отношение могло бы быть значимым, памятно-поминальная интенция занимала в концепциях выставок значительное место» [4, с. 235].

Традиционные и интерактивные мультимедийные технологии, использовавшиеся на выставках, позволили музеям создать у посетителей «эффект присутствия». Кадры кинохроники и оцифрованные фотографии оживили войну, показали события столетней давности глазами их очевидцев и участников. Демонстрация подлинных вещей участников войны, особенно известных личностей (например, Николая II), позволили организаторам выставок проследить точки пересечения истории страны с жизнью человека. Отметим, что некоторые из этих предметов (посуда, вазы, открытки) используются до сих пор, присутствуют в домах и квартирах, тем самым становятся своеобразными «мостами памяти» между поколениями, которые закрывают «лакуны» исторической амнезии.

Поворот к эмоциональной составляющей в «новой музеологии» нашел свое отражение и в стремлении устроителей выставок продемонстрировать настроения, чувства, эмоции современников войны, показать, что они повлияли и на социально-политическую обстановку в стране в 1914-1918 гг. Большая часть отобранных документов отражала, конечно же, патриотический подъем российского общества в первый период войны, стремление к

благотворительности, которое выражалось и в организации лазаретов, благотворительных концертов, сбора вещей и денег для солдат на фронте. Личные документы (письма, дневники, афиши, фотографии, открытки) которые были выставлены в музеях, интересны еще и тем, что не нуждаются в дополнительных интерпретациях, т.к. посетители могут сделать это сами, прочитав их.

Тема патриотизма и благотворительности интересна еще и тем, что она апеллирует к традиционным чувствам российского общества, которое всегда сплывалось в кризисные и переломные периоды своей истории, забывая про религиозные, этнические и другие разногласия. Поэтому, такой прием формирования исторической памяти очень оправдан, поскольку параллельно он решает еще одну задачу – укрепления национальной идентичности.

Еще одной заметной темой, которую не смогли обойти российские музеи – религиозные настроения современников и участников Великой войны. Так, музей истории религии организовал серию выставок, посвященных роли Русской православной церкви в годы Первой мировой войны, военного духовенства на ее фронтах. Фотографии, личные вещи священников демонстрировали их повседневную окопную жизнь, а иногда и героические поступки. Эти выставки также апеллировали к исторической памяти российского общества, побуждая вспомнить о трагических событиях 1917 г., которые стали катализаторами духовно-нравственной катастрофы наших потомков.

Таким образом, публичная история, занявшее особое место в системе социогуманитарного знания, и ознаменовавшая парадигмальный сдвиг в сторону социальной истории, является одним из эффективных инструментов формирования исторической памяти, преодоления исторической амнезии социума. Ярким примером, иллюстрирующим эти тезисы стали мероприятия, организованные музеями и выставочными комплексами к столетнему юбилею Первой мировой войны. На них впервые активно использовали технологии «новой музеологии», обращенные к чувствам и эмоциям посетителей. Это

способствовало пробуждению интереса общественных групп к этой теме, размышлениям о роли «забытой войны» в событиях XX в. и ее возвращению в историческую память российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королёва, Т.Г. История и память. Исследования исторической памяти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ross-ural.ru/articles/istoriya-i-pamyat-isslyedovaniya-istorichyeskoy-pamyati/> (Дата обращения: 19.03.2021).
2. Открытие памятника героям Первой мировой войны. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46385> (Дата обращения: 05.03.2021).
3. Ходнев, А.С. Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 218-221.
4. Чуйкина, С. Конструирование памяти о забытом событии через музейные технологии: производство эмоций на выставках о Первой мировой войне в 2014 г. // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 400 с.

ГУСТАВ ЭВЕРС О КРЕСТЬЯНСКОМ ВОПРОСЕ В ПРИБАЛТИКЕ

Исакова Л.В.

Аннотация: В данной статье рассмотрен один из малоисследованных сюжетов творчества Густава Эверса, а именно, его обращение к крестьянскому вопросу. Проанализированы основные публикации Эверса по данной тематике, представлена историография проблемы. Особое внимание уделено последствиям издания данных статей, восприятие их местными властями и отражение на последующей судьбе автора.

Ключевые слова: крестьянская реформа; крестьянский вопрос; крестьянское сословие; крепостное право; Прибалтика; Остзейские провинции; Густав Эверс.

Характеристика научных взглядов Иоганна Филиппа Густава Эверса (1779–1830) в настоящее время ограничивается анализом его родовой теории и обращением к частным положениям концепции происхождения древнерусской государственности. Однако, спектр научных интересов историка был значительно шире [5, с. 5-7]. Так, например, начинающего исследователя интересовал злободневный крестьянский вопрос. Все известные на сегодняшний день три публикации Эверса по указанной тематике хронологически относятся к 1806 году.

Первые характеристики научных взглядов Эверса посвящены именно разбору его брошюр по крестьянской тематике и опубликованы в 1807 г. в «Геттингенских ученых известиях» А.Л. Шлецером, высказавшим опасения в

том, что чувство «страха перед всемогущим рыцарством... может превратить автора из защитника крепостных в адвоката мучителей крестьян» [16, с. 826]. К.Э. Напьерский и Э.А. Винкельман констатировали факт активного участия Эверса в полемике по крестьянской реформе в Прибалтике, которое, по их мнению, оказало «значительное влияние на общественное мнение в прибалтийских провинциях Российской империи» [18, с. 140]. Это же в 1845 г. отметил А.А. Куник, обративший внимание на то, что своей работой «Крестьяне в Эстляндии» Эверс заслужил название «Advokatder Weissen» [17, с. 409].

В советский период В.И. Шевцов (1971 г.) указал на факт участия Эверса в развернувшейся полемике, касающейся проблем крепостной политики Остзейского края [10, с. 32] и В.Н. Баскаков (1988 г.) подчеркнул, что начинающий исследователь «выступил в печати против остзейских баронов-крепостников, в защиту прав эстонских крестьян» [1, с. 231].

В 2001 г. М.В. Зеленов отметил активное участие Эверса в общественно-политической жизни Прибалтики того времени, выступившего в печати «с полемическими статьями по крестьянской реформе» [3]. М.Ю. Лачаева в 2018 г. констатировала, что Эверс рассматривал крепостное право, воспринимаемое им как факт действительности, противоречащий самому духу русского народа. Однако, несмотря на пристальное его изучение, не давал собственных оценок этому явлению [6, с. 339].

Этим и ограничивается историография изучения крестьянского вопроса Густавом Эверсом. Вероятно, основная проблема заключается в том, что статьи и брошюры его до сих пор не переведены на русский язык. Более того, в связи с тем, что вскоре после издания они были запрещены, – в настоящее время являются библиографической редкостью.

Тем не менее обращение к этому вопросу сегодня целесообразно по ряду причин. Во-первых, работы Эверса представляют собой ценный источник по истории аграрного законодательства остзейских провинций Российской империи на первом этапе проведения там земельной реформы (1802-1804). Во-

вторых, они являются наглядной демонстрацией общей ситуации в Прибалтике в ходе проведения реформационных мероприятий по отмене крепостного права: изобилуют ссылками на имперское законодательство, официальное мнение местного дворянства и т.п. В-третьих, содержат информацию о положении крестьянского сословия «до» и «в процессе» проведения реформы, т.к. автор уделяет особое внимание правовому положению зависимых крестьян, объемам оброка и условиям исполнения барщины. В-четвертых, каждая его публикация представляет собой отдельное исследование с четкими и конкретными обобщениями, анализом значительного статистического материала, общероссийского и местного аграрного законодательства. Все названное выше позволяет говорить о высокой научной значимости данных работ для исследования и конкретизации частных аспектов рассматриваемого вопроса.

При этом, следует обратить внимание на тот факт, что Эверс впервые высказал предположение о том, что крепостное право стало результатом переписи населения монголами в 1257 г. Особо подчеркнем, что мнение это получило поддержку М.М. Сперанского, когда в декабре 1808 г. по поручению Александра I он начал разработку «Плана государственного преобразования России» [11, с. 16; 24].

Существенным отличием от позиции предшествующей дореволюционной историографии является установленный Эверсом факт того, что закрепощение крестьян началось до издания указа 1597 года. Он представил и обосновал два исторических этапа «закрепощения». Первый, как полагал ученый, начался с 1257 г. – от переписи населения монголами и продолжался до 1581 г. – введения заповедных лет. Второй этап начался в 1597 г. введением урочных лет и продолжается вплоть до настоящего времени (т.е. до начала XIX века). Это период полного фактического и юридического прикрепления крестьян за «помещиками».

Историк особо подчеркнул, что не менее значимы в этом вопросе правовые особенности указанного процесса. К ним относятся положения статьи о

«Юрьеве дне» Судебника 1550 года. Именно им, по мнению автора, было закреплено право выхода крестьян от помещика. Отметим Эверс и «Указ о крестьянском выходе» 1601 г., который он рассматривал как одно из условий существования крепостного состояния. В этом же ключе им представлены и боярский приговор о беглых крестьянах и холопах 1606 г., и Уложение о сыске беглых крестьян 1607 г. Однако, как считал историк, самостоятельного значения они не имели и их следует рассматривать в общей цепи институционального оформления данного института.

Включение Эверса в обсуждение проблем крепостной политики Остзейского края Российской империи открылось его статьей от 4 июня 1806 года, опубликованной в приложении к газете «Allgemeine Literatur-Zeitung». Статья «Несколько вопросов к каждому, кто в состоянии на них ответить, особенно к господину коллежскому советнику фон Коцебу» позднее была опубликована отдельной брошюрой. Как точно заметил М.В. Зеленев, нам до сих пор «не известны мотивы Эверса для нападок на Коцебу (чьи статьи послужили формальным поводом для выступлений домашнего учителя) лично и для публичного выражения критики аграрного законодательства чужой страны, в которой он хотел делать научную карьеру» [4, с. 83]. Этот вопрос остается открытым и поныне.

В своей публикации Эверс призывал быстрее решить аграрный вопрос, при этом уделяя особое внимание интересам крестьян. Здесь необходимо уточнить, что он ратовал не за отмену крепостного права вообще, а лишь за исправления эстляндского закона в отношении крепостных крестьян по примеру лифляндского.

Продолжением работы в этом направлении стала брошюра «О положении крестьян в Эстляндии и Лифляндии», увидевшая свет в декабре 1806 года. В ней на основе объемного статистического материала, с применением методов математического анализа Эверс доказал, что аграрный закон 1804 г. был крайне невыгоден для крестьянства Эстляндии [15].

Публикация вышла в разгар крестьянских волнений в Прибалтике [8, с. 114-128] и вскоре была изъята из продажи и запрещена, т.к. помещики опасались нового всплеска крестьянских выступлений. Была для этого и еще одна немаловажная причина. 30 ноября 1806 г. император Александр I издал манифест о создании временного ополчения для участия в войне с армией Наполеона, которое в исторической литературе получило название «Земского войска» (1806–1807), или «милиции». На фоне крестьянских волнений и сбора ополчения местные власти опасались недовольства крестьян «вообще против высших властей» [2, с. 35].

Не меньшее значение имеет и его работа «Временная конституция крестьянского сословия в Эстляндии» [14]. Хронологически она также относится к 1806 г., как и две прежде упомянутые публикации. Однако, содержательно разделена на две части: первая – 1802 год, вторая – 1804 год. В ней представлены официальные письма и мнения эстляндского дворянства, рескрипты императора и комментарии автора к указанным материалам. Особую ценность представляют изложенные Эверсом положения о крестьянском и церковно-приходском судах, а также власти помещиков над своими крестьянами.

Проанализировав весь доступный материал по данному вопросу, нельзя с уверенностью сказать, что статьи Эверса по крестьянскому вопросу существенно повлияли на общественную и социально-политическую обстановку в Прибалтике. Однако, император Александр I, познакомившись с содержанием его работ (благодаря П.В. Лопухину, который с 1803 г. занимал пост министра юстиции и главы Комиссии составления законов) оставил себе брошюру «О положении крестьян в Эстляндии и Лифляндии» в качестве справочника о положении крестьянства в прибалтийских губерниях в целом, а Комиссия по пересмотру аграрного законодательства в Прибалтике использовала методические приемы Эверса для вычисления доходности крестьянских хозяйств [4, с. 83].

Однако, взаимоотношения Эверса с местными властями из-за его «публикаций по крестьянскому вопросу обострились настолько, что только поддержка дерптского физика и химика, академика, бывшего ректора Дерптского университета Г.Ф. Паррота спасла автора от преследования» [1, с. 231].

В письме от 28 августа 1808 г. семейству ландрата Магнуса фон Рихтера Эверс отмечал: «В Лифляндии я слышу врагом дворянства, здесь (в то время Эверс находился в Москве. – *Л.И.*) – его сторонником... Я не считаю нужным их поправлять. Только в одном я должен был Шлецеру возразить, когда он считал, что остзейские провинции имеют такую скверную почву, что без крепостного права они бы обезлюдели» [7, с. 101-102]. В ответном письме от 29 октября 1808 г. Рихтеры писали: «Со многими Вы испортили отношения... Оставьте это в покое – тут все напрасно» [7, с. 99].

Отход Эверса от крестьянской проблематики можно объяснить общим направлением развития общественно-политической ситуации и мысли в Российской империи начала XIX в. По точной характеристике Д.В. Тимофеева, именно «обострение международной обстановки на первый план выдвигало решение более важных и неотложных задач», а период 1808-1815 гг. отличался, главным образом, повышенным вниманием к укреплению боеспособности русской армии и поддержанию финансовой стабильности внутри страны [9, с. 142]. Это несколько снизило накал в обсуждении крепостной политики в России в целом, и, в частности, реформы крепостного права в Прибалтике.

Не менее значимым обстоятельством было и начало преподавательской деятельности Эверса в Дерптском университете. Материалы его личной переписки с Кругом свидетельствуют о том, что при утверждении первого профессором Дерптского университета в 1810 г., попечителем Дерптского учебного округа Ф.И. Клингером с него было взято обещание «впредь никоим образом ни устно, ни письменно не вмешиваться в крестьянские дела» [12, с. 273]. Свое обещание Эверс выполнил. Подтверждением этому является полное отсутствие публикаций по крестьянской тематике после его изданий

1806 г., а также блестящая карьера в Дерптском университете, ректором которого он стал в 1808 г. и бессменно занимал этот пост вплоть до своей смерти в 1830 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков В.Н. Литературные связи славянских народов: исследования, публикации, библиография. – М.: Наука, 1988. – 346 с.
2. Бескровный Л.И. Русская армия и флот в XIX веке. – М.: Наука, 1973. – 616 с.
3. Зеленов М.В. Иоганн Филипп Густав Эверс // Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – С. 116-121.
4. Зеленов М.В. Иоганн Филипп Густав Эверс // Историки России XVIII–XX вв. Выпуск первый. – Москва: Архивно-информационное агентство, 1995. – С. 81-85.
5. Исакова Л.В. Густав Эверс и его концепция начальной истории Руси. Автореферат... канд. ист. наук: 07.00.09. – Арзамас, 2018. – 24 с.
6. Лачаева М.Ю. История исторической науки России (дореволюционный период): учебник для бакалавров. – М.: Прометей, 2018. – 646 с.
7. Письма Г. Эверса к семейству ландрата Рихтера / М.Г. Салупере, Л.М. Леппик // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 27. – С. 99-105.
8. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. – СПб., 1888. – 286 с.
9. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. – Челябинск: Пирс, 2006. – 200 с.
10. Шевцов В.И. Г. Эверс и развитие русской исторической науки в XVIII – начале XIX в. в немецкой историографии // Исследования по германо-славянским отношениям / Отв. ред. В.Д. Королук. – М.: Наука, 1971. – С. 30-42.
11. Шевченко М.М. История крепостного права в России. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1981. – 256 с.
12. Die wissenschaftliche Korrespondenz zwischen Gustav Ewers (1781-1830) und Philipp Krug (1764–1844) // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. – 1989. – Bd. 33. – S. 273-274.
13. Ewers G. Einige Frage an Jeden, der siebe antworten kann, in sonderheit an den Herr Kollegienrat von Kotzebue // Allgemeine Literatur-Zeitung, Halle, Leipzig, vom 4 Juni 1806. – № 46. – S. 177-184.
14. Ewers G. Provisorische Verfassung des Bauerstandes in Ehstland. –SPb., 1806. – [5], 133 S.
15. Ewers G. Vom Zustande der Bauern in Livland und Ehstland. Ein Wort zu seiner Zeit; auch dem Herrn Kollegien-Rath von Kotzebue zur Beherrigung empfohlen. December 1806. Dorpat, 1806. – 26 S.
16. Göttingische Gelerte Anzeigen. – Göttingen, 1807. Bd. 1. S. 826; Bd. 2. S. 2085.
17. Kunik E.E. Die Berufung der schwedischen Rotsend durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates. Abth. 1. SPb., 1844. – 496 S.
18. Winkelmann E.A. Bibliotheka Livoniaehistorika. Sistematisches Verzeichniss der Quellen und Hülfsmittel zur Geschichte Estlands, Liflands und Kurlands. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1878. – 608 S.

ИМАГОЛОГИЯ И ГЕРМЕНЕВТИКА В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ: ОБРАЗЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Калинина Е.Ю.

Аннотация: Методологический инструментарий истории права в последние годы стал расширяться. Это повлекло за собой введение в оборот новых источников, которые ранее были недоступными исследователю. Среди них выделяются так называемые «нетрадиционные источники», из которых, как считалось ранее, невозможно вывить элементы правовой действительности, например, произведения живописи. Использование герменевтики и имагологии позволяет совершенствовать исследования в области истории права.

Ключевые слова: Методология истории государства и права; герменевтика; имагология; образ власти; образ права; «нетрадиционные источники» в праве.

Такие сочетания как «искусство и право» в современной российской науке новые и нередко неожиданные. Как считается, право не обладает свободой и творчеством, которые необходимы искусству. И наоборот: искусство не может существовать в рамках жёстких схем, подобно праву. Но это только первый взгляд. В действительности право как часть культуры основано на эмоционально-ценностном фундаменте, носит не только объективный, но и субъективный характер. Искусство, в свою очередь, подчиняется строгим правилам и ритуализировано. Особенно это касается средневекового искусства, которое выстраивалось в соответствии с жёсткими рамками, заданными социальным контекстом. Ограничения касаются и формы (иконография), и содержания (набор транслируемых социальных шаблонов, с помощью которых выстраивалась картина мира).

Между правом и искусством можно выделить множество связей, которые распределяются по трём группам: право в искусстве (действие правовых норм в сфере искусства, например, авторские права, пределы субъективного выражения [1]), искусство о праве (произведения искусства «рассказывают» о праве), право как искусство (право как часть культуры, признаки которой частично совпадают с признаками искусства как деятельности, творчески воспроизводящей действительность в виде образов [2, р. 14]). Последний вариант предполагает возможность использовать методы, применяемые при изучении искусства, в юридических исследованиях.

В работе, прежде всего, рассматриваются вторая и третья группы – отражение и интерпретация образов искусства, имеющих отношение к государственно-правовой действительности. Для этого могут применяться разные междисциплинарные методы, в частности, герменевтика (толкование текстов, в том числе, образных, с точки зрения разных контекстов) и имагология (изучение образов). В историко-правовой науке имагология может выражаться через изучение правовых и политических идей прошлого посредством изображений. Это новая, но очень интересная область в юриспруденции. По сути, изучение права возвращается по спирали к античной идее единства всех сфер культуры, отголоски которой слышны в Средневековье. В это время юрист был одновременно священником и жрецом, а право выражалось с помощью поэзии. Уже существовали жанры, которые нельзя было отнести однозначно к литературе, фольклору или праву. Они в особой манере выражали идею о порядке, добре и зле, правилах поведения, преступлениях и наказаниях. Они могли петься или рассказываться вслух, поскольку нередко содержали рифму, что было необходимо для запоминания в бесписьменную или малописьменную эпохи [5, р. 47].

В историко-правовом исследовании с применением имагологического и герменевтического инструмента следует понимать сущность ограничений исследователя. Например, средневековая и ренессансная живопись переполнена символами. Но некоторые из них, обязательные в иконографии, могут быть наполнены разными смыслами, подчас противоположного характера. Например, один из самых распространённых символов – белая лилия. Она одновременно может означать чистоту и непорочность и клеймо преступника, благородство короля и невинность девы. В некоторых произведениях искусства лилии и вовсе ничего не обозначают – это просто цветы в интерьере, особенно в ренессансной живописи. Тем не менее, сам факт того, что визуальный образ цветка может что-то означать, что его форма воздействует на сознание таким образом, что в нём раскрываются разные смыслы, в зависимости от контекста

автора и контекста интерпретатора, позволяет трактовать произведения живописи как тексты с высокой степенью точности.

Ограничением применения методов герменевтики и имагологии может стать понимание того, что в живописи смена отображаемых культурных шаблонов может происходить медленнее, чем в реальности. Элементы разных эпох могут пересекаться в работах художников, и современному интерпретатору, даже хорошо знакомому с эпохой автора, может быть нелегко отделить их друг от друга и объяснить смысл переплетения традиций. Примером может служить изображение библейских сцен в Средневековье, в которых персонажи одеты в современные создателям костюмы и располагаются в средневековых же интерьерах. Сегодня это объясняется особым пониманием времени в те времена, а также тем, что библейские персонажи понимались художниками как вневременные сущности, и именно этот момент подчёркивался в картинах и должен был быть усвоен зрителем. Сдвиги во времени в средневековом искусстве – это очень интересная тема, достойная исследований.

Нередко наиболее интересные символы скрываются не в центральных образах, а в маргиналиях и деталях, которые зритель не сразу разглядит. Бывают такие случаи, когда послание центрального образа и окружения различаются. Это даёт простор для современного исследователя. Некоторые не очень корректные современные писатели, не обладающие глубокими знаниями, узнав о подобных противоречиях, заполняют пробелы фантазиями, не имеющими отношения к реальности, допуская постыдные фактические ошибки. Но широкая публика легче воспринимает именно такие яркие и интригующие произведения, выстраивая на них собственное понимание истории. С другой стороны, отдельно нужно отметить глубочайшего исследователя, которого можно считать одной из важнейших фигур в исследованиях подобного рода У. Эко, который талантливо популяризировал возможности применения новой методологии.

Посредством произведений искусства можно оказывать влияние на эмоциональную сферу, формируя определённое отношение к ситуациям, правонарушениям или правовому поведению, деятельности органов власти, правоприменительному механизму, правозащитной деятельности. Помимо этого, будучи элементами культуры, право и искусство обладают ценностной основой [6, р. 49]. Поэтому искусство – это инструмент формирования правосознания. Хотя эта мысль не являлась ранее предметом научного исследования, но на практике её осознавали уже много столетий назад и пытались использовать для достижения целей. В Средневековье искусство прежде всего служит прикладным целям, а потом эстетическим. Например, религиозная живопись – это посредник между божественным миром и земным. С её помощью осуществляется реальная коммуникация с высшими силами, по мысли средневековых людей. Светская живопись транслирует обществу ряд посланий (и это не конспирологические теории, развиваемые некоторыми современными авторами художественной литературы). Эти послания открыты разуму людей в соответствующем контексте, хотя могут быть абсолютно недоступны нашему пониманию. Посредством живописи обществу транслируются коммуникативные образцы, шаблоны культуры, правового и неправового поведения.

Ценностная составляющая искусства и права состоит в их целесообразности. И право, и искусство, обладают целью, которой непрестанно следуют. В этом обнаруживается их гармонизирующая и упорядочивающая функция, а значит, нормативно-догматичная природа. Правда, в отличие от права, искусство нередко служит для разрыва границ, а не для их установления. Но выход за пределы установленного, означает маркирование этих границ. Для того чтобы нарушать нормы, надо знать, где расположены пределы дозволенного, и деятели искусства очень чётко это знают, иначе не все их эпатажные действия находили бы эмоциональный отклик у публики. Но тем самым публике ещё раз дают понять, что существует норма и её границы. Если норма нарушена, и это вызывает положительный отклик у большинства, то это

повод задуматься об эффективности права. Право – это способ ограничения поведения и «социальная гарантия долга» [5, р. 49].

Сознание устроено экономно, и для простоты и скорости восприятия действительности и принятия решений в каждой конкретной жизненной ситуации оно ежесекундно зашифровывает в виде символов и расшифровывает множество текстов, составляющих основу взаимодействия: жесты, визуальные символы, выраженные в картинках, слова и т.п. Невозможно познать ни один объект, не интерпретируя его, сам по себе [8, р. 25]. Некоторые символы считываются и интерпретируются «автоматически», то есть помимо участия сознания. Их большинство, и часть из них носит природный характер (например, угрожающие жесты), а часть – социальный (например, дорожные знаки). Для прочтения других приходится напрягать интеллектуальные способности, применяя исследовательский инструментарий.

Интерпретируя произведение искусства всегда необходимо иметь в виду политико-правовую составляющую контекста, в котором оно было создано. Правовой порядок обуславливает ситуацию создания произведения искусства [3, р. 40]. Но, с другой стороны, изучая произведения искусства, можно ответить на вопросы об эффективности нормы права, например, о том, как общество понимает правовые установления, как относится к власти и т.п., что может быть выражено посредством образов, которые могут толковаться тем или иным способом. С этой точки зрения, искусство можно рассматривать как механизм свободы выражения мнения и передачи информации (или дезинформации) [7, р. 36]. В этом смысле связь между правом и искусством наблюдается в области субъективного права.

Допуская, что искусство, как и право, обладает регуляторной функцией, можно предположить, что сама его природа делает этот инструмент альтернативным. Право в основном базируется на словах, использует инструмент языка и обращается к разуму. В Новое время юриспруденция окончательно пошла по пути рационализации, вытеснив все иррациональные компоненты за пределы своей сферы действия. Эта попытка, впрочем, не

увенчалась успехом, поскольку сознание обладает двойственной природой, и рациональная и иррациональные сферы неразрывно связаны между собой.

Искусство пользуется другим языком, образным, и претендует, в первую очередь на воздействие на эмоционально-ценностные механизмы восприятия и построения картины мира. Какое воздействие более сильное глубокое, вопрос дискуссионный. Память, например, связана с иррациональными факторами значительно больше, чем с рациональными: то, что воздействует на эмоции, запоминается, а затем воспроизводится с большей степенью вероятности. Можно предположить, что ряд других механизмов сознания точно также испытывает большее воздействие со стороны иррациональных факторов.

Силу воздействия изобразительных образов человечество знало всегда. Одно изображение может оказать большее воздействие, чем тысяча слов [4, р. 430]. Примером могут стать многочисленные изображения ада и грехов и их последствий в церковном изобразительном искусстве Средневековья. Большой частью неграмотные прихожане во время длинных служб могли в течение долгого времени наблюдать страшные картины в убранстве церкви. Нередко они делают это бездумно, когда их внимание отвлекается от скучных проповедей, которые пытаются воздействовать на рациональную сферу сознания с помощью слов. Даже не запомнив то, что видели, люди продолжают хранить в памяти эти образы. Попав в память через иррациональные механизмы, воспроизводиться они будут затем, скорее всего, тоже на этом уровне, без прохождения через сферу разума. Примерно также действовали, например, плакаты о безопасности в советское время. Данный факт подтверждает вневременной характер психических процессов восприятия.

Для историков права изучение визуальных образов в качестве источников может стать интересной задачей на перспективу. Для этого группа зарубежных методологов предложила следующие программные пункты, которые могут стать важными вехами на пути использования имагологии, наряду с герменевтикой, в историко-правовой науке [4, р. 433]:

1. Понимание того, до какой степени произведение визуального искусства способно отразить социально-правовые взаимодействия, государственно-правовой режим, эффективность права и т.п.

2. Какие элементы произведения искусства и как именно способны отразить социально-правовые взаимодействия и эволюция государства и права.

3. Государственно-правовая символика, выраженная в одежде, позах, атрибутах, композиции, пространстве, цветовом решении и т.п.

4. Какова сила эмоционального воздействия на зрителя, положительное оно или отрицательное, что усиливает или ослабляет это воздействие, способна ли работа стать инструментом идеологического воздействия на зрителя.

Междисциплинарные исследования в историко-правовой науке, несомненно, плодотворны. Они раскрывают замкнутый мир исследователя, позволяя увидеть новые методы, использовать уже полученные ранее в других науках результаты. Привлечение сфер, которые представляются весьма далёкими от юриспруденции, позволяет увидеть в исследуемом предмете необычные детали и аспекты. Искусствоведам тоже могут открыться новые возможности. Например, если какие-то сюжеты или персонажи казались хаотично подобранными, а детали бессмысленными, то знание не только истории, но, например, политико-правового контекста, может расставить всё на свои места.

Например, в картине неизвестного испанского автора конца XV в. «Богородица католических королей» представлен странный набор персонажей. Если присутствие самой Богородицы и католических королей (и даже их детей, хотя уже возникает вопрос, почему из всех были выбраны двое) понятно и не вызывает трудностей в интерпретации, то подбор святых с первого взгляда представлялся настолько странным, что этот аспект просто не подвергали толкованию. Подобные труднообъяснимые моменты вызвали к жизни распространённый и сегодня миф о нелогичности мышления, грубости и эстетической неразвитости людей Средневековья.

В живописном пространстве собраны святые разных эпох, разной специализации и разных национальностей. Применяв герменевтический и имагологический методы, можно увидеть взаимосвязь и даже выявить новые смыслы, заложенные автором преднамеренно или случайно, в силу того контекста, в котором он находился. В любом случае, очевидно, что современники должны были воспринимать тексты картины определённым образом, ведь живопись в те времена едва ли была развлечением. Конкретно в этой картине выявлена мысль о необходимости создания единого политико-правового пространства и формирования национального государства. Для этого предлагалось объединить усилия светской и церковной власти и мыслить основу этого единства в преемственности существующих в средневековом мире политико-правовых институтов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что методологию историко-правовой науки необходимо расширять, чтобы получать новые результаты, заполнить имеющиеся проблемы. Для этого важно создать фундамент в виде «пилотных» исследований и выявить перечень ограничений при использовании новых методов, как, например, герменевтика и имагология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышкин А.В. Изобразительное искусство и право: формы взаимодействия и интегрирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44), – с. 45-50.
2. Cicero N.K. Arte y Derecho Administrativo // Docencia y Derecho. – 2019. – № 14, 2019. – Pp. 1-15. – P. 13
3. Ciuro Caldani M.A. El Derecho y el Arte // Revista del Centro de Investigaciones de Filosofía Jurídica y Filosofía Social, 1991. – № 14, 1991, – pp. 37-41. – P. 40.
4. Cobo del Rosal Pérez G. Navalpotro Sánchez-Peinado J-M. Multidisciplinaridad en ciencias sociales: historia - arte- derecho // Metodología para investigaciones de alto impacto en las ciencias sociales. – Madrid: Editorial Dykinson, 2012. – P. 430.
5. Gallego Morell M. El derecho y sus relaciones con el arte // BFD: Boletín de la Facultad de Derecho de la UNED. 1993. – № 3. – 1993. – Pp. 45-58 – P. 47.
6. Gonem Machello G. Algunas reflexiones sobre Derecho y Arte // Revista del Centro de Investigaciones de Filosofía Jurídica y Filosofía Social. 1991. – №14, 1991, – pp. 49-53. – P. 49.
7. – Martínez Dalmau R. Arte, derecho y derecho al arte // Revista Derecho del Estado. – 2014. – № 32. pp. 35-56. – P. 36.
8. Pettoruti C.E. El arte del derecho // Derecho y ciencias sociales., 2010. – № 2. – pp. 22-32. – P. 25.

БОИ ЗА PUBLIC HISTORY

Калашников С.Г.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об определении повестки тем public history, участия в этом процессе различных внеаучных субъектов (масс-медиа, политические партии и др.) и научного сообщества.

Ключевые слова: public history; масс-медиа; исторические проблемы.

В общественном сознании претензии к исторической достоверности, объективному освещению событий имелись на протяжении всего существования исторической науки. Современная же действительность, эпоха постмодернизма с ее идеологией плюрализма интерпретаций, критики логоцентризма, скепсисом разрушает последние остатки веры в возможность достижения историком объективной истины. Но если профессиональные ученые не в состоянии написать объективные исторические нарративы, то историописанием могут заниматься и непрофессионалы (любители истории, политики, журналисты, драматурги и пр.).

Обратим внимание, что разговор идет об отношении большей части общества к оценке результатов исторического познания специалистами. Они много и кропотливо работают, создают новые методы анализа материала, применяют современные технологии, представляют результаты своих исследований. Но на процессы в академической науке массовый потребитель реагирует слабо. Это связано с разными обстоятельствами, в т.ч., и с языковыми. Продукция академического научного сообщества обычно написана тяжелым профессиональным слогом. Разговорный язык в этих текстах часто уступает место искусственному. Большое количество дат, схем, таблиц, многочисленные ссылки на архивные данные, иностранные источники, специфическая терминология представляют собой далеко неполный перечень характеристик современного исторического нарратива, выполненного историком XXI века. Приведем не самый сложный пример из стандартной работы по археологии Института истории материальной культуры РАН: «...в камере найдены еще 10 сосудов (табл. 50ФА. 2567.95; Массон 1981а: табл XXXIV, 21-25, 30: в центре – два хучма (сос. 1, 2) и три кубка (сос. 3, 4, 11); у

ЮЗ стены – кубок (сос. 9), горшковидный сосуд (сос. 8) и плошка (сос.10)...» [1, с.30]. Усвоение, написанного таким образом, материала создаст большие сложности не только обычному читателю, но и профессиональному историку, который работает в другой сфере исторического знания. Академические тексты представляют собой результат длительных специализированных исследований и требуют значительных когнитивных усилий от читателя для понимания. С этим во многом связаны и небольшие тиражи научных публикаций (так, тираж журнала «Азия и Африка» составляет ок. 500 экз., монография Шкунова В.Н. Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках / Поволжский филиал ИРИ РАН. Ульяновск: УлГУ, 2011 издана тиражом в 100 экземпляров и т.д.). Это способствует порождению феномена *public history*.

Воспитанный в традициях массовой культуры, аудиовизуальной культуры потребитель не склонен тратить значительные силы на преодоление сложностей чтения научного текста. Для него более привычен язык современных масс-медиа. Он представляет собой совокупность зрительных, речевых, аудиальных элементов. Историческая продукция средств массовой информации представлена в формате «познавательных» телепередач, сериалов, циклов лекций, бесед, интернет-программ и т.д. Язык масс-медиа по исторической тематике характеризуется общедоступностью, поверхностностью, стремлением редуцировать сложные проблемы к простым объяснениям, китчевостью, образностью, утилитарностью, апелляцией к авторитету. А.В.Тараканов отмечает: «Творческие лекала масскульта основаны на подгонке возвышенного к высокопарности образа, к имиджу и т.д. Духовная работа, строящаяся веками в человеческом развитии, сегодня воспринимается масскультом как результат потребительского умысла. Человек перестал не только думать, но и трудиться, заниматься истинно культурной деятельностью. Масскульт позволил человеку опуститься до уровня психологической спекуляции, где тиражирование становится сущностью, а само понятие

тиражирование – обывательской позицией воспроизводства образа и идеи бытия» [1, с. 109].

Нельзя сказать, что академическое сообщество историков отстраненно и безропотно наблюдает за происходящим. Оно тоже ищет путь к массовому потребителю, пытается встроиться в public history. Тому свидетельством выступают издающиеся журналы «Военно-исторический архив: Ежемесячное научно-популярное издание», «Восточная коллекция» (оба закрыты), клубные встречи, публичные лекции (напр., автор статьи прочитал цикл лекций по истории и философии в Первом Московском областном музыкальном колледже), образовательные передачи в интернет-пространстве (см. лекции по истории России кин УдГУ Н.Н. Барминой на портале «Стрела-ТВ» и др.), ежегодные научно-просветительские форумы «Ученые против мифов» и т.д.

Интересным шагом смотрится открытие программ подготовки в зарубежных и отечественных университетах по public history. Данный процесс был запущен еще в XX столетии в США. Сейчас в Северной Америке этот феномен стал массовым. «Руководство НСПИ сообщает на своем сайте, что в настоящее время существует более 200 образовательных программ публичной истории в Северной Америке. При этом большая часть из них (152) – это программы для студентов магистратуры и аспирантов. Публичную историю преподают в 45 штатах США из 50» [3, с. 30]. Выпускники находят свое место работы в архивах, музеях, бизнес-структурах, исторических, общественных, государственных организациях. В XXI веке в России появились шесть магистерских программ подготовки специалистов в сфере public history. Сайт Ярославского гопедуниверситета гласит, что «В современных условиях активизации государственной исторической политики, эмоционализации и коммерциализации памяти, вторжения интерактивных медиа в образовательные и публичные пространства наблюдается рост интереса к развитию и освоению прикладных технологий обращения с прошлым. Магистерская программа Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского нацелена на подготовку квалифицированных специалистов-

историков, способных адаптировать актуальное научное знание к публичному пространству музейных, образовательных, сетевых проектов, готовых руководить и участвовать в реализации практических мероприятий по сохранению исторического наследия, осуществлять просветительскую деятельность в сотрудничестве с широкой общественностью, в том числе на международном уровне. Данная программа является в России единственной, уделяющей внимание перспективам применения практик публичной истории в образовательной среде» [4].

Сложно однозначно оценить воздействие данных мероприятий на историческое сознание современников. Можно предположить, что влияние масс-медиа намного сильнее. Особенно катастрофичным проигрыш научного сообщества может оказаться в период пандемии коронавируса.

Прочность положения научного сообщества в public history осложняется тем, что повестки исторических исследований, их содержание и формы презентации определяются не только академическими кругами и руководителями масс-медиа. Такие функции берут на себя государственные деятели, партийные и военные элиты, сценаристы, кинорежиссеры, общественные союзы, фонды и пр. Данные субъекты публичной истории стремятся канализировать интерес не только массового потребителя исторической информации, но и научного сообщества. Государственные чиновники, администрации телеканалов, руководство интернет-порталов определяет важность исторических проблем, классифицирует их на значимые и второстепенные. Ажиотажные выступления президентов, премьер-министров, королевских особ, миллиардеров (например, посвященные антироссийским санкциям, попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны и др.) вызывают бурные обсуждения в прессе, блогосфере, семьях. Не могут остаться в стороне и академические круги, которые дают свою экспертную оценку в телеэфире, на страницах газет и журналов.

Кроме центральных, ажиотажных исторических проблем существуют второстепенные, третьестепенные. На них тоже есть свой потребитель, хотя и

не столь массовый. Они также предполагают достойное освещение и квалифицированную экспертизу. Хватает ли ресурсов на все?

Ресурсы государственных бюджетов, партийных касс, дирекций телеканалов и пр. не безграничны. Для определения проблемного пространства public history определяется интерес заказчика, организуется редакционная политика, проводятся опросы общественного мнения, анализируется международная обстановка. Нужно понимать, что формулировка заказа часто приводит к тому, что в проблемное поле могут попадать политически ангажированные вопросы, а проблемы, действительно важные для общества (повышение цен, рост безработицы и т.д.), уходить на второй план.

Типичным примером определения иерархии проблем для освещения масс-медиа может стать сетка телевещания на Первом канале и РТР в начале ноября. В советскую эпоху этот период был связан с празднованием Октябрьской революции. Так, 7 ноября 1979 г. по Первой программе транслировался Военный парад и демонстрация трудящихся, посвящённые 62-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, праздничный пионерский концерт, художественный фильм «Ленин в 1918 году» и т.д. Через 40 лет, 7 ноября 2019 г., годовщина Великой Октябрьской революции на Первом канале прошла незаметно. Утром Первый канал показал Торжественный марш, посвященный 78 годовщине Парада 7 ноября 1941 года, и посвященный этому фильм. Отдельных же передач об Октябре 1917 года не было совсем. Очевидно, что героизация советского прошлого, меморизация, сохранение к нему уважительного отношения не входит сейчас в «топ-лист» дирекции телеканала. Это особенно очевидно проявляется в сравнении с программой 4 ноября 2019 года, когда зрители «первой кнопки» могли посмотреть проект «Рюриковичи», созданный при поддержке Министерства культуры России компанией StarMedia. Нет необходимости спорить о реализации научных принципов в этом проекте (объективность, доказательность, фактологичность, верифицируемость и пр.), т.к. он создавался для достижения иных целей (развлекательных, коммерческих, идеологических и пр.). Важное другое. Он

показывает переоценку ценностей. Для крупнейших субъектов public history важно переключить внимание аудитории с истории установления Советской власти на День народного единства. Для этого находятся значительные средства, создается качественный продукт, который представляется в вечерний prime-time массовому зрителю в праздничный день.

Нужно понимать, что при изменении социокультурной и политической конъюнктуры и появлении сильных медийных конкурентов с иной редакционной политикой, освещение «забытых» событий может вновь возродиться.

Наличие большого количества потребителей – важный критерий эффективности функционирования проектов публичной истории. Это приводит к ведению статистики посещений, количеству «дизлайков» и «лайков», просмотров, что в свою очередь не только морально, но и материально, поддерживает руководителей и создателей контента public history.

Развитие публичной истории в демократических обществах характеризуется важной чертой. За потребителя исторического контента ведут борьбу разные производители. Следовательно, у потребителя есть возможность выбора. Возможности у крупных медиа-компаний больше, чем у средних и мелких, у центральных больше, чем у региональных. Используя свои конкурентные преимущества, медиа-магнаты могут навязывать волю мелким игрокам и вызывать «информационные валы», ротацию проблематики public history, увеличивать зрительский интерес и пр. Но это не говорит о полном искоренении региональных проектов. Они значимы для исторического сознания местного потребителя, для сохранения традиционных ремесел, для развития туристического бизнеса, для решения политических, социальных и иных проблем местной политической элиты. В городе Коломна Московской области такими проектами являются, например, Музей коломенской пастилы и завод по ее изготовлению. На основе описаний были реконструированы рецепты производства местной пастилы. В интерактивной форме за чашкой чая рассказывается история ее приготовления, а на заводе можно попробовать себя в

качестве создателя этого деликатесного продукта. Это позволяет создателям проекта не только быть важным градообразующим культурным центром, поддерживать высокий уровень туристических посещений, но и получать значительный доход от продажи эксклюзивного десерта.

Однако как на государственном, так и на региональном месте важно осуществлять постоянную ротацию повестки public history, создавать новый контент, проекты, чтобы у потребителя не возникало чувство пресыщенности, а у производителей появлялись новые рабочие места, финансирование, аудитория. Поэтому создатели программ публичной истории должны всегда заботиться об оригинальности тем и их яркой демонстрации.

В заключении можно сделать вывод о том, что public history занимает промежуточное положение между академической наукой, продукцией массовой культуры, повестка которой определяется различными силами и событиями, реализуется силами научного и ненаучных сообществ. Напряженная борьба за территорию публичной истории будет продолжаться, т.к., это связано с влиянием на общественное сознание, авторитетом, финансированием. Ученые в этом сражении не должны сдаваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребение Алтын-депе). Труды ИИМК РАН. Т.ХVI.– СПб., 2005.
2. Тараканов А.В. Эстетика языка массовой культуры // Проблемы современной науки и образования.– 2013. – №2 (16).
3. Ходнев А.С. Социокультурные практики публичной истории в США// Американский ежегодник 2018/2019.
4. <http://rublichistory.ru/edu/edum.html> (Дата обращения: 23.03.2021).

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ МАНУФАКТУРНОЙ ЭПОХИ

Киселева О.А.

Аннотация: В статье рассматриваются методологические модели, используемые российскими учеными для исследования истории социальных революций XVII-XVIII веков. Автор показывает содержание трех основных подходов к их изучению – конкретно-исторического, сравнительного (компаративного) и теоретического. Акцент сделан на

анализе предложенного М.А. Баргом и Е.Б. Черняком теоретического подхода, вызывающего несомненный интерес, но требующего дальнейшего осмысления и углубленной разработки.

Ключевые слова: Барг М.А.; внутриформационные революции; межформационные революции; переходная эпоха; реформа; социальные революции; циклы революций.

В современных условиях развития гуманитарного знания и продолжающегося процесса модернизации высшего образования в России резко возрастает значение теоретических проблем, связанных с ходом исторического процесса, его движущими силами и моделями. Осознание и разрешение их тем более актуально, что сегодня назрела потребность более тесной интеграции научного поиска и образовательного пространства. Эта интеграция осуществляется в высшей школе самыми различными способами – при помощи углубленного изучения дисциплин методологического и теоретического характера в магистратуре, путем практической реализации различных подходов к интерпретации исторического процесса в магистерских и иных диссертационных исследованиях. Это серьезно актуализирует вопрос о необходимости нового научного осмысления переходных эпох в истории общества вообще и западно-европейского социума, в частности. Важнейшей составной частью переходной эпохи от «Старого порядка» к Новому времени стали социальные революции XVII-XVIII веков, а проблема их роли и места в генезисе индустриальной (новой) цивилизации крайне важна и в зарубежной науке вызывала острейшие дискуссии долгое время [14].

История социальных революций вообще и буржуазных революций XVII-XVIII в., в частности, принадлежит к научным проблемам непреходящего исторического и социологического интереса. Их изучение в России имеет глубокие традиции. В конце XIX – начале XX в. труды Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, П.А. Кропоткина, И.В. Лучицкого, П.Г. Мижуева, А.Н. Савина стали важным вкладом в мировую историографию. Позднее работы видных советских ученых А.В. Адо, С.И. Архангельского, М.А. Барга, Е.А. Косминского, В.М. Лавровского, Я.А. Левицкого, Г.Р. Левина, Н.М. Лукина, А.З. Манфреда, В.Г. Ревуненкова, Г.Н. Севостьянова, Е.В. Тарле, А.А. Фурсенко и многих других также получили широкое признание. При этом

все они были выполнены на основе марксистского формационного подхода. Среди исследователей, как правило, не возникало принципиальных разногласий относительно объекта изучения и его оценки. Исключение составила острейшая дискуссия по вопросу о социальной природе и характере якобинской диктатуры, в которой большинство ученых выступило против выводов В.Г. Ревуненкова [10] и поддержало позицию исследователей школы Н.М. Лукина – А.З. Манфреда [8]. На излете советской эпохи, в ходе развернувшегося в отечественной исторической науке пересмотра многих аксиом и постулатов, были высказаны достаточно резкие критические замечания касательно марксистской методологии изучения социальных революций Нового времени. По мнению ряда авторов, на нее «наложили отпечаток три тенденции, нередко ведущие к ошибочным выводам: стремление мерить буржуазные революции мерками пролетарских переворотов и считать в них безусловно прогрессивным то, что их хотя бы внешне сближало с пролетарскими революциями; абсолютизация самого состояния революций как высшей ценности, даже после решения ими исторически возможных задач; абсолютизация прогрессивного значения плебейских методов борьбы в революции (например, террора – О.Киселева)» [15, с. 78-79]. Сегодня различные аспекты революций мануфактурной эпохи по-прежнему привлекают внимание исследователей [4; 5; 13].

В результате в отечественной науке сформировались три основных подхода к интерпретации истории революций XVII-XVIII в. Во-первых, конкретно-исторический, преследующий цель максимально подробно изучить, описать и проанализировать ход каждой из трех революций – английской (1640-1653/1660), американской (1775-1787) и французской (1789-1794/1799). Во-вторых, компаративный, или сравнительно-исторический, направленный на типологизацию революций, выявление в них общих закономерностей развития и особенностей, а также уточнение их места в становлении индустриальной цивилизации [12]. Наконец, теоретический, связанный со стремлением осмыслить глубинные причины и последствия социальных потрясений раннего

Нового времени, квалифицировать в исторических и социолого-политологических категориях типы и роль обусловленных ими изменений. При этом грань, разделяющая исследования, выполненные на основе сравнительно-исторического и теоретического подходов, часто достаточно условна.

В наибольшей степени теоретический подход реализован в работах М.А. Барга и Е.Б. Черняка, строго следовавших формационной теории истории [2; 3]. В соответствии с выводами этих ученых, все революции Нового времени являлись неотъемлемыми компонентами единой эпохи – переходной от феодализма к капитализму. Но при этом они происходили на качественно различных этапах, при менявшемся соотношении традиционного и капиталистического укладов хозяйства. В совокупности они составили так называемые циклы революций. Первым в хронологическом ряду стал английский цикл, включавший в себя революцию середины XVII в., «Славную» революцию 1688-1689 г. и «Великую» избирательную реформу 1832 г. Французский революционный цикл переходной эпохи составили революции конца XVIII в., 1830, 1848-1849 и 1870 г. При этом авторы оценивали революции, «открывавшие» цикл, в качестве «базисных», а революции, следовавшие за ними, – в качестве «надстроечных» [3, с. 39]. Более того, М.А. Барг и Е.Б. Черняк настаивали на том, что в определенном смысле революционные «волны», следовавшие за первой, следует рассматривать как этапы единой революции, без которых она не могла бы выполнить стоявших перед ней задач [3, с.42].

Возможно, данная и подобные ей схемы несколько упрощенно толкуют реальный исторический процесс и поэтому отчасти носят условный характер. Также относительно условным (это признавали и сами авторы – М. А. Барг и Е. Б. Черняк) выглядит деление революций на «базисные» и «надстроечные». Применение этих дефиниций требует серьезного обоснования, толкования и уточнения. Тем не менее, предложенная модель не лишена познавательного, эвристического интереса, так как представляет собой оригинальную попытку

осмысления хода исторического процесса и отражает характер дискуссии 1980-х гг. о переходной от феодализма к капитализму эпохе.

Участники дискуссии, среди которых были и зарубежные исследователи, сошлись во мнении, что процесс перехода от феодального к капиталистическому способу производства растянулся более чем на три столетия – с XVI до конца XIX в. При этом они пришли к выводу, что после Великой французской революции прямой связи между трансформацией общества и социальными революциями уже не существовало. В результате событий 1789-1814 г., хронологически совпавших с разворачиванием промышленного переворота (вследствие чего иногда применительно к периоду 1760-1830 г. используется термин «двойная революция»), в западноевропейском регионе были созданы условия для завершения капиталистической модернизации. Это, в свою очередь, повлияло на исторический выбор моделей и путей завершения модернизационных процессов в XIX веке. Реформистский путь (наряду с революционным) стал вторым главным вариантом развития, явившись органической составной частью становления индустриального общества, а сами реформы приобрели объективно революционное содержание (например, избирательные реформы 1832, 1867, 1884-1885 г. в Англии).

Таким образом, с точки зрения ряда ученых-участников дискуссии, вопрос не должен ставиться так: революция или реформа? Речь должна вестись о диалектическом переплетении революционных и реформистских трансформационных процессов и сдвигов, составивших содержание социально-политической истории XVI-XIX веков [9; 11].

В итоге переходная от феодализма к капитализму эпоха предстала как более сложная, многокомпонентная, нежели просто «эпоха социальных революций». Условно утверждение капиталистического общества в странах Западной Европы и Северной Америки, сопровождавшееся перенесением присущих ему ценностей в другие регионы земного шара, можно рассматривать как результат трех «революций», итог своеобразной революционной триады.

Во-первых, экономического и структурного переворота, связанного с поэтапным становлением капиталистического способа производства – от раннего мануфактурного капитализма к промышленной революции и фабрично-заводскому производству. Во-вторых, социальной и политической трансформации, главным, но не единственным, результатом которой было конституирование буржуазии в правящий класс. Наконец, духовной и культурной эмансипации, развивавшейся на основе идей Просвещения о естественном равенстве людей и присущих им неотчуждаемых правах на жизнь, свободу и собственность; о государстве как гаранте этих прав и народе как источнике любой власти.

Одним из узловых моментов дискуссии 1980-х гг. о переходной от феодализма к капитализму эпохе стал вопрос о типологизации социальных революций Нового времени. Традиционно в отечественной историографии критериями такой типологизации были характер революции и форма, в которой она протекала. Характер социально-политической революции, в свою очередь, определялся стоявшими перед ней задачами, расстановкой социальных сил и степенью влияния на ее результаты демократических элементов. Исходя из этого подхода, советские историки квалифицировали английскую революцию середины XVII в. как классическую буржуазную; североамериканскую революцию XVIII века как буржуазную, в которой был «силен демократический элемент»; а французскую революцию конца XVIII в. как классическую буржуазно-демократическую.

Историки были единодушны во мнении, что по форме, в которой протекали события, английскую революцию следует признать последней религиозной войной: король и его сторонники опирались на поддержку государственной англиканской епископальной церкви, парламентская оппозиция и армия исповедовали пуританизм в виде пресвитерианства и индепендентства. Американская революция приобрела форму антиколониальной войны тринадцати объединившихся провинций против метрополии – Великобритании. Французская же отличалась особо напряженной

социальной и политической борьбой, которая велась открыто, без использования церковной или антиколониальной риторики. Она была насыщена восстаниями, государственными переворотами; в ходе ее применялся террор, санкционированный государством.

В результате обсуждения большинство ученых поддержали в качестве главного критерия типологизации революций Нового времени их место в процессе перехода от феодализма к капитализму и в ходе модернизации общества. На этой основе революции Нового времени были подразделены на межформационные (или, по терминологии немецких ученых Г. Блайбера и В. Шмидта, «революции при феодализме за капитализм») и внутриформационные («революции при капитализме за капитализм») [1].

Главной задачей межформационных революций была ликвидация феодальных/добржужуазных институтов и создание условий для интенсивного, беспрепятственного развития капиталистического уклада, превращения его в доминирующий способ производства. Таковыми являлись английская революция XVII в. и французская революция XVIII в. Война североамериканских колоний за независимость имела много общих с ними черт, так как ее объединяла с двумя первыми принадлежность единой – мануфактурной – стадии развития общества.

Стадиальное единство трех революций выражалось в идентичных задачах, которые они были призваны разрешить; в общих закономерностях социальной борьбы; в распространении аналогичных представлений о моделях реорганизации общественной и политической жизни; в главных результатах и последствиях. Вместе с тем, проявление общих закономерностей в каждой революции имело свою конкретно-историческую специфику и окраску. Она была обусловлена тем, что английское и французское предреволюционное общество, с одной стороны, и американское, с другой, существенно различались по своей социально-экономической и политической структуре.

В отличие от мануфактурной эпохи, предпосылки внутриформационных революций XIX века складывались в условиях уже институционализированного

в основных чертах капиталистического социума, но с сохранявшимися в нем отдельными феодальными /добуржуазными элементами/институтами. Такие революции, наряду с задачей уничтожения сохранявшихся добуржуазных институтов (например, рабства, как это было в Гражданской войне 1861-1865 г. в США), преследовали в качестве своей цели создание политической организации, адекватной классическому буржуазному обществу, формировавшемуся в ходе промышленного переворота. Кроме того, в ходе некоторых из них (например, во французской революции 1848-1849 г.) со своими требованиями впервые выступил пролетариат. Все это принципиально отличало внутриформационные революции XIX века от революций XVII-XVIII веков.

Таким образом, методологическое сочетание конкретно-исторического подхода с методом компаративного анализа революций создает, на наш взгляд, оптимальную модель, как их исследования, так и изучения в высшей школе в условиях тесного взаимодействия научного и образовательного процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блайбер Г., Шмидт В. Европейские революции 1848 – 1849 гг. в историческом сравнении (К вопросу о типологии и сравнении) // Новая и новейшая история. – 1988. – №3. – С. 45-63.
2. Барг М.А., Черняк Е.Б. Революции европейского масштаба в процессе перехода от феодализма к капитализму (XVI–XIX вв.) // Новая и новейшая история. – 1988. – №3. – С. 56-67.
3. Барг М.А., Черняк Е.Б. Великие социальные революции XVII-XVIII вв. в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму. – М.: Наука, 1990. – 258 с.
4. Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции ХУ111 в. // Новая и новейшая история. – 2007. – №1. – С. 48-73.
5. Гладышев А.В. Французская революция: взгляд из XXI века // Вопросы истории. – 2007. – № 10. – С. 18-29.
6. Грох М. От кризиса феодального общества к буржуазной революции // Новая и новейшая история. – 1987.– № 6.
7. Коссок М. 1789 год и новые альтернативы социальной трансформации // Новая и новейшая история. – 1989. – № 4.
8. Проблемы якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20-21 мая 1970 г. // Французский ежегодник. – 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 278-313.
9. Революция и реформа: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2. – С. 74-103.
10. Ревуненков В.Г. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры. – М.:Наука, 1966. – 176 с.

11. Репина Л.П. Социальные движения и революции XVI–XVII вв. в современной компаративной историографии // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3. – С. 63-74.
12. Согрин В.В. Война США за независимость как социально-политическая революция // Новая и новейшая история. – 2005. – №3. – С. 84-98.
13. Таньшина Н.П. Юбилей Юбилей: итоги 200-летия французской революции для российской и французской историографии // Новая и новейшая история. – 2019. – № 2. – С. 100-119.
14. Фюре Ф. Постигание французской революции / Пер. с фр. – СПб.: Наука, 1998. – 224 с.
15. Черняк Е.Б. 1794 год. Некоторые актуальные проблемы исследования Великой французской революции // Новая и новейшая история. – 1989. – № 1. – С. 77-95.

СОЦИО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ «СЕМЕЙНОГО ВОПРОСА» ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДУХОВНО- АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕИЗМА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Кожевникова О.Н.

Аннотация: Статья посвящена социо-историческим факторам, обусловившим включение представителей русского духовно-академического теизма конца XIX – начала XX века в обсуждение «семейного вопроса». Автором делается вывод о том, что социальные и культурные перемены, вызванные развитием в Российской империи капиталистических отношений, обусловили потребность обращения православных философов к проблемам семьи и брака, переосмыслению их на идейно-философском уровне. Несмотря на целый перечень анахронизмов, семейные ценности, заложенные в философии представителей православного теизма несут в себе мощный гуманистический посыл, не утративший актуальности и в современном обществе.

Ключевые слова: «семейный вопрос»; история религиозной философии; духовно-академический теизм; философия семьи; философия брака.

Современное российское общество сталкивается с вызовами, ответ на которые требует обращения к истокам, интеллектуальной и духовной традиции прошлого. Это касается и определения исторических перспектив российской цивилизации, что само по себе предполагает поиск ценного, значимого в отечественной культуре. Обращение к наследию русской духовно-академической философии представляет интерес не только с точки зрения изучения семьи как социально-философского концепта, осмысления его в рамках идейных поисков рубежа XIX – начала XX века, но и в применимости этого интеллектуального опыта к современному этапу развития нашей страны.

На рубеже XIX – начала XX веков в России, в силу объективных причин социально-экономического и культурного прогресса происходит

трансформация семьи как социального института. Данный процесс обусловил необходимость пересмотра концепта семьи на идейно-философском уровне, приведя к активной полемике защитников часто противоположных взглядов. Православные философы-теисты в силу целого ряда причин объективного характера, оказались вовлеченными в данную дискуссию.

Как представители Православной церкви, структуры государственного механизма Российской империи, реализующей и толкующей нормы о брачно-семейных отношениях, академисты должны были давать ответ на критику государства и Церкви в этом вопросе. Будучи частью общего направления русской религиозной философии академисты вынуждены были давать ответ на неортодоксальные (неоплатонические, мистические, натуралистические и др.) концепции половых отношений. Одновременно, в рамках «единого фронта» религиозно-философского идеализма, требовалось противостоять набиравшим популярность позитивистским, материалистическим, социалистическим и иного рода современным идеям.

Одним из проявлений включенности духовно-академических кругов в общую дискуссию о семейном вопросе являлись Религиозно-философские собрания в Санкт-Петербурге 1901-1903 гг., ставшие местом полемики представителей «нового религиозного сознания» (Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов, В.В. Розанов, Н.М. Минский и др.) и религиозно-ортодоксального мировоззрения (епископ Сергей (Страгородский), епископ Иннокентий (Усов), архимандрит Антонин (Грановский), А.И. Бриллиантов, В.А.Тернавцев и др.) [1].

Кроме того, ряд аспектов внутрицерковного характера требовал нового осмысления в современных условиях: повторный брак вдовствующих священников, сущность брака как таинства и увязанный с ним вопрос о браках раскольников и неправославных, приоритет брака или безбрачия и др. К тому же, как организация, реализующая одновременно миссионерскую и культурно-просветительскую функцию, Церковь не могла остаться в стороне от осмысления проблем морального здоровья семьи, религиозно-нравственного

воспитания детей и школьного образования. Данная задача осложнялась еще одним кризисом – религиозно-духовным. Церковь не могла дать идейного ответа на новые социальные вызовы, ее авторитет в обществе стремительно падал.

В своей работе, посвященной религиозно-нравственному состоянию общества и задачам духовенства, представитель казанской школы академического теизма Н. Зефирова сетовал, что, по мнению «образованной общественности», практикуемые представителями Церкви пути и средства религиозно-нравственного просвещения совершенно обветшали и не достигают своей цели. «Наша светская печать постоянно заявляет, что духовенство находится теперь не на высоте своего исторического призвания и жгучих запросов времени, обращаемых прямо к нему, как бы не слышит... От духовенства требуют «воды живой», которая напоила и усладила бы всех, а оно оказывается бессильным, слабым для этого» [2, с. 42]. Таким образом, перед православными философами стояла задача модернизации идейно-теоретической базы христианского учения, применительно к вызовам времени и запросам общества.

С.Г. Зубанова пишет в этой связи: «В конце XIX века наблюдалось религиозное охлаждение и отклонение от православия большинства молодого поколения России. В умах царил мрак религиозного индифферентизма, туман, всевозможные мистические и другие лжеучения, взамен утрачиваемым нравственным основам жизни не обретались новые. Неудовлетворённость и разочарованность – этим характеризовался конец XIX века. Православие могло быть источником обновления, в котором нуждалось общество, но не стало им» [3, с. 184].

Впрочем, было бы ошибкой видеть причину этой неудачи в идейной слабости духовно-академической философии. Православная церковь оказалась оторванной от живого социума, во многом, в силу своей привязанности к деградирующему государственному аппарату романовской империи. «Наши академические «боги», – отмечал Н. Зефирова, – за редким исключением, не

спускаются с олимпийских высот и пишут больше для собственного услаждения... в обществе совсем не знают богословских ученых сочинений, написанных на самые захватывающие темы», загромождающие впоследствии академические архивы [2, с. 44].

Отметим справедливость приведенного замечания. Действительно, архивы духовных академий хранят тысячи философских произведений, значительная часть из которых и поныне остается слабо изученной.

Сказанное не отменяет того факта, что православные философы внесли существенный вклад в осмысление проблематики семьи, брака и воспитания детей в рамках ортодоксально-религиозного направления русской философии. Несмотря на целый перечень анахронизмов, семейные ценности, заложенные в философии представителей православного теизма несли в себе мощный гуманистический посыл, основанный на любви членов семьи друг к другу, верности, взаимопомощи и поддержке. Изучение их философских трудов представляет интерес не только с точки зрения изучения семьи как социально-философского концепта, осмысления его в рамках идейных поисков рубежа XIX – начала XX века, но и в применимости этого интеллектуального опыта к современному этапу развития нашей страны, связанному с возвратом к буржуазно-капиталистическим отношениям (в их постиндустриальной разновидности), а также проникновением новых западных культурных норм, ценностей, стереотипов (однополые браки, раздельное проживание супругов, сознательный отказ от вступления в брак и рождения детей и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901-1903 гг.) / Под ред. С.М. Половинкина. – М.: Республика, 2005. – 543 с.
2. Зефирова, Н. Современное религиозно-нравственное состояние нашего общества и задачи православного русского пастырства (канд. соч.) / Н. Зефирова. – Казань, б/д. – 104 л. // Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 595.
3. Зубанова, С.Г. Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX веке / С.Г. Зубанова. – М.: Лика, 2009. – 337 с.

ДИАЛЕКТИКА ОТНОШЕНИЙ ПАМЯТИ И ИСТОРИИ:

PRO ET CONTRA

Корнющенко-Ермолаева Н.С.

Аннотация: Статья посвящена анализу противоречий во взаимоотношениях коллективной памяти и исторической науки. Память, как индивидуальная, так и коллективная, была и остается одним из источников историописания, поскольку она является способом получения коллективного и индивидуального опыта времени. Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть принцип, описывающий специфику взаимодействия коллективной исторической памяти с исторической наукой в современном научном дискурсе как принцип комплементарности. В соответствии с этим принципом память и история, в процессе взаимодействия, могут выполнять свои функции только взаимно дополняя друг друга по содержанию. В то же время они остаются различными по своей сущности. Память и история реконструируют разные аспекты прошлого: история стремится к объективности посредством исторического критицизма и верификации, память позволяет сформировать ценностное отношение к прошлому.

Ключевые слова: историческая память; история; принцип комплементарности; историографические революции.

Актуализация проблемы взаимоотношений исторической науки и памяти во второй половине XX века была вызвана целым рядом причин. Во-первых, история XX века – это история массовых драматических событий и человеческих страданий – двух мировых войн, революций, массовых репрессий и концлагерей. Осмысление и объяснение произошедшего поставили профессиональных историков перед вопросом о возможностях понимания и способах интерпретации коллективных травматических событий, которых до этого не знало человечество.

Во-вторых, третья коммуникативная революция, после письменности и книгопечатания, привела к изменению способов хранения информации. К ним добавились электронные средства фиксации, хранения и воспроизведения информации о пережитом опыте, документальная кинохроника, средства массовой информации. «Эту совместную эволюцию технологии и памяти сегодня часто описывают с помощью понятия «эмергентности», имея в виду процесс, который разворачивается за пределами агентности и контроля по совершенно непредсказуемым траекториям» [4, с. 4].

В-третьих, история второй половины XX века создается уже не только усилиями профессиональных историков. В обществе постмодерна изменился

сам процесс формирования социальных групп, который теперь происходит по принципу участия и сопричастности к какому-либо историческому событию (узники концлагерей, репрессированные, участники и ветераны войны, жители блокадного Ленинграда и т.д.) В процессе изменения и дифференциации, которые происходили в обществе, многократно расширились социальные группы, которые возложили на себя миссию сохранения и воспроизведения коллективного опыта при столкновениях с банальностью массового зла. Исторические исследования не могут более обходиться вниманием свидетельства очевидцев и участников массовых катастроф, опыт которых требует от историка новых методов исследования. «Императив истории <...> вышел далеко за пределы круга профессиональных историков. Не только обычные маргиналы официальной истории оказались захвачены потребностью восстановить свое исчезнувшее прошлое. Все организованные сообщества, интеллектуальные и нет, ученые и нет, а не только этносы и социальные меньшинства, обнаруживают необходимость заняться поисками основ своей собственной организации, разысканием своих истоков» [3, с. 32].

В-четвертых, одна из причин обращения исторической науки к содержанию «исторической памяти» и постановка вопроса о их соотношении связана с тем, что «поколение очевидцев тяжелейших в анналах человеческой истории преступлений сейчас постепенно уходит из жизни» [1, с. 29], поэтому успеть зафиксировать эти свидетельства становится особенно актуальной задачей для историков.

Слово «история» означает и «то, что случилось», т.е. событие, и «рассказ о том, что случилось», который многократно воспроизводился очевидцами и свидетелями события и постепенно обрастал подробностями и деталями трансформируясь в наррацию. Следовательно, история как наука берет свое начало из памяти, а память выступает в качестве первоисточника и основы исторического дискурса. Однако, сама память как феномен, в момент формирования исторической науки, еще не была объектом исследования для историка. «Он был заинтересован непосредственно самими делами, а не

способами их запоминания» [2, с. 135]. Для него были важны сами события, их причины и последствия, но не то, как и почему они запечатлелись в памяти современников. Память для историка еще не имела эвристической ценности, она была только способом сохранения и воспроизведения знания о прошлом.

Разделение памяти и истории произошло только в XIX веке. Это время официально зафиксировано как дата возникновения исторической науки в качестве профессионального дискурса и классической модели исторического исследования. Историописание стало уделом образованной элиты. По мере того, как историческая наука соединяется с метаперспективой и все больше претендует на статус универсального и объективного знания, она все больше удаляется от памяти. В конце XX века история пережила третью историографическую революцию, в результате которой в рамках исторического дискурса была сформирована неоклассическая модель исторического исследования. Для нее характерен «поворот к субъективности», интерес к коллективным представлениям о прошлом и «открытие» микроисторических исследований.

В историографии второй половины XX века произошел так называемый «мемориальный поворот», в результате которого перед историками встал вопрос об изучении массовых обыденных представлений о прошлом, т.е. вопрос об изучении коллективной и автобиографической исторической памяти. В результате запускается процесс сакрализации особенно травматичных событий, а одновременно с ними, сакрализации свидетельств выживших жертв. В связи с этим появляется сложная для исторической науки альтернатива: историзации или сакрализации события и свидетельств их участников. Это привело не только к стиранию границы между созданием профессионального и массового исторического знания, но и к трансформации одной из главных функций исторической науки, связанной с увековечиванием настоящего. В обществе постмодерна она приобретает новое качество и несравненно больший масштаб, поскольку историк встает перед необходимостью выполнения особой социальной миссии – произвести отбор, сортировку и выбор способа хранения,

подлежащего увековечиванию исторического материала. В результате произошедших изменений в обществе постмодерна предметом исследования исторической науки все больше оказывается не историческое событие как таковое, а коллективные представления о прошлом, сконцентрированные в сознании и бессознательных структурах как отдельных людей, так и сообществ: их содержание, способы передачи от поколения к поколению, их функционал.

Изучение исторической памяти требует от историков принципиально других средств изучения, другой метафизической и этической позиции. Эта ситуация порождает ситуацию напряжения и конфликтности в историческом дискурсе.

Память, в отличие от исторического знания, носит прагматически-прикладной характер, она необходима, в первую очередь, для формирования национальной идентичности. Её консолидирующей силой выступает эмоциональная вовлеченность в некоторый общий коллективный опыт, сопричастность которому объединяет народ в нацию. Коллективная историческая память – фундаментальная способность человеческого общества, социальных групп, нации к воспроизводству прошлого. Коллективная память, с одной стороны, содержит устойчивую систему представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании, с другой стороны, подвержена динамическим изменениям. Ей свойственна не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого.

Миссия коллективной памяти по отношению к исторической науке заключается в том, что память обогащает историю ценностными ориентирами, высвечивает наиболее значимые для коллективного сознания события прошлого, история же призвана скорректировать комплекс имеющихся воспоминаний, критически отрефлексировать их.

Таким образом, проделанный анализ вопроса о взаимоотношениях коллективной исторической памяти и исторической науки позволяет сделать следующие выводы:

Механизм взаимоотношений коллективной памяти и исторической науки можно определить через принцип комплементарности. В соответствии с этим принципом память и история, в процессе взаимодействия, могут выполнять свои функции только взаимно дополняя друг друга по содержанию. В то же время они остаются различными по своей сущности. Память и история реконструируют разные аспекты прошлого: история стремится к объективности посредством исторического критицизма и верификации, память формирует ценностное отношение к прошлому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 328 с.
2. Мегилл А. История и память: за и против // Философия и общество. – 2005. – №2. – С. 132-165.
3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17-50.
4. Memory in global age: Discourses, Practices and Trajectories / Eds. A. Assmann, S. Conrad. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. – XIV, 252 p. (Palgrave Macmillan Memory Studies).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОН

Костякова Ю.Б.

Аннотация: Представлен обзор Интернет-ресурсов, которые исследователь может использовать для реконструкции биографий. Особое внимание уделено сайтам архивов, публичных и научных библиотек, краеведческим и сайтам историков, на которых можно обнаружить источники и литературу в цифровом формате. Определены достоинства и недостатки любительских биографических исследований. Выделены преимущества реконструкции биографий профессиональными историками. Приведены примеры использования Интернет-источников из практики автора.

Ключевые слова: Интернет-ресурсы; биографии исторический персон; биографика; периодическая печать.

Воссоздание жизненного пути или отдельных, но значимых фактов биографии людей, живших в прошлом, представляет собой важную составляющую сохранения историко-культурного наследия, как на уровне целой страны, так и отдельной семьи. Этим обусловлен интерес к биографической реконструкции не только ученых, но и непрофессиональных

исследователей – краеведов, педагогов, школьников и др. Многие из них занимаются этим из любопытства, в стремлении восстановить родословную своей семьи или жизненный путь прадеда – ветерана войны. Подобная работа приветствуется и даже стимулируется государством, так как память о прошлом и живших в нем людях составляет основу патриотической триады «человек-семья-страна».

Но желание принять участие в конкурсах и акциях не является главной причиной интереса к реконструкции биографий. Отчасти он обусловлен относительной доступностью источников необходимых сведений и возможностью сделать результаты своего исследования достоянием общественности. Если речь идет о семейной истории и жизни родственников, то основу источниковой базы составляют, как правило, рассказы представителей старшего поколения, фотографии и документы семейных архивов. Базы данных, размещенные в Интернете, здесь используются как вспомогательные ресурсы. В их число попадают, например, оцифрованные Книги памяти жертв политических репрессий или Великой Отечественной войны, различные сайты, на которых можно обнаружить нужные сведения (см., напр., «Память народа», Обобщенный банк данных общества «Мемориал» и др.) или аналогичные воспоминания, использование которых помогает составить общую картину событий и мотивацию поступков их участников (см., напр., сайты «Я помню», «Моя Победа» и др.). Интернет также дает возможность размещать результаты своих поисков, как на сайтах, посвященных конкретному событию, так и на краеведческих порталах. Опубликованные таким образом реконструированные биографии позволяют сохранить память о предках для следующих поколений, иногда – найти родственников, очевидцев, земляков и т. д.

Еще одной причиной популярности биографических реконструкций является их востребованность, активное использование в проведении краеведческо-патриотической работы, в создании местных музеев на уровне отдельного предприятия, города, района, школы. Не умаляя значимости таких

разысканий, отметим все же, что они активизируются в преддверии важных исторических дат, прежде всего, очередной годовщины Победы, к которой приурочиваются информационные кампании, акции и конкурсы. Это, на наш взгляд, сужает круг биографических исследований и их героев. Кроме того, обращение, преимущественно, к устной истории ограничивает хронологические рамки таких работ сроком жизни очевидцев и носителей информации. Свойства памяти человека, различные причины психологического характера зачастую не позволяют создать полноценное биографическое исследование, содержащее верифицированные данные и факты, причинно-следственные связи событий и поступков героев, их портреты в широкой исторической перспективе. Это определяет любительский (краеведческий) характер таких работ и актуализирует обращение к данной теме ученых.

Исследователи (и не только историки) нередко используют просопографический метод, например, для создания коллективного образа современников той или иной эпохи, социальной группы или важной исторической личности. Популярность истории повседневности, локальной, микро-истории стимулирует внимание к биографиям отдельных людей, не отметившихся какими-либо героическими подвигами или государственными деяниями. Это выводит биографику, как специальную науку системы исторических наук (согласимся в этом с И.Ф. Петровской), на одно из первых мест в исторических исследованиях, поскольку она, в отличие от других исторических наук, изучающих результаты деятельности людей, объектом изучения, выбирает «человека в истории, во всех проявлениях его существования, в том числе, его психический мир» [5, с. 12].

Наличие исследовательского опыта и системных знаний о прошлом, способности анализировать получаемую информацию, верифицировать, сопоставлять и систематизировать ее, критический подход к источникам дает ученому важные преференции, в сравнении с историками-любителями. Но это же накладывает на него и определенные обязанности, превращая процесс и

результаты восстановления биографий людей в его своеобразную гуманитарную миссию.

Основу исторического исследования составляют источники. Сложность биографики как науки, изучающей «место личности в истории и всевозможные проявления человеческого существования», нацеленной на постижение «жизни конкретных людей, причастных ко всем областям человеческой деятельности» [2, с. 81], составляет отсутствие «универсальной теории биографического познания человеческого общества». Это дает исследователю возможность обращения к самому широкому спектру источников. Важным также является не только их доступность для ученого, но и даже сам факт их существования, а также присутствие в них искомой информации.

Нередко поиск источников и нужных сведений исследователь проводит непосредственно в архивах и/или библиотеках. Такой подход весьма затратен по времени, требует сосредоточенности и терпения, а также немалых средств, если исследователь вынужден работать в архиве, находящемся далеко от того населенного пункта, где он проживает. Выход архивов в Интернет-пространство существенно облегчил работу историка, сделал доступными описи, списки и характеристики фондов и дел, которые представляют путеводители по архивам, что позволяет заранее, не выходя из дома составить перечень того, что необходимо просмотреть и изучить. Это не устраняет необходимость работы в архиве, особенно, если предметом интереса являются личные дела или персональные фонды, но облегчает ее.

Нередко архивы, как федерального, так и регионального уровня, размещают на своих сайтах электронные варианты сборников проводимых ими конференций, архивных документов, мемуаров, календарей знаменательных дат и других изданий. Их присутствие в свободном доступе, с одной стороны, облегчает работу исследователя, с другой – обеспечивает повышение числа их цитирований. То есть свою выгоду получают все.

Оцифровкой имеющихся в фондах книг и периодических изданий занимаются библиотеки и музеи, в том числе, регионального уровня. Такая

работа ведется, преимущественно, на средства государственных субсидий или грантов. Так, благодаря реализации федерального проекта «Цифровая среда» (в рамках национального проекта «Культура»), библиотеки переводят в цифровой формат редкие книги, обеспечивая доступ к их цифровым копиям всем желающим. На эти же цели средства выделяет, например, Фонд М. Потанина и другие благотворительные организации. Обращение исследователя к таким электронным ресурсам позволяет пополнять личные цифровые библиотеки, быстро находить не только литературу по теме, но и обнаруживать в ней упоминания об интересующей исторической персоне.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают цифровые подшивки «старых» газет. Они весьма востребованы у исследователей, поскольку пресса, как массовый источник, содержит большое количество разнообразных сведений по широкому кругу тем. Ее фронтальный анализ позволяет понять состояние общественной мысли в разные периоды истории, реконструировать вербализированный «образ» эпохи. Но бумажные варианты ветшают, портятся, что заставляет музейных и библиотечных работников ограничивать доступ к ним исследователей. Перевод в цифровой формат решает проблему сохранности таких изданий, облегчает работу с ними, позволяет использовать не только для изучения, но и как иллюстративный (наглядный) материал на занятиях по школьным предметам и вузовским дисциплинам. Среди сайтов, содержащих наиболее крупные собрания, например, периодических изданий Сибири дореволюционного и советского периода (с возможностью их не только просмотра, но и скачивания), можно выделить электронные библиотеки Томского государственного университета (vital.lib.tsu.ru), Новосибирской государственной областной научной библиотеки (elibrary.ngonb.ru), Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края (kraslib.ru), Национальной электронной библиотеки (rusneb.ru) и др.

Не менее ценными ресурсами являются электронные научные библиотеки, на сайтах которых размещаются научные публикации (elibrary.ru, cheloveknauka.com, Cyberleninka.ru и др.). Такие Интернет-ресурсы дают

возможность с определенной долей точности выявить степень изученности темы или биографии конкретного человека. Они также способствуют распространению результатов исследовательской деятельности, развитию научной мысли и расширению возможностей коммуникации и кооперации ученых. Однако в них часто не попадают статьи и сборники мероприятий регионального уровня, не все публикации находятся в свободном доступе. Поэтому дополнением к ним могут служить различные краеведческие порталы, например, «Красное место», посвященный дореволюционной истории Красноярска и Енисейской губернии (krasplace.ru), «Сибирская заимка» – история Сибири в научных публикациях, (zaimka.ru) и др. Еще одним подспорьем служат группы историков в социальной сети ВКонтакте, где условно легально размещается значительный массив отсканированных самостоятельно или позаимствованных с других сайтов книг, статей, фотографий, биографий, плакатов, газет и других материалов.

Даже такой краткий обзор позволяет представить разнообразие, полезность и условия использования Интернет-ресурсов современными историками. Однако наличие таких возможностей получать информацию и источники не гарантирует успех «биографического» проекта. Так, размещение запросов в наиболее популярных поисковых системах позволяет надеяться больше на удачу, чем на гарантированный результат. Более эффективным служит предметный поиск по сайтам архивов и библиотек, постоянный мониторинг новинок в «исторических» группах в соцсетях, формирование собственной цифровой библиотеки и архива. Важное значение также имеет и «научное чутье» историка, способность увидеть и заполнить существующую лакуну в жизненном пути известной исторической персоны или восстановить жизненный путь типичного представителя социальной, профессиональной, национальной и другой группы.

Покажем процесс и результаты использования Интернет-ресурсов в реконструкции биографий на примере собственной работы. Исследование содержания прессы Хакасии (в советский период – Хакасская автономная

область, с 1991 г. – Республика Хакасия) с целью получения комплексных сведений о развитии средств массовой информации автономии в годы Великой Отечественной войны, заставило обратить внимание на публикации корреспондента Веры Бабич в областной русскоязычной газете «Советская Хакасия». Размещение на сайте Национальной библиотеки им. Н. Г. Доможакова оцифрованных копий данного издания дало возможность провести более тщательный анализ газеты и выявить 54 ее публикации. Их отличительными чертами были: 1) своеобразный запоминающийся слог, 2) ярко выраженный авторский стиль – не характерный для материалов местных журналистов, 3) взгляд на провинциальную действительность с позиции жителя большого города, 4) отсутствие упоминания данной фамилии в штатных расписаниях местных газет 1930-1940-х гг. Совокупность данных особенностей позволила предположить, что данный автор являлся представителем творческой интеллигенции, преимущественно, ленинградской, эвакуированной в Сибирь в военный период. Такой вывод стимулировал обращение к Интернет-ресурсам и поиск упоминаний о В. Бабич в источниках, посвященных Ленинграду, писательской, литературной и журналистской среде.

В результате сопоставления сведений, собранных на библио- и биографических писательских сайтах, а также в электронных копиях справочников (напр., «Писатели Ленинграда: библиографический справочник (1934-1982 гг.)»), удалось идентифицировать журналиста военной поры В. Бабич как известную (в будущем) советскую писательницу Веру Федоровну Бабич, автора ряда произведений, в частности, популярной в свое время повести «Хозяйка леса», многократно переизданной и адаптированной для постановки на театральной сцене. Сведения о ее нахождении во время войны в Хакасии и работа в областной газете в качестве корреспондента отсутствовали в официальной биографии литератора.

Собранные материалы и результаты анализа ее публикаций в «Советской Хакасии» позволили подготовить раздел в монографии [3] и ряд статей (в т. ч. в соавторстве со студенткой В.С. Титовой) [4, 6]. Выступления с докладами на

научных конференциях, конкурсах и в эфире городского радио заинтересовали одного из авторов телепроекта «Хакасия в годы Великой Отечественной войны» (ГТРК «Хакасия») В. Лушникова. Его обращение в Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга позволило получить дополнительную информацию о В. Бабич из фонда Ленинградского отделения Союза писателей СССР и заинтересовать участием в телепроекте заведующую отделом использования документов ЦГАЛИ СПб Н.В. Деменкову. В заметке, размещенной на сайте данного архива, констатировалось: «Кто такая Вера Бабич, первыми узнали историки Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, они идентифицировали ее как ленинградскую писательницу Веру Бабич. В дальнейшем эти сведения удалось уточнить в ЦГАЛИ СПб, благодаря найденной рукописной автобиографии»[1]. Так исследовательское любопытство помогло восстановить важный фрагмент жизни литератора в период Великой Отечественной войны.

Еще один пример продуктивного использования Интернет-ресурсов в реконструкции биографий касается личности первой женщины–редактора Хакасии К. Громовой. Очевидцев военной поры, которые бы помнили ее, среди журналистов-ветеранов обнаружить не удалось. Анализ документов, отложившихся в фондах Национального архива Республики Хакасия (штатное расписание редакции, анкеты, приказы, постановления обкома КПСС и проч.), позволил обнаружить лишь формальные сведения о журналисте, возглавлявшей областное издание в 1940-1943 гг. Ее воспоминания, опубликованные в газете «Советская Хакасия» в 1982 г., были подписаны двойной фамилией – К. М. Громова-Тарасенко. Это позволило расширить поисковые запросы и обнаружить в Электронной энциклопедии Томского государственного университета сведения о семье декана Международного факультета управления данного вуза, доктора технических наук, профессора, члена-корреспондента Академии естественных наук России Феликса Петровича Тарасенко. В тексте упоминалось о его матери, которая в годы войны возглавляла редакцию «Советской Хакасии». Статьи Ф. П. Тарасенко, обнаруженные нами в научной

электронной библиотеке elibrary.ru, позволили установить адрес его электронной почты. В ответ на нашу просьбу, он написал подробный рассказ о своей семье, судьбе родителей, прежде всего, матери, сообщил ряд интересных фактов о ней, о трудовой и общественной деятельности в послевоенный период, о наградах и достижениях. Эти сведения позволили дополнить образ талантливого журналиста и редактора предвоенной и военной поры, созданный на основе анализа разрозненных архивных сведений и ее газетных публикаций.

Приведенные примеры показывают, что использование Интернет-ресурсов в реконструкции биографий может быть весьма продуктивным. Однако работа только с такими источниками не гарантирует успешный результат. Они могут ускорить процесс поиска необходимой информации, получение ее в удобном для дальнейшего использования цифровом формате, открывают доступ к литературе, к источникам личного происхождения, иногда – к архивным документам, но не являются самодостаточными. Чтобы избежать компиляции уже имеющихся сведений о жизненном пути исторической персоны, в основу исследования должны быть положены результаты собственных изысканий, анализа источников, прежде всего, ранее не введенных в научный оборот. Интернет-ресурсы могут дать подсказку, указать направление поисков, дополнить уже созданный исследователем портрет героя. Такой подход к их использованию определяет самостоятельность, научную новизну и практическую ценность исследования, посвященного человеку в истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета в годы войны // Архивы Санкт-Петербурга. – https://spbarchives.ru/cgali_events/-/asset_publisher/xaN3/content/-gazeta-v-gody-vojnuy-inheritRedirect=false (Дата доступа 20.03.2021)
2. Вахромеева О.Б. Биографика как вспомогательная историческая дисциплина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – №3. – С. 81-83.
3. Костякова Ю.Б. Медиакультурное пространство Хакасии в годы Великой Отечественной войны. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», 2012. – 180 с.
4. Костякова Ю. Б., Титова В. С. Повседневная жизнь в тылу в 1944 г. (по публикациям В. Ф. Бабич в газете «Советская Хакасия») // Россия будет прирастать Сибирью: матлы Всерос. науч.-практ. Конф. (г. Сургут, СурГУ, 4 дек. 2015 г.). – Сургут: Изд. центр СурГУ, 2016. – С. 81-89.

5. Петровская И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 годов. Изд. второе, испр. и доп. – СПб.: Изд. Дом «Петрополис», 2010. – 384 с.

6. Титова В.С. Особенности журналистики Хакасии военных лет (на примере публикаций В. Бабич) // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур. мат-лыМеждунар.науч.-практ.конф., посвящ. 80-летию со дня рождения первого декана факультета журн-ки Казанского ун-та Флорида Агзамова. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2016. – С. 97-102.

ИСТОРИОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ «КУЛЬТУРОЛОГИИ»*

Малинов А.В.

Аннотация: В статье рассматривается понятие «культурология», которое Н.И. Кареев по аналогии с социологией предложил в не опубликованной работе «Общая методология гуманитарных наук» (1923) в качестве обозначения науки о явлениях духовной жизни. Отмечается связь неологизма «культурология» с социологическими и философско-историческими исследованиями Кареева. Указывается, что культурные факты ученый считал проявлением внутреннего мира человека, поэтому истоки явлений культуры он видел в «интерментальной психологии». В то же время изучение культуры было важным элементом как чисто исторических, так и философско-исторических исследований ученого, поскольку «духовная культура», с одной стороны, является важным объединяющим социальным фактором, а, с другой стороны, взаимодействие культур выступает источником социально-исторического развития.

Ключевые слова: культурология; социология; философия истории; Кареев; интерментальная психология.

Первенство термина «культурология» оспаривают между собой химик и натурфилософ В. Оствальд, который впервые употребил его в 1913 г., и американский антрополог Л. Уайт, использовавший его в цикле лекций, прочитанных в 1931 г. в Мичиганском университете. Однако можно указать на еще один источник происхождения термина «культурология» в значении науки о культуре. В 1923 г. Н.И. Кареев подготовил к печати в издательстве «Наука и школа» книгу под заглавием «Общая методология гуманитарных наук», работа над которой, вероятно, началась в 1919 г. в связи с предполагавшимся чтением в Петроградском университете курса лекций «Методология общественных наук». В том же году Кареев вынужден был уехать с семьей в деревню из голодного Петрограда и смог прочитать этот курс только в 1922 г. [1, с. 285]. Лишенный необходимых архивных источников и литературы для продолжения

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ (№ 19-09-00109\19).

исторических исследований, Кареев во многом вынужденно обратился к разработке теоретических вопросов социальных наук. В эти годы он написал три книги: «Общие основы социологии», «Основы русской социологии» и «Общая методология гуманитарных наук». Первая из них была опубликована в издательстве «Наука и школа» в 1919 г., вторая – была издана стараниями И.А. Голосенко в 1996 г., а третья – была запрещена цензурой, несмотря на то, что первые три главы уже были набраны в типографии [См. подр.: 2]. Впрочем, запрет не сильно отразился на жизни Кареева, хотя возможности издавать книги, действительно, сократились. Ученый все же сумел найти общий язык с властью. «Н.И. Кареев более или менее успешно “встроился” в новую реальность именно потому, что всегда демонстрировал если не идейную, то социальную лояльность к новым властям» [3, с. 205]. Полный текст рукописи «Общей методологии гуманитарных наук» отложился в фонде ученого в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 1-15). «Общая методология гуманитарных наук» обнаруживает сходство с «Общими основами социологии» как по структуре текста (главы, разбитые на параграфы со сплошной нумерацией) и отчасти содержанию, так и по догматичности изложения (Кареев полностью опускает историографию вопроса и не приводит цитат). Книги готовились Кареевым с учебными целями, поэтому он счел возможным не указывать существующую литературу (в это время ему все равно не доступную, и отсылая к своим прежним работам, в которых, эта литература была представлена), принеся ее в жертву дидактическим целям.

В шестой главе «Теоретические гуманитарные науки» в § 359 он писал: «Социология по самому замыслу своему должна быть синтезом теорий специальных гуманитарных наук и тех критически оправдываемых положений, которые выработаны в односторонних ее настроениях, о которых вкратце было сказано (§§). Какие же специальные науки синтезируются в социологии? На этот счет существует два понимания социологии, одно более тесное, какое все время и нами имеется в виду, другое же более широкое. Первое захватывает

только те круги явлений, которые сводятся к практическим взаимодействиям между людьми в их общественной жизни и к объективным результатам этого взаимодействия в существовании народного хозяйства, права (с обычаями и нравами), государства, ко всему, что можно назвать общественным порядком, строением, организацией. Все, что не подходит под эти понятия, вся техническая и духовная культура, не включается поэтому в круг непосредственного ведения социологии. Тут мы имеем дело не с поступками, не с поведением людей, как первичными элементами общественных явлений, а с их внутренними, хотя бы и массовыми, коллективными переживаниями и с их взаимодействиями, не переходящими в поступки, на почве чего и вырастает вся духовная культура (и техническая также, поскольку дело идет о знаниях, умениях, навыках отдельных людей). По аналогии с социологией общее, номологическое изучение духовной культуры могло бы быть названо культурологией, которую можно мыслить или как составную часть социологии, или как отдельную науку, стоящую между психологией и социологией, или как часть самой психологии, но понимаемой не в узком, индивидуальном смысле (§). Это на практике довольно безразлично, но лучше, может быть, стать на среднюю из трех указанных точек зрения и признать “культурологию” за составную часть *коллективной психологии*» [4, л. 50-51]. Надо заметить, что в своих исторических работах Кареев обязательно рассматривал не только политические, но и культурные факты эпохи. Его особенно интересовал вопрос взаимодействия культур, в котором он видел один из источников исторического развития [5].

В «Общей методологии гуманитарных наук» Кареев во многом подводил итог своим исследованиям в области социологии, философии и методологии истории. Как известно, он нередко отождествлял социологию с теорией исторического процесса (историологией), на разработке которой подробнее всего останавливался в своем творчестве. Здесь он, в частности, уточнял, что социология как синтетическая наука имеет дело с разнообразными общественными явлениями, которые изучаются конкретными науками

(историей, политической экономией, правоведением, государствоведением). Социология заимствует из этих наук установленные факты и обоснованные обобщения, опираясь на которые пытается вывести законы общественной жизни. В отличие от перечисленных дисциплин социология является наукой номологической, в то время как частные социальные дисциплины являются науками феноменологическими, т. е. изучающими явления или, по словам Кареева, «внешние отношения» социальной жизни. Однако остается еще значительная область общественных явлений, столь же объективных, но отражающих внутренний мир человека или его психологию. Науку, изучающую эти явления и их закономерности, он и предложил назвать культурологией. То, что «духовная культура содержится во внутреннем мире» [4, л. 51] вовсе не означает ее непознаваемость. Внутренний мир можно изучать посредством самонаблюдения, поэтому познаваемые истоки культуры надо искать, по выражению Кареева, в «интерментальной психологии». К ее «культурологическом отделу» относится изучение «таких явлений, как язык, религия, поэзия, философия, наука и т. п. <...> Эти изучения складываются в специальные теории, которые также становятся на разные точки зрения и пользуются разными методами. Например, общее языкознание может изучаться с физиологической, акустической, психологической, грамматической точек зрения и при помощи таких методов, как сравнительный и даже экспериментальный (в фонетике). В общей теории религии одно – исследование того, что называется теперь “религиозным опытом”, т.е. известных психических переживаний, другое – сравнительное изучение мифов, догматов, обрядов, не говоря уже о том, что религиозная организация, называемая в христианстве церковью, относится к предметам государствоведения и следовательно социологии. Все главное, что было сказано вообще о специальных общественных науках, может быть распространено и на такие же науки о духовной культуре (например, об отрешении их от связи с метафизикой, где она имела место, о необходимости психологических

предпосылок, а где нужно, и абстрактно-дедуктивных построений, о сравнительно-историческом методе и т.п., о чем см. §§)» [4, л. 52-53].

Итак, согласно Карееву, «вся культура имеет свое происхождение в психических переживаниях людей <...> Вся культура, начиная языком и кончая государством, имеет прямо психическую природу» [4, л. 14]. В «Общих основах социологии» он утверждал, что явления культуры в узком значении «духовной культуры» (язык, словесность, художественное творчество и т. п.) составляют предмет коллективной психологии [6, с. 116-117]. Культурология должна стать такой же номологической наукой, как и социология, т.е. раскрывающей законы культурных явлений, поскольку «культура состоит из естественных явлений, совершающихся законосообразно и доступных такому же познанию, как и явления природы» [4, л. 13]. Психическая основа таких явлений не должна смущать исследователя; он изучает объективированные проявления психики, которые доступны наблюдению и описанию. Культурология постигает явления духовной культуры, т. е. имеет дело со смыслами, выраженными в первую очередь в произведениях искусства. Надо заметить, что именно такое понимание культурологии и закрепилось в отечественной традиции, а не ее антрополого-этнографическое истолкование Л. Уайтом или энергетическое – В. Оствальдом. Учение В. Оствальда было популярно в России в начале XX в. Его работы регулярно переводились на русский язык и можно предположить, что Кареев был с ними знаком. Российское происхождение В. Оствальда и общая ориентация российской науки на достижения немецких ученых только укрепляли интерес к его учению. Однако Кареев, скорее всего, избежал увлечения энергетизмом. По крайней мере, прямых ссылок на философию энергетизма у него нет. Это тем более примечательно, что даже его коллега, А.С. Лаппо-Данилевский, отдал дань философии В. Оствальда, предложив учение о социокультурном энергетизме, хотя и не решился его обнародовать [7, с. 146-160].

Сорок лет разделяет первую крупную работу Кареева по философии истории – «Основные вопросы философии истории» и «Общие основы

социологии». Обращение Кареева и историков его поколения к философии объясняется развитием самой историографии, ищущей в это время оправдания своего научного статуса. История является наукой, поскольку изучает и объясняет явления общественной жизни. Эволюция философских поисков обоснования историографии в направлении социологии и методологии была вызвана, с одной стороны, стремлением поставить историю в один ряд с науками естественными, а с другой, – показать методологическую специфику познания исторических явлений, которые, в отличие от природных процессов, недоступны непосредственному наблюдению. Для Кареева, как и для других последователей позитивизма, в целом был характерен поливариантный взгляд на историю [8, с. 130]. Он в широком смысле толковал «гуманитарные науки», включая в них и науки об обществе. Научное изучение гуманитарных дисциплин, считал историк, стало возможным с распространением в них исторического подхода и, как следствие, сравнительно-исторического метода. Кареев фактически приравнивал историческое изучение в гуманитарных дисциплинах к эмпирическому, поскольку основные факты в них черпаются из историографии. «Историческое понимание действительности, вырабатывающееся философией и наукой XIX века, – писал он, – можно считать одним из важных приобретений новейшего времени» [9, с. 909].

Различая предметы социологии и культурологии, Кареев, тем не менее, признавал, что, с одной стороны, право, государство, экономика также являются частью культуры (социальная культура), а с другой стороны, духовная культура выполняет важную социальную функцию объединения людей на основе общего языка, верований, идеалов, ценностей и т. п. «Общественное мирозерцание эпохи и его выражение в догматической идеологии – важные факты социального развития, существующие не только в мыслях, но и выражающиеся в поступках и отношениях», – констатировал ученый [6, с. 123]. Кареев по аналогии с социологией вводил понятие культурологии. Однако новое понятие было далеко не самоочевидным, оно требовало дополнительного обоснования и наполнения его конкретным

содержанием. Кареев здесь явно продемонстрировал пример проективного мышления [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – Л.: ЛГУ, 1990.
2. Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922-1924) // Вестник архивиста. – 2012. – № 1. – С. 239-245.
3. Тихонов В.В. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914-1931 гг. Исследования и материалы. М., 2015 // Новая и Новейшая история. – 2016. – № 2. – С. 204-205.
4. Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 119. К. 39. Д. 7.
5. Михайлова Е.Е., Соболева Н.А. Н.И. Кареев о диалоге культур в русле воззрений западноевропейских философов XVIII-XIX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 3 (53). – С. 150-161.
6. Кареев Н.И. Общие основы социологии. – Пг.: «Наука и школа», 1919.
7. Малинов А.В. Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. – СПб.: РХГА, 2017.
8. Михайлова Е. Смысловая значимость славянофильства в оценке К.Д. Кавелина // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. – 2017. – № 2. – С. 129-135.
9. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Том V. История Западной Европы в средние десятилетия XIX века (1830-1867). – Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1916.
10. Рыбас А.Е. Жить и мыслить в пределах возможного. О «Проективном словаре» М.Н. Эпштейна // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. – 2018. – № 2. – С. 159-188.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИЗЛОЖЕНИЯ

ИСТОРИИ НАУКИ

Мапельман В.М.

Аннотация: рассматриваются вопросы современных подходов к историческому знанию, способов его формирования и интерпретации. Выделяются особенности философских аспектов истории и разновидностей её реализации в научном познании. Дается оценка вариантам представления истории научного знания (естественных и гуманитарных наук) в учебной и популярной литературе.

Ключевые слова: наука; история как процесс; историческая наука; философия; провиденциализм; историография; философия истории.

Определение времени появления науки в истории культуры общества – вопрос до сих пор дискуссионный. В наши дни настойчиво внедряется и распространяется мысль о том, что наука как особый культурный феномен возникла только в XVII веке. Именно этим периодом ограничивается и её популярная в настоящее время периодизация, которая, по сути дела,

представляет собой попытку свести всю историю научного знания исключительно к его современной модификации. Однако прослеженные во времени теоретические систематизированные знания о процессах, событиях, явлениях и отдельных личностях, существовали, начиная с античности, и представляли собой по сути дела начальную стадию истории науки.

Так, например, один из основателей исторической науки Фукидид (V в. до н.э.), смотрел на теоретические знания о происходящих событиях, как на «достояние навеки». По его мнению, они должны были содержать точные, тщательно проверенные сведения и «кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде)» [12, I, п. 22], сможет ими руководствоваться. Не случайно современные учёные утверждают, что данные «Фукидида заслуживают полного доверия, если учесть, что современная историческая наука не нашла у него ни одного передаваемого им факта, который оказался бы недостоверным или искажённым» [8, с. 7].

Именно Фукидид заметил что «история – это философия в примерах». Действительно в этот период времени философия, сумев обособиться от мифологии и религии, и сформировавшись в качестве новой формы мировоззрения, представляла собой единую космоцентрическую систему (от др.-греч.κόσμος – универсальная гармония), стремящуюся описать мир таким, какой он есть, то есть целостным, в том числе и в своём историческом развитии. Не было ни одного направления в накапливаемых человечеством знаниях, которое могло бы быть реализованным, не будучи предварительно встроенными в эту общую картину «любви к мудрости», то есть в философию.

Однако со временем процесс специализации и дифференциации наук набирал темпы. Науки не только дробились и отделялись, но и обособлялись друг от друга. При этом более уважаемый статус в обществе получали те из них, которые что-то могли предложить материальному миру. Сначала эта роль сосредоточилась на естествознании, которое довольно энергично становилось

«служанкой» промышленного производства. Затем разработки как общетеоретического, так и социального планов сузились до технических инноваций. Техницизм, востребованный буржуазными взаимоотношениями, при оценке достижений научных исследований способствовал провозглашению их экономических параметров как приоритетных.

Наука, не просто стала стремиться соответствовать своей новоприобретенной характеристике, быть «производительной силой», но и всё более сосредотачивалась на собственной возможности быть областью вложений капитала и обеспечивать его прирост. Знания, способные дать оперативную практическую (денежно измеряемую) отдачу, оставались общественным мнением в лоне наук, а вот остальные объявлялись спорно научными. Технические (особо информационные), естественные (физические, химические, биологические и др.), психологические, экономические знания и в наши дни квалифицируются как научный авангард. При этом, функционирование наук этих профилей своими особенностями начинает напоминать производственный процесс: централизацией управления, коллективностью творчества, усугубляющейся специализацией, исследовательской деятельностью «под заказ», нацеленностью на эффективный конкретный практический результат.

Даже требования к научным публикациям, утвердившиеся в западной традиции, напоминают схемы технических отчётов, нацеленных на конкретный практический эффект. Они должны представлять собой строго регламентированный и расположенный набор разделов; заранее прописывать выводы, теоретическое обоснование которых будет дано в дальнейшем; ссылаться на прикладную, якобы экспериментальную, их проверку; быть насыщены схемами, таблицами, графиками, классификациями, формулами, диаграммами; изложены на предписанном языке (в наши дни обязательно на английском). Да и сами международные критерии оценки эффективности научного творчества (рейтинги университетов, критерии определения научной состоятельности отдельных учёных) вообще к специфике творческой

исследовательской деятельности (и тем более к учёту специфики её отдельных направлений) имеют крайне отдаленное отношение.

При этом важно помнить, что в античной науке человек (правда, это был не любой индивид) и природа, да и весь окружающий мир, не противостояли друг другу. У человека, вступающего в жизнь, как природное существо, были возможности со временем стать «мерой всех вещей». Основой для этого должны были быть знания о мире в целом, о своём месте и роли в нём. Современная же наука, начиная с начала своего становления (XVI-XVII вв.), провозгласив человека венцом и господином природы, всегда стремилась к энергичному «преобразованию» естественной среды в угоду его растущим потребностям.

Результаты подобным образом сориентированной научной деятельности не сложно отцифровать, запрограммировать, ввести в стандарт. На этой базе довольно просто наплодить «умные дома» и «искусственный интеллект», которые вообще имеют довольно отдаленное отношение, как к «уму», так и к «интеллекту». Кроме того, можно пообещать, что с помощью биотехнологий, геной и гено-молекулярной инженерии, нанотехнологий, микро-робототехники, информатики и молекулярной кибернетики, позволяющих управлять естественными функциями организма, возможно создать аналогичный, но искусственный разумный персонаж. У этого творения вообще не должно быть никаких проблем: ни физических, ни интеллектуальных, ни эмоциональных, ни духовных, ни нравственных, ни эстетических, ни культурных, ни познавательных, ни творческих. Это всё обеспечивается внешним управлением, «фабрикующим мысли» (И.-В. Гёте).

Последствия подобного развития событий были замечены довольно рано. Так поэт М. Волошин ещё в 1922 году писал: «Машина научила человека / Пристойно мыслить, здраво рассуждать. / Она ему наглядно доказала, / Что духа нет, а есть лишь вещество, / Что человек – такая же машина, / Что звёздный космос – только механизм / Для производства времени, что мысль – / Простой продукт пищеваренья мозга, / Что бытие определяет дух, / Что гений –

вырождение, что культура – / Увеличение числа потребностей,/ Что идеал – / Благополучие и сытость, / Что есть единый мировой желудок / И нет иных богов, кроме него» [6, с. 338-339].

Однако на пути этих претензий и стремления их реализовать встают науки гуманитарные и социальные. Технология их реализации, принципы, методология, методы и приёмы исследований обладают собственной спецификой. Именно эти их несовпадения с технологиями естественных и технических наук ставятся в упрёк гуманитарному знанию, которое настойчиво пытаются вывести за границы науки. Однако они всё-таки имеют свои объекты исследования, которые не осваивают в их своеобразии и полноте ни естественные, ни технические, ни точные науки (если только не подвергнуть их методологию радикальной вульгаризации).

Все отдельные науки имеют свои области (или ракурсы) исследования и именно характер действующих в них взаимоотношений сказывается на особенностях постижения происходящих в них процессов и явлений. Генерируемые ими знания имеют свою историю, сопровождающуюся разнообразными теоретическими операциями: пополнением, изъятием, отказом, исправлением, пересмотром, усложнением, упрощением, уточнением и т.д.

Таким образом, история это, с одной стороны, процессы становления, развития и видоизменения в *человеческом обществе* во всей его многокачественности, поликультурности и полноте (в том числе и временной), а, с другой стороны, это наука, изучающая данный процесс. История играет роль *социальной* памяти. Она не только консолидирует опыт всех прошлых поколений, но и вскрывает объективные закономерности, духовный и культурных смысл исторического процесса. Возможно, поэтому постижение истории не может осуществляться по одному сценарию, а реализуется различными способами.

Первый из них провиденциалистский (религиозно-мифологический), когда все исторические события объясняются не просто вмешательством сверхъестественных сил, но и проявлением через них высшего Промысла,

осуществлением заранее предусмотренного плана. Именно на этом подходе базируется целый ряд исторических построений: поиски смысла истории и её цели; представления о судьбах мира и фатальности будущего; уверенность в начале и конце света; допустимость надысторических, сверхчеловеческих идеалов, ценностей и образцов; попытки проектирования путей спасения человечества. Этот способ является самым старым и довольно распространенным, в том числе и среди представителей научного (прежде всего естественнонаучного) знания.

Второй способ обычно называют историографическим (субъективистским). С точки зрения этого подхода всё случившееся в истории связывается с деятельностью отдельных людей (локальных групп), организаторов и участников конкретных событий, с их поведением и поступками. Он базируется на свидетельствах, рассказах, воспоминаниях, материалах, документах, артефактах. Тщательный, дотошный, честный и добропорядочный историк их проверяет, сравнивает, сопоставляет, систематизирует. В рамках этого способа причины поведения конкретных людей соотносятся с особенностями их характера, экономическими и культурными условиями жизни, географическими или бытовыми обстоятельствами существования. Этот способ является наиболее распространенным в системе образования, когда историческая наука предстаёт в виде рассказов о жизни исторических личностей и событиях связанных с их поведением (в основном сосредоточенных в политической области) в как бы застывшем прошлом. Он способен нести на себе серьезный отпечаток идеологических пристрастий эпохи и личностных позиций исследователей.

Третий способ можно назвать философско-историческим (историософским), с помощью которого предпринимаются попытки рассмотрения исторического процесса как единого и многомерного, прежде всего, с позиции его разумности и обусловленности социальными причинами. В рамках его реализации возможны разные подходы: линейный, круговой, спиралевидный; циклический и уникальный; цивилизационный, формационный,

синергетический, мир-системный [7]. И в рамках каждого из них можно проследить стремление представить процесс жизни и деятельности социума на нашей планете в целостности и в движении. В динамике выступает и прошлое (способное повториться и проявиться) и будущее (уже, возможно, неоднократно наступавшее).

Все особенности существования науки отражаются и на изложении её истории. Однако сама наука далеко не едина. В образовании обычно ограничиваются подразделением наук на естественные (о природе) и гуманитарные (о человеке). Тем не менее, важно помнить, что существуют ещё науки технические, которые не совпадают с естественными (хотя тесно с ними контактируют); социальные науки, сосредоточенные на изучении общества (но не человека); точные науки, исследующие абстрактные построения и операции с ними (например, математика).

При изложении истории естественнонаучного знания, необходимо учитывать, что у самой природы истории нет, а вот у естествознания она существует. Природа пребывает и развивается в условиях физического времени, а естествознание свою реализацию осуществляет в условиях времени исторического. Его особенности очень мудро охарактеризовал ещё Августин Блаженный (IV-V вв.): это настоящее прошлого (воспоминание), настоящее настоящего (созерцание, чувство жизни) и настоящее будущего (ожидание и надежда) [4, кн. 12, гл. XIII], то есть, это выход в вечность.

Итак, что же характерно для современного изложения истории науки?

Во-первых, это неоднозначная её периодизация. Она обычно даётся в соответствии с самой распространённой в исторической науке градацией: античность, Средневековье, Возрождение, Новое и Новейшее время. Ряд источников выделяют ещё и период появления теоретического знания, называя его преднаучным или донаучным и имея ввиду такие формы знания как обыденно-практическое, мифологическое, художественно-образное, символическое, игровое, религиозное, «народную науку». В средневековом периоде нередко речь идёт об особенностях развития научного знания на

Востоке и Западе. А вот начиная с XVI-XVII веков, изложение истории науки сосредотачивается на её непосредственном протекании, то есть на современном развитии научного знания (этапы: классический, неклассический, постнеклассический) [например, 9]. На хронологию этих периодов обычно и «накладывается» хронология научных открытий и достижений.

Однако нам кажется, что заслуживает внимания и другой вариант периодизации истории науки. Он базируется на явлениях принципиальной революционной перестройки организации и функционирования теоретического знания, вызванных принципиальной сменой стиля мышления, господствовавшего в тот или иной исторический период. По этому основанию можно выделить четыре этапа в развитии истории науки.

Космоцентрический этап (VI в. до н.э. – V в. н.э.), для которого было характерно господство единого нерасчлененного теоретического знания; поиск структурного первоначала мира; определение уникальности каждой составляющей мироздания; встраивание любого научного знания в существующие обобщённые картины мира; сосредоточение на познании сути человека и его нравственного предназначения. Это сопровождалось формированием научных школ, появлением календарей, энциклопедий, справочников, научных описаний, карт, созданием библиотек и музеев как исследовательских и образовательных центров.

Теоцентрический этап (VI-XV вв.), когда господствовала логическая, абстрактная, теоретическая культура. Для неё характерным было сосредоточение теоретического знания на соотношении веры и знания; формирование представлений о предельных идеалах истины, добра и красоты; рассмотрение вопросов о соотношении мира земного с миром небесным. Благодаря этому, с одной стороны, получили развитие алхимия, астрология, натуральная магия как промежуточные звенья между натурфилософией и ремеслом, а, с другой стороны, энергично создавались и развивались университеты как независимые центры исследований и образования. В них отлаживались технологии обоснования, систематизации, комментариев,

определений, доказательств и опровержений знаний в ходе диспутов, полемики и дискуссий.

Антропоцентрический этап (XIV-XVI вв.) можно считать периодом становления и распространения опытной науки. С этого времени в научной среде энергично усваиваются принципы пантеизма (растворение Бога в природе) и гуманизма; закладываются основы современного естествознания; формируется новая приоритетная (естественнонаучная) картина мира; начинает складываться взгляд на мир, как на живой организм, и на человека как часть природы, создателя истории и носителя языка; принципиально обновляется образ идеального общества (утопии). В это время происходит энергичная дифференциация и специализация наук, начинают делать первые шаги технические науки.

Социоцентрический этап (XVII в. – до настоящего времени). Несмотря на бурные процессы обновления в науке, в ней сохраняется ряд общих признаков: стремление к получению объективных знаний; секуляризация науки; объединение в научной деятельности исследовательской, прикладной и академической составляющих; допущение в научное знание принципов вероятности, дополнительности и относительности; выработка общенаучных методов познания; признание влияния на научное знание личностных качеств учёного и ценностных ориентаций общества; концентрация прогностических теоретических построений на вопросах прогресса в естественных, технических и экономических науках.

Во-вторых, в современном изложении история науки практически согласовывается не с историей общества и не с историей культуры, а исключительно с историей техники [1; 5; 10]. В связи с этим, вся информация о событиях в научной сфере сосредотачивается на природной и технической областях. История науки сжимается до истории естествознания, которая предстаёт перед читателем в виде списка научных открытий и технических изобретений, расположенных в хронологическом порядке с учетом сферы своего проявления.

В-третьих, изложение истории науки обычно бессистемно и минимально детерминированно. Оно выглядит как серия озарений [2] отдельных гениев. При этом отбор открытий и имён для упоминания осуществляется авторами публикаций (или авторами-составителями), которые никак не объясняют резоны собственных предпочтений, не исследуют причины, основания и обстоятельства достижений, о которых они ведут речь.

В-четвёртых, изложение материалов по истории науки в основном осуществляется в жанре научно-популярной, а не научно-исследовательской литературы. Более того, они довольно часто включают в себя публицистические заметки образованных и культурных людей, которые сопровождаются ссылками на те или иные «выдернутые» из контекста истории науки события. Собственная осведомленность авторов и убежденность в приоритетности личной точки зрения приводит к тому, что они нередко категорически декларируют свою позицию как научный вывод, хотя не приводят для этого убедительных доводов [13].

В-пятых, довольно немногочисленные попытки включить в изложение истории теоретического знания науки гуманитарные и социальные заканчивают их ограничением экономических, политических, психологических и социологических сведений. Одним словом, внимание привлекается лишь к тем наукам, которые являются наиболее близкими по функционированию к естествознанию, при полном забвении всех остальных систем знаний данных направленностей [11].

В-шестых, авторы работ по истории научного знания, в подавляющем своём большинстве, являются представителями естественных или технических наук. Рецензии и отзывы на такие работы запрашиваются у их коллег той же профильной ориентации. Однако плодотворное исследование по истории науки по силам либо комплексному хорошо согласованному в своей деятельности коллективу, либо высокообразованному, культурному, свободному от профессиональных пристрастий исследователю. Пока наиболее близкий к этим

требованиям труд удалось осуществить, по нашему мнению, только британскому физику и социологу науки Джону Десмонду Берналу [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцев А.В., Моргачёв В.О., Паршин В.Д., Ушкалов В.А. История науки и техники. – Ростов н/Д.: Феникс, 2013. – 173 с.
2. Байнум У. Краткая история науки. – М.: Эксмо, 2019. – 384 с.
3. Бернал Дж. Наука в истории общества. – М.: Иностранная литература, 1956. – 736 с.
4. Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. – М.: Харвест, 2000. – 1296 с.
5. Виргинский В.С., Хотеев В.Ф. Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV века. – М.: Просвещение, 1993. – 288 с.; Виргинский В.С. Очерки истории науки и техники XVI–XIX веков. – М.: Просвещение, 1984. – 287 с.; Виргинский В.С., Хотеев В.Ф. Очерки истории науки и техники, 1870-1917 гг. – М.: Просвещение, 1988. – 304 с.
6. Волошин М.А. Избранное. – СПб.: Диамант, 1997. – 448 с.
7. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. – М.: Логос, 1995. – 144 с.
8. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. – М.: Мысль, 1972. – 312 с.
9. Лебедев С.А., Рубочник В.А. История науки. Философско-методологический анализ. – М.: МОДЭК, 2011. – 352 с.
10. Надеждин Н.Я. История науки и техники. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 621 с.
11. Соломатин В.А. История науки. – М.: ПЭР СЭ, 2003. – 352 с.
12. Фукидид. История. – М.: Академический проект, 2018. – 575 с.
13. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2019. – 512 с.; Харари Ю.Н. HomoDeus. Краткая история будущего. – М.: Синдбад, 2018. – 496 с.; Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. – М.: Синдбад, 2020. – 416 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКОВ ПРАВА КИЕВСКОЙ ШКОЛЫ

Михальченко С.И.

Аннотация: Статья характеризует один из аспектов методологии историко-правовой ветви киевской школы историков конца 19 – начала 20 в., а именно использование ими сравнительно-исторического метода. Приводятся доводы представителя школы Н.А.Максимейко в пользу широкого использования метода. На конкретных примерах показывается, как использовался метод в исторических трудах И.А.Малиновского, Н.А.Максимейко, М.Н.Ясинского.

Ключевые слова: киевская школа историков; Максимейко Н.А.; Ясинский М.Н.; Малиновский И.А.; сравнительно-исторический метод.

Существовавшая в конце 19 – первой трети 20 в. школа западно-русского права – подразделение общей киевской школы историков, представленная ее основателями профессором Киевского университета Св. Владимира М.Ф. Владимирским-Будановым и профессором Новороссийского и затем Варшавского университетов Ф.И. Леонтовичем и их учениками М.Н. Ясинским,

Г.В. Демченко, И.А. Малиновским, Н.А. Максимейко, А.Я. Шпаковым, Ф.В. Тарановским. Предметом занятий представителей школы были политические и юридические институты Великого княжества Литовского (ВКЛ) периода развитого средневековья. Общей методологией ученых выступал позитивизм, при этом серьезное внимание уделялось сравнительно-историческому методу [1, с. 67]. Речь о методологии Тарановского шла в ранее опубликованной статье [2, с. 65-72]. Цель настоящей публикации – охарактеризовать сравнительно-исторический метод в сочинениях учеников Владимирского-Буданова.

Почти одновременное окончание учениками Владимирского-Буданова университета, обучение у одного и того же научного руководителя, близость в тематике исследований привели к тому, что методология школы западно-русского права была единой на протяжении длительного времени. Вариативность в философских выводах появилась преимущественно после 1917 г., когда ученые, оставшиеся в СССР (Малиновский, Максимейко, Шпаков), испытали на себе серьезное влияние марксизма, а эмигрировавшие (Ясинский, Демченко) отдали дань иным философским учениям.

Наиболее последовательное обоснование сравнительно-исторического метода в изучении истории права дал Н.А. Максимейко во вступительной лекции к курсу истории русского права в Харьковском университете в 1898 г. Руководствуясь положениями адепта сравнительного метода в исторической науке английского историка Э. Фримана [10], Максимейко полагал, что сходные явления в области юридического быта базируются или на общности происхождения, или появляются в результате заимствования. Максимейко принадлежит, вероятно, одно из наиболее развернутых и тщательных обоснований целесообразности применения сравнительного метода в истории права. Во-первых, считал историк, «посредством аналогий разъясняются многие темные и недостаточные определения памятников национального права»; во-вторых, «яснее обозначаются свойства тех или других исторических явлений права»; вслед за Владимирским-Будановым он считал, что «через указание на сходства подчеркиваются общечеловеческие черты их, а через

указания отличительные оттеняются их индивидуальные особенности». В-третьих, важнейшей особенностью применения сравнительного метода Максимейко называл «возможность открыть истинные причины правовых явлений местной истории». В-четвертых, также следуя концепции народного права Владимирского-Буданова, Максимейко настаивал на том, что «сравнительный метод дает нам высшее понимание истории национального права», поскольку приводит к ее оценке не «с точки зрения личных вкусов и пристрастий, а с точки зрения того объективного масштаба, который заключается в общей системе мировой эволюции права». В-пятых, фактически развивая третье положение, Максимейко заявлял, что сравнительный метод позволяет определить, «к какой стадии общего правового развития относится то или другое явление из местной истории». В качестве доказательства справедливости этого положения Максимейко приводил объяснение Сергеевичем того факта, что Земские соборы Московского периода принадлежат к так называемой «вторичной форме народных собраний, то есть к средневековому типу политического представительства».

Наконец, Максимейко несколько эмоционально завершал перечень преимуществ сравнительного метода положением о том, что его применение помогает узнать, что внес данный народ в общую сокровищницу правового прогресса» [3, с. 13-14].

Кроме «научных результатов» (по терминологии историка) применения сравнительного метода Максимейко выделял еще «результаты для жизни». Как полагал ученый, «прибегая к сравнениям, мы тем самым апеллируем к высшей инстанции, к человечеству, и там ищем оправдания. Отсюда мы действительно выносим то убеждение, что развитие права покоится на твердых основаниях человеческой природы». А «чем более будет подмечено общечеловеческих черт в истории местного права; тем бóльшая явится отсюда уверенность, что этому праву и в будущем предстоит то же развитие и та же участь, что и всему человечеству и, в частности, тем народам, которые шагнули дальше вперед». Наконец, по мнению Максимейко, отличия в государственно-правовой системе,

замечаемые при сравнении отечественных и зарубежных систем, должны возбуждать не приниженные чувства, а «здоровое и трезвое сознание собственного достоинства, сознание того, что и мы не бесследно прошли в истории, и мы сказали свое слово в общем мировом концерте» [3, с. 15].

Последним свойством «полезности» сравнительного метода было его использование в интересах преподавания. Наличие методического сюжета особенно интересно, поскольку было достаточно большой редкостью для подобного рода сочинений. Как полагал Максимейко, педагогическое значение сравнительного метода объясняется, во-первых, тем, что «исторические явления местного права будут запечатлеваться в памяти слушателей, когда, кроме характеристики их на основе местных источников, в них будут еще подчеркиваться их общечеловеческие черты и национальные особенности», а во-вторых, ученый справедливо полагал, что, «как картина в рамке выглядит рельефнее, так и история национального права предстанет слушателям более ясной и оттененной на фоне общечеловеческого развития» [3, с. 16].

Лекция Максимейко явилась своего рода манифестом киевской школы в пользу сравнительного метода. Метод часто применялся учениками Владимирского-Буданова и при изучении конкретно-исторических явлений.

Так, сам Н.А. Максимейко активно применял сравнение при изучении Русской Правды (РП), проводя смелые аналогии между различными статьями ее краткой редакции и византийским законодательством эпохи Юстиниана. Сходство было обнаружено исследователем и между РП и литовским правом, откуда делался вывод о РП как исходном пункте принятия литовского права [4, с. 382-395], однако, несмотря на явную апологетику метода, Максимейко старался применять его только в кажущихся ему бесспорными случаях, поэтому при изучении в магистерской диссертации сеймов ВКЛ он уверенно сравнивал их только с земскими соборами, в то время как параллели с Генеральными Штатами и британским парламентом казались ему сомнительными, так как он не был уверен в «правильности литературных мнений» относительно этих представительных учреждений [5, с. II].

Сравнительного метода не был чужд и М.Н. Ясинский. В магистерской диссертации он сделал важные выводы о сущности средневекового литовского судоустройства именно на основе использования этого метода. «Если мы сопоставим тогдашнее областное судоустройство Литвы с провинциальным судоустройством соседней Польши, соединенной с Литовско-Русским государством личной унией, – размышлял историк, – то первое из них поражает своей примитивностью, напоминающей те сравнительно отдаленные времена (земский период), когда, сверх князя, действовали в качестве судебных органов посадники, тиуны и отчасти вирники» [6, с. 8].

На сплошном применении компаративного анализа построено исследование Ясинского о «селе» и «верви» Русской Правды. Здесь им были подвергнуты сравнению свидетельства об определяемых понятиях, содержащихся в РП и в памятниках законодательства Московского периода. Именно на основании использования этого метода Ясинский пришел к выводу, что «село» РП есть то же самое, что и дворище, сельцо или селище XV-XVI вв.» и даже более раннего времени, при этом он в духе Ф.И.Леонтовича проводил параллели с западно-русским дворищем и хорватской задругой. На основании сопоставления актовых данных XV-XVI вв. и РП Ясинский пришел к выводу о том, что «в XV-XVI вв., в сфере уголовного права сельская община играла в Западной и Южной, в частности, в приднепровской Руси, ту же роль, какая на той же территории принадлежала по Русской Правде верви», поскольку, по мнению ученого, «всюду, где в Русской Правде фигурирует вервь, в западно-русских актах и законодательных памятниках выступает село, сельская община». Отсюда следовал вывод о верви как территориальной общине, «вполне однородной или тождественной с сельской общиной XV-XVI и последующих веков, иначе говоря, селом» [7, с. 9-10, 21-22].

На сравнении Боярской Думы Древней Руси и Рады ВКЛ построил свое исследование этих учреждений И.А. Малиновский. Особый интерес представляет его замечание по теоретическим проблемам периодизации истории права, также основанное на компаративном методе. В 1912 г. он

заявил, что вообще «основной вопрос, с которым встречается автор исторического или историко-юридического исследования, это вопрос о периодах. Принять то или иное деление на периоды, – подчеркивал ученый, – это значит, с одной стороны, определить хронологические границы исследования, с другой – установить известную точку зрения на характеристические особенности исторического процесса» [8, 1 паг., с. I]. В 1927 г. Малиновский опубликовал рецензию на вышедшую четырьмя годами раньше за границей статью своего коллеги по украинской академии Ф.В.Тарановского «Периодизация в истории права». В ней он подверг критике показавшиеся расплывчатыми критерии Тарановского. Малиновский заявил, что, «поскольку понимание исторического процесса возможно [...] путем направления нашей мысли от современного к прошлому», и именно в прошлом историк «ищет корни настоящего», то «периодизация истории права строится через сравнение современного с прошлым» [9, с.422].

Итак, анализ трудов представителей школы западно-русского права показывает, что сравнительно-исторический метод был, безусловно, одной из основ методологии этого объединения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михальченко С.И. Киевская историческая школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Т. 64. – Вып. 1. – С. 53-69.
2. Михальченко С.И. Позитивизм Ф.В.Тарановского // Философия и методология истории. Сб. статей VIII Всероссийской науч. конф. Коломна, 19 апреля 2019 г./ Отв. ред. С.Г.Калашников. – Коломна: ГСГУ, 2019. – С. 65-72.
3. Максимейко Н.А. Сравнительное изучение истории права. Вступ. лекция. – Харьков, 1898. – 16 с.
4. Максимейко Н.А. Русская Правда и литовско-русское право // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями [по случаю 35-летия его учено-литературной деятельности (1868-1903 г.г)] / Под ред. М.Н. Ясинского. – Киев, 1904. – С.382-395.
5. Максимейко Н.А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 года. – Харьков, 1902. – IV, 164, – 205 с.
6. Ясинский М.Н. Очерки по истории судоустройства в Литовско-Русском государстве. Главный литовский трибунал, его происхождение, организация и компетенция. Вып.1. Происхождение Главного литовского трибунала. – Киев, 1901. – 253 с.
7. Ясинский М.Н. “Село” и “вервь” Русской Правды. – Киев, 1906. – 23 с.
8. Малиновский И.А. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской Думой древней России. Ч.2. Рада Великого княжества Литовского. – Томск, 1912. – Вып.2. – 550 с.

9. Малиновський О.О. Рец.: Тарановський Ф.В. Периодизация в истории права. Берлин, 1923 // Записки Соціально-Економічного відділу Української Академії наук. – Київ, 1927. – № 12. – С.412-422.

10. Фриман Э. Сравнительная политика (шесть лекций, читанных в Королевском институте в январе и феврале 1873 года) и Единство истории (лекция, читанная в Кембриджском университете 29 мая 1873 года). – СПб., 1880. 368 с.

**ЭВОЛЮЦИЯ МУЗЕЯ: ОТ КОЛЛЕКЦИИ ДРЕВНОСТЕЙ К
ВИРТУАЛЬНОЙ ПЕРСОНЕ
(ОБРАЗ МУЗЕЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ПРИМЕРЕ
КАЛИНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ ЯНТАРЯ)**

Никифорова А.А.

Аннотация: Статья посвящена аналитике результатов цифровизации и социальной инклюзии, происходящей в современных музеях. При том, что технические особенности процесса общеизвестны – это рекомендации по ведению сайтов, оцифровке архивов, использованию мультимедийных устройств, организации работы департаментов по связям с общественностью, оформлению экспозиции и ведению экскурсий, – один важный вопрос остается без внимания: в результате расширения функций музеев, их активного включения в общественные процессы, музей приобретает виртуальную персону, свой уникальный образ и характер, манеру поведения и гражданскую позицию, транслируемую, в том числе, и через социальные сети. Эта персона становится флагманом деятельности музея в сети, узнаваемым блоггером, ведущим общение с аудиторией. Есть основание полагать, что развитие таких метаперсон характерно не только для музейного сообщества, но и для иных социальных институтов. Тем не менее, в виртуальных персонах музеев мы видим этот процесс наиболее наглядно.

Ключевые слова: музей; метаперсона; образ; социальная сеть; цифровизация; виртуальный образ; сторителлинг; медиасообщество; мультимедийное пространство.

В XX веке методологическое поле исторических изысканий приобрело междисциплинарный характер: история как наука стала использовать в своих целях исследовательские возможности физики, химии, астрономии, психолингвистики, геологии. В XXI веке новый вектор расширения научного поля истории связан уже с процессами цифровизации и интерпретации исторических данных, их обработкой, хранением, а также формированием метаданных. Наука история уже не опирается на деятельность отдельных и единичных ученых, как это было в XVII-XIX веках, но носит коллективный характер. Сегодня происходит переосмысление произошедших событий, постоянно проводятся новые исследования, результаты которых в условиях открытого информационного пространства постоянно дополняются и заново

интерпретируются. При этом процессы интеграции исторических данных в актуальные социокультурные события происходят повсеместно, на разных уровнях жизни общества. Так, историко-культурные объекты прошлого обретают новую жизнь и функциональность в современных архитектурно-ландшафтных решениях, трансформирующих пространство исторических городов в духе постмодернистских концепций [1].

Интерес общества к истории, ее изучению может проявляться в разных формах. Условно их можно разделить на три группы: **теоретическую, практическую** и **смешанную**. К первой группе относится профессиональная научная деятельность (изучение архивов, написание статей, монографий, учебная деятельность и пр.). Вторая группа включает деятельность собирателей, коллекционеров, а также реконструкторов, коими движет в большей степени не научный, но практический интерес «проживания» исторического времени в личном опыте. Третья группа объединяет теоретические достижения и, в тоже время, носит прикладной характер: сюда относится экскурсионное и реставрационное дело, а также деятельность музеев, где теоретическое знание соединяется с социокультурной практикой, с возможностью участия в реконструкции исторических процессов, включении их в личный опыт жизни и эмоциональных переживаний.

Музей сегодня – не просто хранилище памятников истории и культуры, не «храм» истории, где необходимо соблюдать благоговейную тишину и нельзя фотографировать, современный музей перестал быть и восприниматься «законсервированным» временем, но полностью обращен к посетителям, ко всем их потребностям и интересам: музеи стали интерактивными образовательными площадками, центрами культурной жизни своего региона и играют «важную роль в процессе самоидентификации личности и сплочении целой нации» [5].

Инициированный ИКОМ в 2019 году процесс формирования нового определения музея отталкивается от новой реальности и актуальных запросов социума. Предложенное к обсуждению определение очень многомерно и

полифункционально: «Музеи являются демократичными, инклюзивными и полифоническими пространствами для критического диалога о прошлом и будущем. Признавая и решая конфликты и проблемы настоящего времени, они хранят предметы искусства и образцы в доверии к обществу, сохраняют различные воспоминания для будущих поколений и гарантируют равные права и равный доступ к наследию для всех людей. Музеи существуют не для прибыли. Они носят коллективный и транспарентный характер и работают в активном партнерстве с различными сообществами и в их интересах в целях сбора, сохранения, исследования, толкования, демонстрации и укрепления понимания мира в целях содействия человеческому достоинству и социальной справедливости, глобальному равенству и благополучию планеты» [10].

Новая аксиосфера социокультурной жизни [1] подразумевает и новые технологии трансляции ценностей. Происходит постепенное смещение ценностной карты музейной жизни и традиционные функции музея: трансляция и сохранение истории и культуры в материальных памятниках, становятся не единственными. В музее происходит «актуализация [...], интерпретация наследия, социальная инклюзия/укрепление социальных связей, формирование культуры участия, трансляция ценностей, разделяемых сообществами, группами или отдельными лицами, содействие культурному самовыражению, создание условий для гражданского диалога» [9].

Процессы цифровизации поменяли музейное пространство, сделав его интерактивным, мультимедийным, полифункциональным, мобильным и динамичным. В нем «представлены разнообразные цифровые инсталляции и интерактивные аттракционы, где посетители могут «погрузиться» в виртуальный мир и непосредственно взаимодействовать с цифровым арт-пространством. Как правило, цифровые инсталляции программируются на со-творчество, на взаимодействие с посетителем, который теперь не просто зритель, наблюдатель, но участник завораживающего эстетически окрашенного действия» [6, 90]. Новые системы хранения в музее позволяют продемонстрировать посетителям редкие экспонаты, которые обычно

находятся в запасниках, без необходимости переделывать экспозицию полностью*. Но открытым музейное пространство делает не сама цифровизация, а те возможности, которые она предоставляет любому человеку по взаимодействию и свободному исследованию коллекции. При этом происходит и обратный процесс – музей начинает сам общаться с открытой аудиторией и оказывается включен в деятельность социальных сетей. Современный музей имеет свой аккаунт в таких социальных сетях и мессенджерах как Твиттер, Телеграм, Фейсбук, ВКонтакте, Инстаграм, вовлекая в свою деятельность максимальное количество пользователей.

В отличие от традиционных сайтов, где находится много текстовой информации: контакты, путеводители, онлайн-экскурсии, история музея, проекты выставок, архивы конференций и арт-проектов, публикации и пр., аккаунты в социальных сетях не несут такой серьезной информационной нагрузки. При этом, быстрая сменяемость изображений и публикаций в ленте и сториз, которые актуальны лишь короткое время, на первый взгляд, создают некоторый когнитивный диссонанс в восприятии музея как «хранителя времени». Однако это признаки совершенно иного процесса: активность в социальных сетях выстраивает новый образ музея – теперь это **виртуальная персона**, со своей жизнью в информационном сообществе, шутками, розыгрышами, мыслями, идеями, ритмом жизни, информационными предпочтениями, «любимцами» среди экспонатов, трагедиями утраты культурных ценностей, сложностями реставрационных процессов, почти детективной источниковедческой работой и экспертизами подлинности. Жизнь музея больше не замыкается на личности директора, коллекционера, хранителя, зрителя, но обретает свою собственную **метаперсону**, включающую в себя как работу сотрудников организации, так и деятельность посетителей – экскурсантов, участников мастер-классов, флеш-мобов, акций и обучающих

* Например, в Областном музее янтаря в Калининграде регулярно проводит виртуальные выставки с «Экспонатом месяца», которому посвящается отдельная публикация на сайте и в социальных сетях.

программ^{*}. Более того, жизнь этой персоны насыщена не только событиями, но и эмоциями, чувствами, сопереживаниями, что внове для отстраненного характера музейного хранения, застывшего в своей научной объективности и непредвзятости.

Выражение чувств, ирония, шутки, яркие комментарии, селфи, которыми делятся посетители музея в социальных сетях – все это делает жизнь музея более близкой людям и, в то же время, индивидуальной, наделяя его особым характером, взглядом на жизнь, усиливая его социокультурную идентификацию. Социальная инклюзия музея добавляет еще один важный компонент – этическую составляющую его деятельности. Если раньше мы могли говорить об идеологической направленности экспозиций, образовательных экскурсиях, то теперь музеи участвуют в благотворительных акциях, оказывают поддержку социальным программам по адаптации людей с ограниченными возможностями[†], помогают в продвижении молодых талантов и оказывают уважение заслуженным мастерам.

В приведенной ниже таблице[‡] (табл. 1) наглядно показано, как расширяются со временем цели музеев, изменяются их доступность, принципы сбора коллекции, средства общения с посетителями/распространения информации о деятельности музея, а также какое влияние на жизнь музея оказало изменение этических норм в отношении правил сбора, экспонирования коллекций и работы с посетителями, участниками выставок, авторами.

* Калининградский областной музей янтаря проводит регулярные встречи для родителей с детьми: тематические мастер-классы, конкурсы, викторины, лотереи, познавательно-игровые занятия; для молодежи существует проект «АРТЕЛЬ»: мастер-классы и творческие встречи для молодежи с художниками, преподавателями дпи и пр.; литературные занятия и познавательные программы для старшего поколения.

† Музей в 2021 году впервые провел выставку «Связь поколений», на которой свои работы представили не только профессиональные художники творческого объединения «Академия янтаря», но и участники проекта «Видим руками» с частичной или полной потерей зрения. Проект курирует художник Людмила Высоцкая. Эта выставка стала еще одним проектом музея по развитию доступной среды и вовлечению людей с инвалидностью в культурную жизнь.

‡ Описание целей, методов работы, а также разделение на эпохи носит условный характер и не является исчерпывающим.

ТАБЛИЦА 1				
ВРЕМЯ	17-18 вв.	19 в.	20 в	21 ВЕК
ЦЕЛИ МУЗЕЯ	1. Сохранение лучших образцов искусства прошлого 2. Изучение памятников истории и культуры	1,2. 3. Сохранение лучших образцов современного искусства. 4. Популяризация истории, культуры и искусства 5. Поддержка талантливых художников	1-5, 6. Система хранения, изучения памятников истории и культуры 7. Образовательный ресурс.	1-7. 8. Развлечение/ досуг 9. Интерактивный ресурс 10. Центр развития культуры 11. Создание информационного контекста для эстетического опыта.
ДОСТУПНОСТЬ	1. Только для коллекционера и узкого круга лиц	1. 2. Возможность посещения выставок более широким кругом граждан 3. организация передвижных выставок	1-3. 4. Широким слоям населения при 4.1. личном посещении музея 4.2. с помощью полиграфической продукции 4.3 с помощью телевизионных фильмов о музеях	1-4 5. Всем желающим, независимо от места пребывания, благодаря цифровизации музейных фондов
КОЛЛЕКЦИЯ	1. Собирается по личным предпочтениям	1. 2. Собирается по рекомендации экспертов	1-2. 3. Собирается коллегиальным решением работников музея (экспертного совета)	1-3 4. Активное участие граждан
СОБЛЮДЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В ФОРМИРОВАНИИ КОЛЛЕКЦИИ	1. На усмотрение собирателя/ владельца коллекции	1. 2. С одобрения эксперта	1-2. 3. С одобрения государства	1-3 4. Одобрение общества 5. Следование международным нормам права и этики

ПЕРСОНА	1.Собиратель/ коллекционер/ владелец	1. 2. меценат, эксперт	1-2 3. Директор /хранитель /смотритель как лицо музея	1-3. 4. Сообщество авторов, чьи произведения представлены в музее 5. Блог музея в социальных сетях 6. Экспонат как рассказчик 7. Мета-персона
СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ С ПОСЕТИТЕЛЯМИ /ТРАНСЛЯЦИЯ МИССИИ МУЗЕЯ	1. Личное общение с владельцем/ коллекционеро м	1. 2. Хранитель, эксперт как носитель знания о коллекции. 3. Каталог хранения	1-2. 3.Экскурсовод. 4.Буклет/каталог выставки /афиши 5. Аудиогид 6. Официальный сайт. 7. фото и видео- продукция 8. Сувенирная продукция 9. Реклама на радио, телевидении.	1-9 10. Аккаунты в соц.сетях (ВК, Facebook, Instagram и пр.) 11. Собственный Информационный канал (YouTube, Telegram и пр.)

Со времени своего появления музеи прошли путь от частных закрытых коллекций до открытых мультимедийных комплексов и multifunctional пространств, активно включенных в социокультурную жизнь своего города, региона, страны и даже имеющие международное значение. **Цели и задачи** музея расширились от простого сохранения драгоценных предметов, лучших образцов искусства прошлого и настоящего - к источнику трансляции эстетических ценностей и идеологии, и до центров развития культуры, мощных образовательных ресурсов, чьи реальные возможности мы еще не до конца оценили и поняли. **Доступность** к коллекциям и музейным фондам – это, пожалуй, заслуга последних десятилетий, фактически, переворота в системе хранения и учета, произошедшей благодаря цифровизации и новым техническим возможностям экспонирования.

Подход к способам собирания **коллекции** сильно менялся с течением времени. Сегодня источники пополнения коллекции могут быть самые разные: это коллекции любителей и профессионалов, дары, закупки, находки обычных

граждан^{*}. Вплоть до середины XX века источниками коллекций могли быть археологические изыскания сомнительного профессионального качества и законности, прямое изъятие и бесцеремонный вывоз культурных ценностей с территории страны происхождения, также не осуждалось создание и содержание коллекций произведений искусства и их экспонирование лицами с неблагоприятным социальным статусом. После потрясений Второй мировой войны вопросы сохранения культурных ценностей, неприкосновенности произведений искусства стяжали общемировой характер. К XXI веку проблемы хранения, экспонирования и правил приобретения предметов культуры обрели законодательную базу. Несмотря на то, что в большинстве стран мира запрещен вывоз культурных ценностей, остается открытым вопрос о возвращении тех предметов наследия, которые успели стать частью коллекций европейских и американских музеев. Обструкции стали подвергаться коллекционеры, которые были уличены в асоциальной или противозаконной деятельности, а вопросы подлинности предметов музейных выставок и коллекций давно вышли за пределы музейных стен и стали общественным достоянием[†]. Очевидно, что фактор социального одобрения играет в жизни музеев всё большую роль, и тем больше сами музеи оказывают влияние на формирование общественного мнения в отношении культурного наследия: их активная позиция позволяет выявить изменение **этических норм** в отношении многих вопросов[‡].

* Новый экспонат музея янтаря – вагонетку для транспортировки янтареносной породы начала XX века – нашли на берегу Балтийского моря жители Калининграда и передали в музей.

† Достаточно вспомнить широкое и оставшееся открытым обсуждение подлинности предметов на выставке экспонатов из частных собраний "Фаберже – ювелир Императорского двора" в Государственном Эрмитаже в 2021 году. Ряд экспертов определил экспонаты как вопиющие подделки, руководство ГЭ ушло от комментариев, а экспертизы пока не проводились.

‡ Скандальный характер приобрели, например, независимо от своих художественных ценностей, персональная выставка в Академии Художеств (Санкт-Петербург, 2021) живописных работ Е.Васильевой, обвиняемой в хищении государственных денег, а также анатомическая выставка «Мир тела» (Москва, 2021 г.), экспонирующая пластифицированные тела умерших людей в качестве арт-объектов. «Мир тела» ожидаемо спровоцировала возмущение консервативно настроенных общественных групп и организацию сбора подписей за закрытие экспозиции. Организаторы выставки утверждают, что она носит познавательный и образовательный характер, а критики – что она опасна не только для

На протяжении долгого времени коллекции предметов искусства ассоциировались с их владельцами, но постепенно акцент стал смещаться с личности собирателя-коллекционера сначала – на узкое сообщество экспертов, а потом – на все более и более широкий круг общественности, формируя **метаперсону**, уже не зависящую от деятельности конкретного человека, но включенную в жизнь социума и отражающую его интересы и потребности. Понятие персоны используется в транскрипции, предложенной К.Г Юнгом, а именно как социальная роль индивида, которую он играет в обществе. Приставка «мета» предполагает выход за пределы индивидуальности, обобщенность потребностей людей, объединенных одной социальной деятельностью. При этом процессы формирования метаперсоны и социальная активность музея взаимосвязаны: чем масштабнее инклюзия музея в социокультурные процессы, тем ярче развита и представлена в сети Интернет его «персона»*. А при наличии нескольких социальных сетей и мессенджеров музей создает не одну, а несколько персон, каждую для своей социальной сети или интернет-канала.

Сравнивая потребности индивидуума, описанные еще А. Маслоу [2] и метаперсоны музея, можно увидеть интересные параллели (см. табл. 2). Потребности, выявленные на уровне жизни личности, присутствуют в более широком виде и в функционировании метаперсоны. Потребность в безопасности и постоянства условий жизни реализуется на уровне правил сохранения и консервации памятников; потребность в общении – в экскурсистике, научной и экспертной деятельности, публикациях, сторителлинге и пр.; удовлетворение потребностей, связанных с саморазвитием, носит интегративный характер и реализуется в кросс-музейных

психики посетителей, но и сама такая «работа» с телами умерших недопустима с этической точки зрения.

* Персона может носить и юмористический характер: сотрудники музея янтаря ведут личную страницу ВКонтакте от лица самого большого янтарного самородка в России, позиционируя ее как «альтернативную» официальную страницу самого музея. В ней хозяин блога – камень – делится своими впечатлениями о выставках, сетует на скучные трудовые будни, шутит с посетителями, поздравляет с праздниками, объявляет конкурсы и надеется, наконец, получить имя [11].

проектах, инновационном подходе к организации выставок, привлечении к деятельности музея широкого круга участников и т.д. Удовлетворение всех уровней потребностей позволяет посетителям оценить динамичность и современность музея, в противном случае он выглядит остановившимся в развитии и становится местом посещения «на один раз».

№	Потребности личности	Потребности музея как мета-персона
1	Физиологические (безопасность, постоянство условий жизни, комфорт)	Материальное сохранение памятников искусства и культуры, реставрация и консервация объектов.
2	Социальные связи, сотрудничество, признание и уважение	«Внутренняя жизнь музея»: экспонирование, экскурсистика, научные исследования, экспертная деятельность, связь с музейным сообществом. Музей как интерпретатор/ рассказчик / блогер /ведущий
3	Творчество, эстетические чувства, духовный рост и саморазвитие	«Музей в социокультурной среде»: сотрудничество с авторами/ открытое пространство для творчества /сотворчества

Развитие технологий изменило и каналы передачи **информации** о культурных ценностях, средства и методы общения музеев с посетителями. Цели и задачи музеев настолько расширились, что уместить все проекты в материальном пространстве их зданий уже невозможно. «Опыт контакта с виртуальным миром привел не только к размыванию границ между объективным и воображаемым, но и к изменению картины мира в целом. Виртуальный мир обладает уникальными свойствами, как, например, фиксация и растяжение времени, сокращение географических расстояний практически до нуля, возможность «избавиться» от телесной оболочки и обрести новый образ, и, наконец, возможность «переиграть» и «перестроить» виртуальную жизнь по своему усмотрению» [8, 104]. И если некоторые исследователи видят в виртуализации поводы для эскапизма и размывания систем ценностей, то для музея новейшие технологии предоставляют потрясающие возможности. На сегодняшний день присутствие музея в сети, его онлайн-трансляции, видео

экскурсии подчас оказываются более важными и востребованными, чем физическое присутствие посетителей в музее*.

Интерактивное пространство, создаваемое музеями для посетителей, изменило и сами музеи. На предыдущем этапе своего развития музей как таковой особенно не нуждался в одобрении посетителями своих действий†, для успешного развития ему хватало экспертного мнения узкой группы специалистов. Теперь же обратная связь с аудиторией носит действительно значимый характер: посетители не только оставляют положительные отзывы в TripAdvisor, но и сами являются источниками новых идей, инициаторами социальных проектов, готовы участвовать в творческих экспериментах и оказывать помощь в развитии музея как действительно центра культурной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jencks C.A. The Language of Post-Modern Architecture, Academy Editions London 1991.
2. Maslow A. H. Motivation and Personality. – New York: Harper & Row, 1954.
3. Аксиосфера современности: философско-эстетической анализ и нравственное обоснование социокультурных практик. Коллективная монография. – Санкт-Петербург: ЦНИТ "Астерион", 2012. – 252 с.
4. Валицкая А.П. и др. Современная гуманитарная картина мира // [Нравственно-эстетические основания гуманитарного образования](#). Программы учебных курсов. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Северо-Западное отделение Российской Академии образования. – Санкт-Петербург, [ЦНИТ "Астерион"](#), 2003. – С.7-18
5. Васильева П., Качуровская Д. Музей как рассказчик. Мультимедиа, коммуникации, сторителлинг [Электронный ресурс]// Музей в цифровую эпоху: Перезагрузка. Сб.статей, - Издательская платформа НИУ ВШЭ, 2018-2021. Режим доступа <http://mmbook-hse.ru/books/27/sections/198/> - заглавие с экрана, (дата обращения 04.03.2021).
6. Воронова Н.И. Digital музей или совмещение искусства с аттракционом // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Сборник научных статей и материалов III международной конференции. Коломна: ГСГУ, 2020. – С. 90-95.
7. Музей янтаря [Электронный ресурс]: Сайт Калининградского областного музея янтаря. 2005 — 2021 . режим доступа <https://www.ambermuseum.ru/>,- заглавие с экрана (дата обращения 04.03.2021).
8. Никифорова А.А. Новая концепция пространства: виртуальная Россия // Образ России: Сборник научных статей.- СПб.: «Пневма», 2009. – С.94-105.

* Онлайн-просмотры лекций, видео-трансляций экскурсий в стенах музеев превышают количество живых экскурсий во много раз, тем более, когда речь идет о разовых встречах с художниками, сотрудниками музеев, хранителями и пр.

† Возможно, даже наоборот – посетитель постоянно оценивался с точки зрения его адекватности музейному пространству. Отсюда рождались устаревшие нынче страшилки про грозных смотрителей и ауру запретов, сопровождавшую посещение музея.

9. Новое определение понятия «музей» [Электронный ресурс] // Новости Иком <http://icom-russia.com/data/events/novoe-opredelenie-ponyatiya-muzey/> © 2013 International Council of Museum, - заглавие с экрана, (дата обращения 04.03.2021).

10. ICOM announces the alternative museum definition that will be subject to a vote [Электронный ресурс] // Сайт международного совета музеев ИКОМ, - 25 июля 2019 г. Режим доступа: <https://icom.museum/en/news/icom-announces-the-alternative-museum-definition-that-will-be-subject-to-a-vote/> July 25, 2019 - заглавие с экрана, (дата обращения 04.03.2021).

11. Профессия – «эрмитажник». Как работают сотрудники крупнейшего музея России [Электронный ресурс]// Сайт издательского дома «Аргументы и факты». – 07.12.2014 г. Режим доступа: <https://spb.aif.ru/culture/person/1400071>, - заглавие с экрана, (дата обращения 04.03.2021).

12. Crazy Музей янтаря. Музей, галерея, выставка [Электронный ресурс]// Альтернативная официальная группа Калининградского областного музея янтаря. – 2021 - режим доступа: <https://vk.com/crazyambermuseum>, - заглавие с экрана, (дата обращения 04.03.2021).

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОДА

КАК БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Щербакова Л.В.

Аннотация: Данная статья посвящена вопросу исследования истории семьи и рода по архивным документам. В процессе обучения истории студенты знакомятся с историей своего рода, изучают историю Отечества через призму истории своей семьи. Такой подход позволяет заинтересовать обучающихся и привить интерес с истории страны. В статье также рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь на данном пути.

Ключевые слова: родословная; метрические книги; ревизские сказки; книги брачных обысков; исповедальные росписи.

Современный подход к изучению истории в учебных заведениях предполагает не простое нарративное описание исторических фактов и событий. История - это базовая часть формирования гражданской позиции, патриотизма и любви к своей стране. Изучать её необходимо через историю собственного рода, своей семьи, осмысление исторических событий через призму судеб собственных предков. В историческом исследовании в настоящее время интерес представляют не общности и социальные группы, а составляющие их индивиды. Отсюда следует рост интереса к генеалогии, семейной истории, исторической биографии. «Знание прошлого своего рода... всегда было большой силой. Чтобы добиться успешного будущего, нужно изучить собственное прошлое. ... Происхождение и история рода объясняют

индивидуальность человека, дают возможность понять, как ему удалось стать личностью и добиться успеха» [1, с. 18].

Наши взгляды, наши нравственные принципы и возможности для раскрытия наших творческих способностей закладываются в семье, в ближайшем окружении и определяют всю нашу дальнейшую жизнь. Но за плечами наших родителей стоит такое же по силе воздействия влияние на них их родителей и родственников. «Знание истории своей семьи даёт человеку возможность ощутить себя частицей всего мироздания и приобщиться к бесконечному потоку истории» [1, с. 18]. Наш род – это мощная по воздействию сила. Мы черпаем энергию и вдохновение в ней.

Однако, к сожалению, мы часто сталкиваемся с тем, что студенты совершенно не знают историю своей семьи, кем были их предки. Зачастую многие не могут рассказать о предках, участвовавших в Великой Отечественной войне. Поэтому часть учебного процесса мы посвящаем изучению тех источников, в которых студенты могут осуществлять поиск информации о жизни предков.

Обычно поиск начинаем с сайтов, которые рассказывают об участниках Великой Отечественной войны, о репрессиях и реабилитированных. Существует огромное количество интернет-ресурсов, которые позволяют получить подобную информацию. За поиском информации о прадедах – участниках Великой Отечественной войны, обращаемся к «Книгам памяти» Астраханской области, которые имеются в свободном доступе на сайте Областной научной библиотеки. Сведения о наградных документах и обстоятельствах совершённых подвигов можно почерпнуть на сайте «Подвиг народа». Такой ресурс как «Память народа» содержит сведения о погибших и пропавших без вести участниках войны. В последнее время заработал сайт Архива Министерства обороны РФ: gwar.mil.ru/heroes, на котором студенты осуществляют поиск предков, участвовавших в кампаниях Первой мировой войны 1914-1918 гг. Данные, полученные в результате анализа найденной информации, оказываются весьма впечатляющими. Предки из абстрактных

людей превращаются в «живых» участников исторических процессов. Можно проследить их боевой путь, ознакомиться с обстоятельствами получения наград. Иногда семья узнаёт о некоторых нюансах службы и даже совершённых подвигах только в результате проделанной работы в процессе исследований.

Изучение истории предполагает формирование мнения о событиях прошлого, взглядов на эпоху. Зачастую на оценки, которые дают студенты историческому прошлому, влияют услышанные где-то рассуждения, слова известных и авторитетных людей. Но эти оценки чаще всего носят эмоциональную окраску и не имеют чёткой аргументации. Поэтому анализ жизни предков в определённый исторический период позволяет студентам более осмысленно подходить к интерпретации той или иной информации, которая в дискуссиях на исторические темы имеет принципиальное значение. И результаты этого анализа позволяют сформировать более взвешенный взгляд на исторические события.

Работать с историческими документами, относящимися непосредственно к твоей семье, всегда увлекательно. Современные технологии и доступ к архивам дают уникальную возможность поработать с документами, касающимися жизни предков, проследить историю рода и жизни нескольких поколений. Однако большинство архивов ещё не имеют оцифрованной базы документов. В этом плане для тех, чьи предки жили на территории Астраханского края в дореволюционное время, предоставляется реальная возможность изучить родословную, не выходя из дома.

С конца 2017 года функционирует сайт «Твоя родословная», созданный сотрудниками Астраханского областного архива. На сайте представлены «ценнейшие документальные источники, содержащие информацию генеалогического характера» по населённым пунктам Астраханской губернии, количество их достигает «29 тысяч единиц хранения (около 2 миллионов цифровых образов)» [4]. На данном сайте выложены не только метрические записи о родившихся, венчавшихся и умерших жителях по населённым пунктам Астраханской губернии, но также ревизские сказки, именные списки казачьих

войск, алфавитные списки жителей и множество документов. Это документы, из которых можно почерпнуть ценнейшую информацию о жизни предков, проживавших на территории нашего региона до революции. Работа с оцифрованными экземплярами документов по родословной позволяет понять механизм самого поиска нужной информации и выявить наиболее сложные вопросы, связанный с данным процессом.

Дореволюционные документы, в которых представлена необходимая для составления родословной информация весьма разнообразны. Самый эффективный результат дают нам метрические книги. В них местными приходскими священниками записывались сведения о рождении, бракосочетании и смерти всех жителей, причисленных к данной церкви. В первую часть, называвшуюся «о родившихся», вносились даты рождения и крещения, имя, отчество и фамилию, место жительства и вероисповедание родителей (до 1830-х годов имя-отчество матери не указывалось), а также, отдельной графой имена и фамилии восприемников (крестных родителей). По данным записям можно узнать сословие, социальный статус и род занятий предков.

Вторая часть, «о бракосочетавшихся», содержит сведения о женихе и невесте: фамилию, имя, отчество, место проживания, вероисповедание, возраст, в котором они вступали в брак, фамилии и имена, социальный статус свидетелей-поручителей. Из этой части выясняем дату венчания, кратность брака для жениха и невесты, сословие, социальный статус и род деятельности.

В заключительной части, «об умерших», можно почерпнуть данные о дате смерти и погребения, о родственной принадлежности умершего (сын, дочь, жена, вдова), возраст, причину смерти. Иногда это возможность узнать имена предков, о которых не сохранились сведения о рождении.

Метрические книги велись непрерывно с 1722 по 1917 год (иногда и дольше) во всех церквях. «Составление метрических книг было установлено указом от 14 апреля 1702 г. Это было продиктовано, в первую очередь, необходимостью систематического получения информации о человеческих

ресурсах для нужд военного времени. Закрепление обязанностей по ведению метрических книг отмечено в Духовном регламенте и указе Синода 13 ноября 1723 г. о ведении записных книг о родившихся, бракосочетавшихся, умерших» [3, С. 20-21]. Со временем подобная практика стала распространяться не только на православные, но и на церкви иных конфессий. Трудности при исследовании метрических документов по неправославным конфессиям связаны с тем, что велись они на других языках: арабском для всех мусульман, немецком – для лютеран, немногочисленные католики записывались на латинском языке.

Книги велись в двух экземплярах. Один экземпляр оставался в местной церкви, другой хранился в архиве консистории губернской епархии. С 1918 года все сохранившиеся метрические книги хранятся в областных архивах. К сожалению, многие книги сохранились в плачевном состоянии. Потеряны страницы, стёрты надписи, отсутствуют экземпляры за периоды в несколько десятков лет.

Несмотря на то, что к ведению метрик предъявлялись строгие требования, священники зачастую пренебрегали своими обязанностями. Поэтому в метриках можно встретить много ошибок и неточностей. Власти периодически напоминали о необходимости церковному причту строго придерживаться установленных законом требований. Необходимо было точно указывать дату рождения и крещения ребёнка, его имя, точные и полные имена и отчества родителей, их сословную принадлежность и звание. Следовало также удостоверить точные имена восприемников с указанием их прозвищ, званий и сословий [2, с. 703-704].

Таким образом, метрические книги дают нам информацию не только о рождении наших предков, но и предоставляют более широкие сведения. Однако ошибки, которые содержат книги, зачастую могут создать определенные трудности. Так, лично мы столкнулись с искажением имен, неверным написанием фамилий, указанием разных званий в разных записях. Особенно часто неверно записывались имена или отчества женщин, вышедших замуж. Например, Настасья могла быть записана как Наталья, а Ефимьева как

Евдокимова. Иногда в метриках имя невесты вообще не указывалось. Только последующий анализ и сопоставление метрик, в которых упоминались указанные предки, позволяют исправить ошибки.

Сложности возникают часто потому, что предки могли быть записаны не в том населенном пункте, в котором проживали. Бывали случаи различного указания сословной принадлежности и званий. Подобные аспекты можно разрешить путём сравнения различных документов. Но иногда точных ответов получить не предоставляется возможным.

Еще одной проблемой в метрических записях является указание возраста на момент смерти или венчания. Если не сохранились записи о рождении предка, то иногда очень сложно высчитать дату его рождения, зная только возраст на момент смерти, указанный в метрике. При этом упоминаемые в разных документах временные рамки колеблются в пределах десятка лет. В первую очередь это относится к периоду конца XVIII – начала XIX столетия.

Серьезным препятствием для изучения метрик зачастую является неразборчивый почерк представителей причта, осуществлявших записи. Плохо читаются имена и фамилии. Преодолеть подобные проблемы возможно только при тщательном изучении всех сохранившихся книг в данной церкви, как минимум за период проживания предков на территории её прихода.

Хорошим подспорьем для составления более точной родословной являются ревизские сказки. Это списки лиц по сословиям, которые облагались подушной податью и обязаны были нести воинские повинности. Всего состоялось 10 переписей населения. Перечислялись все мужчины в семье в порядке их связи с главой семьи: братья, сыновья, внуки, племянники. Указывались имена, отчества, фамилии, социальный статус, возраст на момент переписи. Если в очередную перепись человек уже числился умершим, то указывалась дата его смерти. На астраханском сайте представлены сведения по пяти последним ревизиям: 1811, 1816, 1835, 1850 и 1858 годов. В четырех последних указываются сведения и по женщинам (жены и дочери), что позволяет расширить список известных предков. Ревизские сказки проверялись на

сельских сходах, поэтому ошибки в них практически отсутствуют. Кроме того, сохранились и ревизские сказки, не привязанные к переписям населения. При этом из них иногда можно получить информацию, когда и даже откуда конкретная семья переехала в данный населенный пункт.

В некоторых крупных населённых пунктах сохранились именные списки семей и алфавитные списки жителей. Все они отражают информацию, схожую с ревизскими сказками.

К сожалению, на сайте «Твоя родословная» представлено мало документов такого типа как исповедальные росписи. Они велись приходскими священниками ежегодно. И содержали информацию о тех, кто был на исповеди. При этом перечислялась вся семья с указанием имен, возраста и рода деятельности.

Полезную информацию предоставляют книги брачных обысков. Их, к сожалению, тоже представлено на сайте немного. Это документы, которые содержали подробную информацию о женихе и невесте, вступающих в брак. Их главной целью была проверка отсутствия препятствий к вступлению в брак. Ценность брачных обысков и ревизских сказок в том, что на некоторых из них сохранились личные автографы предков, расписывавшихся под документами. Естественно, это имело место только в том случае, если предок был обучен грамоте.

Большое значение при исследовании истории рода приобретают такие документы как списки казачьих войск, рекрутские списки и т.п. Интересно, что в рекрутских списках содержалось описание человека, призываемого на военную службу, содержались сведения о владении им грамотой, какими-либо навыками.

Составление родословной – дело увлекательное. В некоторых случаях ждёт серьезное разочарование (например, не сохранились метрики или отдельные страницы), на других – неожиданные находки. С некоторыми студентами нам удалось составить родословные до 12 поколения.

На занятиях со студентами нам иногда удаётся восстановить более сотни

имен предков, проживавших на территории Астраханской губернии. Это очень кропотливая, но увлекательная работа. Имея такой опыт, теперь студенты могут работать и в архивах других городов.

Только через любовь к своей семье и через изучение истории своей семьи можно привить любовь к истории страны, а значит любовь и уважение к своей стране, чувство патриотизма и гражданской ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Р., Андреев М.А. Создай свою родословную. Как самому без больших затрат времени и средств найти своих предков и написать историю собственного рода. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. – 256 с.
2. Определения Святейшего Синода. От 20-го сентября – 6 октября 1878 года, за № 1497 о точном соблюдении установленной законом формы метрических книг // Астраханские епархиальные ведомости. – 1878. № 46. – С. 703-704.
3. Порошикова Л.Н. Государственные обязанности приходского духовенства Астраханской губернии в XVIII – начале XX века по материалам «Астраханских епархиальных ведомостей» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 4 (45). – С. 19-25.
4. Твоя родословная. – URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/>

III. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЛИЧНОСТИ УЧЁНОГО-ИСТОРИКА НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Андреева Е.Н.

Аннотация: Сложность и многогранность современного мира, динамика социально-экономических, психологических условий жизни, предъявляет к личности более жесткие требования, которым необходимо давать достойный ответ. В связи с этим, личность учёного-историка оказывает прямое воздействие на историографический процесс. В статье представлен обзор стандарта профессиональной деятельности учёного-историка. Его личность как субъект деятельности, рассматривается с психологической точки зрения.

Ключевые слова: учёный-историк; ответственность; профессиональная деятельность; ФГОС; исторические источники; профиограмма.

На современном этапе развития исторической науки проблема роли личности учёного-историка стала одной из приоритетных, особенно, если речь идет об изучении жизни и творчества незаслуженно забытых исторических деятелей.

Необходимую полноту сведений профессии историка предоставляет ФГОС «Стандарт профессиональной деятельности» 2005 г., предлагаемый Американской исторической ассоциацией.

История – это бесконечный процесс, бесконечная попытка понять прошлое и его всевозможные смыслы. Институциональные и интеллектуальные формы этого диалога с прошлым сильно изменились со временем, но сам по себе подобный диалог в течение тысячелетий является частью человеческого опыта. Мы все интерпретируем прошлое и создаем нарратив о прошлом, поэтому можно сказать, что мы все участвуем в создании истории. Это один из основных способов понять себя и окружающий мир [1].

Профессиональные историки отчётливо знают, что людей привлекает прошлое. Существует не так много областей знаний, которые были бы столь интересны человеку. По мере личностного развития, у человека начинает формироваться собственная картина мира, в которой большая роль отводится

интерпретации событий прошлых лет. В связи с этим история вызывает широкий резонанс в обществе. Каждый человек обосновывают исторические события по-своему. Как говорил А. Македонский: «История не терпит сослагательного наклонения», но в свою очередь, данная дисциплина не является монополией учёных-историков, она открыта для людей и постоянно обновляется, что предъявляет более жёсткие требования к профилю учёного-историка.

Принадлежность к профессии определяется отождествлением себя с сообществом историков, которые вовлечены в коллективную деятельность по исследованию и интерпретации прошлого в рамках практикуемой исследовательской дисциплины.

У учёных-историков широкое поле профессиональной трудовой деятельности, они трудоустроены в правительственных, образовательных, культурных организациях, корпорациях. Их объективное оценивание различных исторических событий, оказывает большое влияние на мировоззрение общества, и вопросы этики являются одними из наиболее острых.

Первостепенная задача учёных-историков, сводится к постоянной кропотливой работе с коллективным прошлым, при помощи критического диалога с коллегами, публикой, просмотром подлинных источников. И каждый учёный-историк, в своей трудовой деятельности определяет то, что для него наиболее ценно.

Таким «лакмусом» является работа с подлинными историческими источниками. Фальсификация – является неприемлемым условием работы. Это обесценивает личность учёного-историка. Учитывая, что мы живём в динамически меняющемся мире и к личности как к субъекту деятельности предъявляются строгие требования, соответствие им, призывает личность, обладать высоким уровнем личной ответственности, что делает его субъектом как поступков, так и их последствий. В связи с этим, учёные-историки с особой скрупулёзностью относятся к работе с историческими документами:

историческими свидетельствами, артефактами, рисунками, преданиями, статистической информацией. Это относится к первичной литературе. «Вторичная литература» представляет собой последующие интерпретации прошлого, основанные на свидетельствах, содержащихся в первичных документах. Различие между данными видами литературы является приоритетной для учёного-историка. Ведь в умении отличить первоисточник от различного рода интерпретации и заключается профессионализм.

Профессия учёного-историка уникальна тем, что она выдвигает серьезные требования к личностным качествам, в частности, к нравственно-этической сфере.

Одним из основных принципов профессии историка является с XIX века (если не универсальное) убеждение, что заниматься историей честно – это не значит придерживаться нейтральной точки зрения или не иметь ее. Исторические сведения рассматриваются, изучаются согласно нормам и правилам настоящего времени.

Как отмечено в Стандарте, каждый учёный-историк, обладает своим собственным убеждением, системой ценностей, самокритичностью, тем самым, придавая своим высказываниям на исторические темы идентичность.

Таким образом, обращаясь к американскому Стандарту, можно выделить следующую систему ценностей учёного-историка:

- историки должны заниматься своим ремеслом честно.
- они должны уважать исторические документы.
- они должны указывать источники, которые они используют.
- они должны отдавать должное работам других ученых.
- им следует уважать иные точки зрения и всячески приветствовать их появление, поскольку они же сами обсуждают их и подвергают критическому анализу.
- им следует помнить, что успех нашей коллективной деятельности зависит от взаимного доверия.
- а это доверие нельзя обманывать.

Каждый, уважающий себя учёный-историк, принадлежит к определённому научному сообществу, в котором приоритетными задачами являются уважение к деятельности друг друга, объективность и непредвзятость в методах исследования, честность, в отношении своих профессиональных навыков.

В России ряд требований к личности учёного-историка претерпел изменения. Благодаря трудам Сергея Соловьёва, профессиональной особенностью историка являлось изучение исторических фактов в качестве объективного процесса.

Согласно ФГОСу по направлению подготовки 46.03.01 История от 07 августа 2014г. № 950, выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать профессиональными компетенциями (ПК), соответствующими виду (видам) профессиональной деятельности, на который (которые) ориентирована программа бакалавриата:

научно-исследовательская деятельность:

способностью использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории (ПК-1);

способностью использовать в исторических исследованиях базовые знания в области археологии и этнологии (ПК-2);

способностью использовать в исторических исследованиях базовые знания в области источниковедения, специальных исторических дисциплин, историографии и методов исторического исследования (ПК-3);

способностью использовать в исторических исследованиях базовые знания в области теории и методологии исторической науки (ПК-4);

способностью понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, роль насилия и ненасилия в истории, место человека в историческом процессе, политической организации общества (ПК-5);

способностью понимать, критически анализировать и использовать базовую историческую информацию (ПК-6);

способностью к критическому восприятию концепций различных историографических школ (ПК-7);

способностью к использованию специальных знаний, полученных в рамках направленности (профиля) образования или индивидуальной образовательной траектории (ПК-8);

способностью к работе в архивах и музеях, библиотеках, владением навыками поиска необходимой информации в электронных каталогах и в сетевых ресурсах (ПК-9);

способностью к составлению обзоров, аннотаций, рефератов и библиографии по тематике проводимых исследований (ПК-10);

педагогическая деятельность:

способностью применять основы педагогической деятельности в преподавании курса истории в общеобразовательных организациях (ПК-11);

организационно-управленческая деятельность:

способностью к работе с информацией для принятия решений органами государственного управления, местного, регионального и республиканского самоуправления (ПК-12);

способностью к работе с базами данных и информационными системами (ПК-13);

культурно-просветительская деятельность:

способностью к разработке информационного обеспечения историко-культурных и историко-краеведческих аспектов в тематике деятельности организаций и учреждений культуры (ПК-14);

экспертно-аналитическая деятельность:

способностью к работе с информацией для обеспечения деятельности аналитических центров, общественных и государственных организаций, СМИ (ПК-15) [2].

Обращаясь к профессиограмме «Историк», необходимо выделить профессиональные качества, определяющие специфику данной профессии:

- наблюдательность;
- аккуратность;
- внимательность;

- настойчивость;
- терпеливость, усидчивость;
- любознательность;
- эрудированность, широкий кругозор [3].

Стоит отметить, что в приведённых выше документах, отсутствует волевое личностное качество как ответственность, значительно определяющее компетентность учёного-историка.

Личность с высоким уровнем ответственности может избегать ситуаций, влекущих конфликт интересов при исполнении профессионального долга.

Учёные-историки относятся к той когорте учёных, для которых репутация и честь занимают особое место.

Таким образом, ответственная личность учёного-историка может выполнять свои профессиональные обязанности с предельной серьезностью, следить за соблюдением честности и открытости и придерживаться высоких стандартов профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный Государственный образовательный стандарт история [Текст]: утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 07 августа 2014г., №950 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – Москва: 2014 г.
2. Зеер Э.Ф. Психологическое профессиоведение: учебное пособие / Э. Ф. Зеер, М. В. Зиннатова. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. – 135 с.
3. Statements of Standarts of Professional Conduct (updated 2019) – Pittsburg 2021.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Гребенкин А.Н.

Аннотация: В статье рассмотрены методологические и педагогические проблемы, которые возникают в ходе выполнения федерального проекта «Без срока давности», направленного на увековечение памяти о мирных гражданах СССР, ставших жертвами нацизма. Особое внимание уделено архивным документам, вновь вводимым в научный оборот. Автор осуществляет их источниковедческую характеристику в контексте задач, связанных с противодействием попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; проект «Без срока давности»; методология; педагогика; противодействие попыткам фальсификации истории.

Федеральный проект «Без срока давности», реализация которого началась в феврале 2019 г., посвящен сохранению исторической памяти о мирных советских гражданах, ставших жертвами нацистских оккупантов. Важной частью проекта является рассекречивание и введение в научный оборот архивных документов, содержащих информацию о преступлениях гитлеровцев в отношении мирного населения СССР. Успешное решение этой задачи является необходимой предпосылкой для взятия следующего рубежа – осуществления комплексного исторического исследования обстоятельств совершения этих преступлений как на территории отдельных регионов, так и в масштабах всей части территории Советского Союза, оказавшейся в зоне боев и оккупации.

Формирование полноценной источниковой базы является одним из главных условий подготовки добротных научных исследований. Для этого необходимо осуществить процедуру рассекречивания больших массивов документов, имеющих гриф «секретно» и «совершенно секретно». Общей тенденцией в данной области является курс на расширение круга документов, подлежащих рассекречиванию. Так, 12 ноября 2020 г. министр обороны Российской Федерации С.К. Шойгу издал приказ № 589 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота периода Второй мировой войны», в соответствии с которым в 2021-2024 гг. должна будет проведена работа экспертных комиссий Минобороны по изучению документов, относящихся к периоду Второй мировой войны, «на предмет их возможного рассекречивания» [6]. Ввиду того, что документы, находящиеся на секретном хранении, весьма разнообразны по составу, дублируют либо дополняют друг друга, могут содержать как информацию, жизненно необходимую для подготовки научных исследований, так и данные, рассекречивание которых можно отложить на более поздний срок, к этой работе должны быть привлечены высококвалифицированные специалисты, способные выявить в огромных массивах документов дела, подлежащие рассекречиванию, осуществить их ранжирование в зависимости от значимости

содержащихся в них данных и тем самым существенно оптимизировать деятельность по формированию источниковой базы работы исследователей. И если для работы в Центральном архиве Министерства обороны, находящемся в г. Подольске, найти таких специалистов, имеющих соответствующую форму допуска, не составляет труда, то на периферии, где аналогичные действия должны быть проведены в архивах региональных управлений Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности, дело обстоит иначе. Так, для знакомства со следственными делами, находящимися на хранении в архивах УФСБ, необходимо иметь допуск к работе с документами категории «совершенно секретно», в то время как у подавляющего большинства нет права даже на работу с секретными данными. Процедура оформления допуска весьма сложна, предполагает наложение на лицо, его получающее, ряда существенных ограничений, касающихся выезда за пределы Российской Федерации, и т.п. На это согласится далеко не каждый исследователь, не принадлежащий к числу сотрудников силовых структур. Поэтому практически весь объем работы, связанной с рассекречиванием, ложится на плечи сотрудников соответствующих органов, не имеющих необходимой подготовки и объективно справляющихся с ней хуже, чем специалисты.

Следующей методологической проблемой является нехватка на периферии высококвалифицированных специалистов по истории Великой Отечественной войны. Научный потенциал исторических факультетов провинциальных университетов – бывших педагогических институтов – как правило, невысок. Высокая учебная нагрузка, скромная заработная плата, вынуждающая работать по совместительству в нескольких вузах, заниматься репетиторством и брать иные подработки, наконец, невозможность ведения постоянной научной работы ввиду плохой сохранности фондов местных архивов и неукомплектованности библиотек современной научной литературой – все это приводит к тому, что преподаватели либо совсем не занимаются историческими исследованиями, либо прекращают ее сразу же после защиты кандидатской диссертации, в дальнейшем довольствуясь выполнением минимальных требований,

предъявляемых к публикационной активности. Хотя Великая Отечественная война в силу своей значимости и многоаспектности как исторического феномена достаточно хорошо изучена, подавляющее большинство работ создано столичными исследователями, имеющими постоянный доступ к фондам ЦАМО. Орловской области в этом отношении относительно повезло – среди преподавателей университета есть признанный специалист по истории Великой Отечественной войны доктор исторических наук Е.Е. Щекотихин, автор многочисленных трудов, посвященных не только боевым событиям, но и военной повседневности. Однако у Егора Егоровича, несмотря на его огромную энергию и энтузиазм, ввиду отсутствия допуска нет возможности знакомиться с секретными и совершенно секретными документами, что, разумеется, объективно ограничивает исследовательские возможности этого исключительно увлеченного своим делом историка и препятствует его полноценному участию в реализации проекта «Без срока давности».

Еще одной проблемой научно-методологического характера является концептуальное осмысление данных, содержащихся как в несекретных, так и в рассекреченных документах. Так, если факт преступлений в отношении расстрелянных и замученных людей не вызывает никаких сомнений, то положение лиц, добровольно или вынужденно сотрудничавших с нацистами и занимавших административные должности, нуждается в тщательном выяснении – являются ли они пособниками палачей либо бессловесным орудием в их руках, т.е. такими же жертвами, как и те, чьи тела с пулевыми отверстиями в черепах были сброшены нацистскими извергами в ямы. Так, заведующая женским отделением орловской биржи труда А.Д. Викторова в своем объяснении, данном 10 августа 1943 г., отмечала: «При защите моральных интересов женщин мне часто попадало от Леве и Фохт (начальника биржи труда и его заместителя. – А.Г.). Бывали дни, когда меня выгоняли из кабинета начальника со страшной руганью и угрозами. Однажды я была оскорблена начальником Фохт самым грубым образом – угрозой загнать меня в Германию вместе с 7-летним сыном, который тоже должен пасти свиней для

немецких господ, чтобы я чувствовала, что немцы завоеватели. Все эти оскорбления я понесла лишь потому, что осмелилась не выполнить заказ одного офицера – послать к нему нарядных, молодых, интеллигентных прачек, а я послала простеньких, чистеньких, нуждающихся в работе женщин» [2, л. 18 об. – 19]. С другой стороны, жительница Орла А.М. Сысоева на допросе показала, что Викторова грубо обращалась с проходившими регистрацию на бирже труда женщинами, а согласно показаниям С.Д. Абашевой, заведующая женским отделением «...по своему усмотрению за взятки оставляла молодых девушек, не посылала в Германию или она оставляла девушек для сожительства с немецкими офицерами» [2, л. 24]. О том, что Викторова брала взятки за то, чтобы не отправлять девушек в Германию, говорила и Е.В. Мазина. В итоге А.Д. Викторова была приговорена к 20 годам исправительно-трудовых лагерей и 5 годам поражения в правах. Информация о ней занесена в базу данных «Жертвы политического террора в СССР» и Книгу памяти Орловской области. В подчинении Викторовой находилось большое количество женщин-регистраторов, также причастных к угону орловчанок в Германию, был и мужской отдел биржи труда. Все эти люди, в зависимости от обстоятельств, могут быть отнесены как к пособникам нацистам, так и к их жертвам. Необходимо производить тщательное расследование в отношении каждого конкретного лица, что не так просто ввиду того, что очевидцев уже не осталось в живых, а документальные данные не всегда достаточны для того, чтобы прийти к аргументированному выводу.

Вместе с тем сохранилось огромное количество свидетельств того, что представители местной администрации из числа русских предателей являлись активными проводниками репрессивной политики. Документы убедительно говорят о том, что в их деятельности не было ни намека на попытки улучшить положение мирного населения, оказавшегося в зоне оккупации. Так, старшина Егорьевской волости А.Н. Козлов, занимавший эту должность с сентября 1942 г. по 30 января 1943 г., приговаривал к избиению плетью или розгами людей, отказывавшихся сдавать хлеб, сено, яйца и молоко в пользу немцев, а

бежавших из нацистского плена красноармейцев задерживал и направлял в немецкую комендантуру. Начальник полиции Егорьевской волости В.М. Писарев в деревне Иваненково собственноручно избил кнутом трех женщин и молодого человека за то, что они брали зерно при молотье. Кроме того, старшина Козлов и староста Антипов занимались провокациями: ходили по деревням, выдавая себя за партизан, и просили хлеба, а затем подвергали репрессиям всех давших им хлеб. А.И. Мещеряковой, которая открыто говорила о том, что после прихода Красной Армии все предатели будут расстреляны, Козлов угрожал наганом и, выведя женщину из дома на улицу, намеревался ее застрелить. В деревне Дубровка Должанского района староста Е.М. Черных «по распоряжению немецкого коменданта привязал к дереву телефонным проводом с заложеными насильно назад руками гражданку дер. Дубровка Проскурину Любовь и в таком невыносимом состоянии она находилась длительное время» [5, л. 1]. Это необходимо иметь в виду при оценке деятельности тех, кто шел на сотрудничество с немцами.

Еще одна крупная проблема исследовательского характера – использование архивных данных при выявлении мест захоронений убитых нацистами мирных граждан и военнопленных. Локализация могил необходима как для того, чтобы облегчить работу поисковых отрядов, так и в целях увековечения памяти о жертвах нацизма. Решить эту задачу непросто. В актах судебно-медицинской экспертизы, составленных по итогам эксгумации во второй половине 1943 г., и данных тогда же свидетельских показаний точные указания на то, где именно располагались могилы, отсутствуют. Ориентирами служат такие давно исчезнувшие детали ландшафта, как «Гапеевский сад», «кустарник за школой», «старые окопы», либо объекты достаточно большой площади с нечеткими границами – «район хутора Малая Гать и леса Цон», «урочище Мурашиха», «луг за селом Кутафино». Поэтому необходимо выезжать в те населенные пункты, в которых либо возле которых находились захоронения, и опрашивать местных жителей. Как правило, информация о том, где были захоронены расстрелянные, передавалась от очевидцев их потомкам и

таким образом, независимо от ее документальной фиксации, сохранилась до настоящего времени. Безусловно, сами тела в местах их первичного захоронения присутствуют далеко не всегда – часто убитые перезахоранивались на местных кладбищах. В случае превращения первичного захоронения в братскую могилу оно благоустраивалось и в таком виде, как правило, дошло до нашего времени. Единичные захоронения, упомянутые в документах, но не обнаруженные в 1943 г., не раскапывались, а находившиеся в них жертвы эксгумации не подвергались. Такие захоронения следует искать в первую очередь. Немалый исследовательский интерес представляют и места массовых захоронений, обнаруженных и изученных в 1943 г., в связи с тем, что там могут находиться как не подвергшиеся эксгумации тела, так и какие-либо предметы, проливающие свет на обстоятельства, при которых были совершены злодеяния, и способствующие выявлению виновных. Составление точной карты захоронений существенно облегчит деятельность поисковых отрядов и позволит отдать дань памяти жертв Великой Отечественной войны.

Достаточно обширный комплекс вопросов сопряжен с использованием результатов, полученных в ходе реализации проекта «Без срока давности», в педагогической практике. Любая война неизбежно сопряжена с насилием и жестокостью. Однако то, что творили нацисты на советской земле, выходит за рамки обычного человеческого понимания. В документах зафиксированы многочисленные акты расправ над военнопленными и мирными гражданами, включая женщин, детей и стариков. Очевидцы описывают мельчайшие детали чудовищных злодеяний, которые не оставляют никаких сомнений в том, что гитлеровцы не просто выполняли приказы своего руководства, но делали это с изощренным садизмом, реализуя на практике идею «арийского превосходства». Так, в Малоархангельском районе «летом 1942 г. полицейские поймали двух ни в чем не повинных девушек, усадили их в автомашину, отвезли в лес, где их и расстреляли. Когда полицейские возвратились на квартиру, то стали вести между собой разговор на русском языке, один солдат говорил, что он этим двум девушкам сначала отрезал груди, а потом расстрелял» [1, л. 33]. Жители хутора

Малая Гать, возле которого производились массовые расстрелы, «часто... по вечерам слышали стоны умирающих в траншеях, засыпанных тонким слоем земли» [4, л. 8]. 10 апреля 1942 г. группа немецких автоматчиков численностью 40 человек ворвалась в деревню Зябрево Троицкого сельсовета Должанского района и занялась истреблением ее жителей: «автоматчики, проходя по улицам деревни, сожженной гитлеровцами при отступлении в декабре 1941 года, открывали двери подвалов, погребов и забрасывали гранатами спрятавшихся там мирных жителей: женщин, детей и стариков» [3, л. 1]. В результате 6 человек были убиты, а еще несколько, получив тяжелые ранения, стали калеками (ослепли, лишились рук или ног). Уцелевших после взрывов жителей Зябрева немцы ловили, изрешечивали штыками, а затем расстреливали. В деревне Хохловка Егорьевского сельсовета А.В. Кушнарера была убита за то, что потребовала от немецкого солдата вернуть ей отобранную лампу.

Безусловно, знакомить детей с этими фактами нельзя. Ранжирование фактов, используемых в качестве иллюстраций, можно осуществить следующим образом. Учеников 5-9 классов следует знакомить со статистическими данными преступлений в полном объеме (цифры дадут детям возможность оценить масштаб совершенных нацистами преступлений, не травмируя при этом их психику), а при характеристике событий необходимо лишь упоминать о том, что мирные жители подвергались казням путем расстрела, повешения и т.п., не давая даже краткого описания сцен насилия. Подростки, обучающиеся в 10 и 11 классах, могут быть ознакомлены в общих чертах с тем, как осуществлялись казни и как вели себя нацисты по отношению к мирному населению. При том цензуре следует подвергать не только шокирующие детали расправ (например, 15 декабря 1941 г., отступая из деревни Вышнее Кобылье Космодемьяновского сельского совета Должанского района, немцы подожгли дом П.Ф. Дорофеева, и когда престарелый мужчина, пытаясь спастись, вышел на крыльцо, его застрелил немец), но и ряд малозначащих на первый взгляд фактов, которые могут произвести чересчур сильное впечатление на ребенка (немцы заставляли юношей и девушек,

угнанных в Германию, посылать родителям написанные едва ли не под копирку открытки, в которых жизнь в рабстве описывалась в идиллических тонах). Это же относится и к учащимся младших курсов средних профессиональных учебных заведений.

Студенты высших учебных заведений и обучающиеся старших курсов средних профессиональных учебных заведений, как лица, достигшие совершеннолетнего возраста, могут быть ознакомлены с информацией о злодеяниях нацистов в отношении мирного населения в полном объеме. При этом, однако, следует делать предупреждение о шокирующем контенте, чтобы избежать травмирующего воздействия на чересчур впечатлительных обучающихся, а также на тех, кто отличается эмоциональной неустойчивостью. В первую очередь это относится к фотографиям, на которых нацистами были запечатлены сцены показательных казней (повешений, расстрелов и т.п.), а также фотоснимкам, фиксирующим результаты эксгумации тел жертв.

Важной педагогической задачей является противодействие попыткам фальсификации истории, которые активно предпринимаются в настоящее время с связи с эскалацией напряженности в международных отношениях и крайне неприязненным отношением к России со стороны ряда западных государств. Одним из направлений деятельности фальсификаторов является ревизия политики нацистской Германии в отношении мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Ложный тезис об «освободительной миссии» гитлеровцев на советской земле далеко не нов: он был выдвинут еще в 1941 году. В качестве аргументов, его подкрепляющих, использовались факты деятельности идейных предателей и соглашателей, а также тех, кто вынужденно пошел на сотрудничество с немцами. Хотя отечественные исследователи истории Великой Отечественной войны в своих трудах много раз убедительно опровергали лживую концепцию о взаимовыгодном сотрудничестве нацистов и советских граждан, в настоящее время политические противники России вновь пытаются взять ее на вооружение. При этом акцент делается не столько на деятельности РОА и пронацистских

казачьих формирований, сколько на «гуманном» отношении оккупантов к их жертвам, которые, таким образом, превращаются из объекта чудовищного насилия в тех, кого нацисты пытались освободить от «кровавого сталинского режима» и если не приобщить к благам цивилизации, то хотя бы накормить досыта. Интернет пестрит постановочными фотографиями, на которых нацисты обнимаются с улыбающимися женщинами и детьми, кормят их продуктами из своих пайков, организуют работы по наведению порядка и т.п. Публикуются воспоминания детей войны, в которых говорится о том, что нацисты были хорошими, добрыми и веселыми, угощали их шоколадом и консервами, потешали игрой на губных гармониках, возились с домашними животными.

При работе с подобными историческими источниками следует максимально использовать инструментарий их критики. Дело в том, что нацисты, сознавая всю бесчеловечность своих деяний, стремились поддержать репутацию немцев как цивилизованной нации. Этим и объясняется забота о фотофиксации «положительных» сторон пребывания гитлеровцев на советской земле. Весьма показательна причина появления фотографий, на которых запечатлены казни партизан и подпольщиков. Жертвы нацистского режима, по замыслу фотографа, должны были выглядеть как нарушители пресловутого «орднунга», насаждаемого новыми хозяевами и «поддерживаемого» местным населением. В глазах советских граждан, согнанных на место казни, читается целая гамма отличных от радости чувств – ужас, страх, растерянность, сострадание приведенным на смерть, ненависть к палачам, однако это не мешало нацистам активно использовать такие снимки в пропагандистских целях, провозглашая себя поборниками не только свободы, но и порядка. Что же касается детских воспоминаний о «добрых немцах», то здесь проявилось одно из свойств человеческой памяти, позволяющее стирать негативную информацию, замещая ее положительной. Именно поэтому на первом плане оказались воспоминания о подаренных лакомствах, в то время как память о насилии оказалась вытесненной в подсознание. Эти обстоятельства необходимо иметь в виду при сопоставлении данных, полученных в ходе реализации

проекта «Без срока давности», с противоречащими им фактами, являющимися результатами фальсификации либо непреднамеренного искажения.

Наконец, документы позволяют противопоставить каждому утверждению о мнимом «гуманизме» немцев многочисленные свидетельства того, что гитлеровцы отличались не только жестокостью, но и алчностью. Так, согласно акту, составленному 7 августа 1943 г., при захвате села Спасское Орловского района в октябре 1941 г. «фашистские разбойники ограбили все население, отобрали весь скот, все домашние вещи, вплоть до кухонной посуды, отобрали всю зимнюю одежду – шубы, пальто, шапки, валенки. Скота отобрано из колхозных ферм – 40 лошадей с упряжью, 28 коров, 30 телят, 80 овец, 150 кур, всего на общую сумму 320 тысяч рублей. У граждан отобрали 50 коров, 270 овец, 500 гусей, 500 кур на сумму 85 тыс. руб. Имущества и одежды отобрали более чем на 2 миллиона рублей» [4, л. 21]. Было зафиксировано множество случаев смерти от голода и холода мирных граждан, у которых немцы отнимали все пожитки и запасы продовольствия либо выгоняли их из домов, не разрешая взять с собой продукты и теплую одежду. Женщин с детьми, больных и стариков, которые не могли быстро передвигаться, немцы расстреливали на месте. Так, 3 февраля 1942 г. при оккупации территории Егорьевского сельсовета Должанского района немцы в течение нескольких минут выгнали жителей из нескольких деревень. При этом они расстреляли «семидесятилетнего старика и его жену Коняева Федора Родионовича и Коняеву Марину Кузьминичну, Абельдяеву Устинью Исаевну, 95-летнюю старушку, Корнеева Ивана Филипповича, 90-летнего старика, Ловчикова Кузьму Никифоровича, его жену Ловчикову Марфу Ивановну, шестидесятилетних стариков» [3, л. 8]. Перед тем, как расстрелять стариков, немцы избивали их прикладами и глумились над ними. Голод и холод впоследствии стали причиной массового распространения эпидемических заболеваний, например тифа. При этом немцы не только не принимали никаких мер медицинского характера (за больными присматривали их родственники и

местные жители), но и делали все возможное для того, чтобы заболевшие поскорее умерли. В ряде случаев они целенаправленно умерщвляли больных.

Ограниченный объем настоящей статьи не позволяет дать содержательный анализ всех аспектов методологического и педагогического сопровождения проекта «Без срока давности». Однако приведенные данные дают возможность не только выявить проблемы, возникающие в ходе выполнения проекта и реализации его результатов, но и наметить возможные пути их решения. Вновь вводимые в научный оборот документы, содержащие информацию о злодеяниях нацистов в отношении мирного населения СССР, должны стать конструктивным дополнением уже существующей источниковой базы. Для этого необходимо осуществить тщательный отбор единиц хранения, подлежащих публикации, и максимально использовать их источниковедческий потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ).– Ф. Р-7021. – Оп. 29. – Д. 980.
2. ГАРФ. – Ф. Р-7021. – Оп. 37. – Д. 9.
3. ГАРФ. – Ф. Р-7021. – Оп. 37. – Д. 20.
4. ГАРФ. – Ф. Р-7021. – Оп. 37. – Д. 792.
5. Государственный архив Орловской области. – Ф. 691. – Оп. 1. – Д. 34.
6. О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота периода Второй мировой войны: приказ министра обороны Российской Федерации от 12 ноября 2020 г. № 589.

ИНТЕГРАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРИЁМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Гришук Н.В.

Аннотация: статья посвящена проблемам развития интеграционных связей в обучении истории. Обобщены формы, методы и приёмы эффективной реализации интеграции в историческом образовании.

Ключевые слова: интеграция; внутри- и межпредметные связи; межкурсовые связи.

Проблема связей между учебными предметами и внутри них не является новой. Рассмотрение и изучение проблемы интеграции предпринимались педагогами ещё в далёком прошлом. Так, Ян Амос Коменский выступал за

взаимное изучение грамматики и философии, философии и литературы, Джон Локк – истории и географии. Необходимость межпредметных связей обосновывали В.Ф. Одоевский, К.Д. Ушинский [1, с. 198], В.П. Вахтеров. В советское время много внимания межпредметным связям уделяла Н.К. Крупская [2, с. 115]. В 50-70-е гг. в отечественной педагогике разрабатывались вопросы, касающиеся межпредметных связей М.И. Махмутовым [3], В.В. Давыдовым, И.Д. Зверевым [4]. Все эти авторы высказывались о том, что межпредметные связи – это связи реальной действительности, они отражают объективность мира и, следовательно, должны определять содержание, методы и формы обучения. В 50-е гг. XX века некоторые педагоги за рубежом и в нашей стране для достижения целостности знания создают интегрированные учебные предметы. Так в США возник интегрированный курс «Общественные науки», включающий элементы истории, географии, граждановедения. В Польше была предпринята попытка создать интегрированный курс «Культура». По существу интегрированным предметом является у нас курс обществознание.

В настоящее время важность и плодотворность осуществления межпредметных и внутрипредметных связей в обучении не вызывает сомнений. Идея интеграции стала в последнее время предметом интенсивных теоретических и практических исследований и приобрела особую актуальность в силу серьёзных причин.

Во-первых, в современном школьном образовании большая часть требований к его результатам носит надпредметный характер, а один из основных результатов среднего образования – формирование целостного мировоззрения. Однако дисциплинарный (предметный) подход к структурированию образования препятствует достижению этих результатов, а один из основных способов их достижения является установление межпредметных связей. Во-вторых, интеграция даёт возможность, с одной стороны, показать мир в целом, преодолев дисциплинарную разобщённость научного знания, а с другой – позволяет высвобождаемое при этом учебное время использовать для полноценного осуществления профильной

дифференциации в обучении. В-третьих, важно, опираясь на обновлённое содержание исторических курсов, используя внутри- и межпредметные связи, раскрывать многоплановость, многомерность исторического процесса, роль человеческого фактора в общественном развитии, показывать возможность исторических альтернатив. В-четвёртых, опора на внутри- и межпредметные связи в обучении истории позволит в ряде случаев освободиться от неоправданного дублирования материала с курсами обществознания, экономической и социальной географии, ненужных повторов. В-пятых, современные учебные программы, в отличие от своих советских предшественников, не содержат специального раздела по внутри- и межпредметным связям. Практика показала, что у значительной части учителей использование связей вызывает затруднения. Имеют место крайности двоякого рода: одни учителя не опираются на имеющиеся у учащихся знания, другие – чрезмерно увлекаются актуализацией знаний в ущерб изучаемому материалу. История как предметная область имеет практически неограниченный дидактический потенциал, что позволяет ей служить фактором межпредметной интеграции в образовательном процессе. В данном случае содержание образовательного процесса способно наполняться особым историческим колоритом. В свою очередь интеграция «истории» с другим содержанием обогащает историческое знание, повышает мотивацию изучения предмета. Содержание исторического образования через содержание других предметных областей в глазах учащихся приобретает новый смысл, и тем самым проблема межпредметной интеграции вводится в рамки личностно-ориентированного образования.

Сегодня, как никогда ранее, необходимы поиски наиболее результативных путей и способов интенсификации образовательного процесса, улучшения качества преподавания. Экстенсивные пути решения «вечных» дидактических проблем: несоответствие учебного времени объёмам учебных знаний, которые необходимо усвоить; дробность, фрагментарность учебных курсов; линейность, «попараграфность» учебных курсов; увеличение количества учебных

предметов, содержания дисциплин и др., практически исчерпаны. Путь интенсификации – в увеличении «плотности» единицы учебного процесса (урок заменяется блоком уроков), а также за счёт «сгущения» учебного содержания и его интеграции. Разными уровнями проявления интеграции являются межпредметность, надпредметность, метапредметность. В литературе можно встретить более 30 определений понятий «межпредметные связи». Наиболее устоявшимся является определение И.Д. Зверева. Межпредметные связи – сопряжённые поля различных учебных предметов, которые взаимно учитывают общее между предметами как в содержании, так и в учебно-воспитательном процессе [4, с. 6]. Надпредметность рассматривается как организованность качественно нового уровня, позволяющая создавать условия для формирования универсальных учебных действий (УУД) средствами разных предметов. Наиболее новым является понятие «метапредметность». Надпредметность и метапредметность часто отождествляют, однако метапредметность характеризуется ещё более высоким уровнем интеграции – она лежит за пределами не только конкретного предмета, отдельных умений, действий и учебной программы, но и школы вообще – в плоскости реальной непредсказуемой жизни. Она обеспечивает формирование таких действий, которые обеспечивают способность принимать решения в различных жизненных ситуациях, в том числе и нестандартных [6, с. 11].

Осуществление внутри- и межпредметных связей в обучении истории будет проходить эффективнее при соблюдении системы методических условий. Прежде всего учителю необходимо глубоко осознать общую цель осуществления внутри- и межпредметных связей в учебном процессе, а именно: обеспечить последовательное формирование научного мировоззрения учащихся, понимание ими общественного развития и осознанное применение теоретических знаний к анализу и оценке фактов прошлого и современности. Кроме того, важно знать основные типы и виды связей, которые в органическом единстве способствуют обучению, воспитанию и развитию учащихся с учётом современных требований, предъявляемых к преподаванию

истории. Это хронологические связи – ретроспективные (предшествующие), перспективные (предваряющие), сопутствующие (синхронные), а также функциональные связи, информационные – фактические, теоретические, понятийные [5, с. 58].

Важная сторона деятельности учителя – его ознакомление с программами и учебниками (УМК в целом) по смежным предметам в той степени, насколько это необходимо для использования их содержания в преподавании истории. Например, анализируя как в учебнике по истории России и всеобщей истории изложен аналогичный, однотипный материал, необходимо обратить внимание на различие в определениях, трактовке одних и тех же событий, явлений в учебниках по разным курсам истории, географии, обществознания. С другой стороны, учитель определит и возможности использования знакомых школьникам иллюстраций, подумает о преемственном использовании, но уже на более высоком уровне, исторических документов. Желательно заранее определить содержание, объём работы, наметить организационные формы осуществления внутри- и межпредметных связей и отразить это в тематическом планировании. Действенную помощь учителям могут оказать методические объединения школы. Возможно разработка в конкретном образовательном учреждении общешкольной системы установления преемственных связей. Например, составление и систематическое применение графика совместной работы, в котором указываются примерные сроки сообщения, объяснения и закрепления, и постоянного усложнения аналогичных приёмов и способов деятельности. Непосредственно на учебных занятиях учителю целесообразно использовать следующие приёмы: объяснение нового с опорой на ранее известный учащимся фактический или теоретический материал из предыдущих курсов истории или другого учебного предмета. Так, при изучении темы «Социально-экономические отношения в IX-XII вв. у восточных славян» такой опорой служит материал по межкурсовым связям из курса всеобщей истории – История средних веков, 6 класс (сущность феодализма, феодальных отношений

в классическом западноевропейском варианте). Это поможет выявить особенности складывания феодальных отношений на Руси.

Формирование нового приёма или способа учебной деятельности (например, составление сложного плана, сравнительной характеристики, эссе) с учётом того, как он формировался учителем смежного предмета. Обучение приёмам припоминания (актуализации) ранее усвоенных знаний и умений, в том числе с использованием наглядности (таблиц, схем, карт и др.).

Использование заданий на доказательство, требующих от учеников припоминания главного содержания ранее изученного материала по другим курсам и предметам и его обобщения на основе вновь изучаемого. Например, при изучении темы «Образования единого централизованного государства» в курсе истории России необходимо вспомнить материал по межкурсовым связям (из истории всеобщей, средние века, Западная Европа в XIV-XV вв.) для доказательства наличия общих тенденций в этом процессе в Западной Европе и России.

Сопоставление и интеграция однотипного материала из курсов истории России, всеобщей истории и других учебных предметов, например, однородных исторических событий, их причин, следствий (войны, революции, реформы). Обобщение знаний на межпредметной, межкурсовой, внутрикурсовой основе путём составления различных таблиц, схем (сравнительных, сравнительно-обобщающих, синхронистических, проблемных). Например, таблица «Этапы формирования крепостного права в России», «Крестьянский вопрос в России в XVII – начале XX вв.», «Классицизм в европейской и русской культурах» и др.

Среди методических приёмов можно так же выделить актуализацию (припоминание) учениками, по заданию учителя, содержания исторических документов, фрагментов из художественной и мемуарной литературы, изученных ранее или изучаемых синхронно (образные описания исторических событий и их участников), и сопоставление их с соответствующими описаниями, характеристиками и оценками в учебниках истории. Создание проблемных ситуаций на межпредметной и межкурсовой основе, постановка

проблемных заданий, требующих переноса и обобщения знаний, усвоенных из смежных курсов и учебных предметов, стимулирующих умственную деятельность учащихся. Например, такие задания: 1) В русском языке люди всех национальностей называются именами существительными, и только русские - именем прилагательным. Почему? 2) Политика П. А. Столыпина была направлена на создание в России стабильного правового государства. Приведите по 2 аргумента подтверждающих и опровергающих данное мнение (из КИМов ЕГЭ по истории России).

Систематическое привлечение учениками ранее усвоенных знаний по другим учебным предметам, а также из источников внеучебной информации: научно-популярной, исторической литературы, газет, телевидения, жизненного опыта. Проведение межпредметных конференций, дискуссий.

Одной из наиболее эффективных форм реализации межпредметных связей являются интегрированные уроки: «Защитники земли русской» 6 класс (история и литература); «Порочный круг» (о кровной мести), история, литература, право; «Вокруг света с Андреевским флагом», 8 класс, история и география. Интегрированные уроки способствуют росту творческого потенциала учителя, подталкивают педагога к инновационной, а значит, и исследовательской деятельности. Готовясь к уроку, необходимо стремиться к относительной или абсолютной новизне в работе, дополняя уже известные данные новыми элементами. Успешность проведения интегрированных уроков зависит и от ряда методических условий: 1) правильное вычисление междисциплинарных объектов обучения; 2) рациональная организация совместной работы учителей (если урок ведут 2 учителя); 3) согласованность действий педагогов и учащихся (дети должны чётко понимать, зачем используется объединение курсов на уроке); 4) активизация деятельности учащихся на всех этапах урока; 5) разнообразие форм учебной деятельности, обеспечение преемственности между ними; 6) оперативное использование обратной связи для регулирования педагогическим процессом.

Таким образом, учитель располагает достаточно большим выбором форм, методов и приёмов эффективной реализации внутри- и межпредметной интеграции. Важно только учитывать при этом возрастные и индивидуальные особенности учащихся, уровень их подготовки и постоянно поддерживать их интерес к выявлению этих связей. Современные тенденции к синтезу и интеграции предполагают и наличие новых требований к выпускникам школ. Поэтому интеграция истории с различными смежными курсами направлена на формирование у школьников системного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 т., т. 2. – М., 1989.
2. Крупская Н.К. Обучение и воспитание в школе. – М., 1959.
3. Махмутов М.И. Современный урок: вопросы теории. – М., 1981.
4. Зверев И.Д., Максимова В.А. Межпредметные связи в современной школе. – М., 1987.
5. Внутрипредметные и межпредметные связи в обучении истории.// Колоскова А. Г. – М, 1990.
6. Женина Л.В. Межпредметность, надпредметность, метапредметность как проявление интегративных процессов в образовании // Пермский педагогический журнал. – 2011. – № 2.

УЧЕБНО-ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА БАКАЛАВРОВ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС

Жиркова Т.М.

Аннотация: В статье представлен опыт организации и проведения учебно-ознакомительной практики бакалавров второго курса ГСГУ, направления подготовки «Педагогическое образование». Определены цели и задачи практики, проанализирован положительный опыт и допущенные ошибки.

Ключевые слова: ФГОС; учебно-ознакомительная практика; госпитальная педагогика; TED-конференция.

Действующий Федеральный государственный стандарт делает акцент на формирование у студентов практических умений и навыков: «изучение возможностей, потребностей, достижений обучающихся в области образования; осуществление обучения и воспитания в сфере образования в соответствии с требованиями образовательных стандартов» [4]. Учебные планы бакалавров направления подготовки «Педагогическое образование», профиль «История» и

«Обществознание» также ориентированы на практическую реализацию тех теоретических знаний, которые были получены в процессе обучения. Важнейшим компонентом, помогающим решить данную задачу, являются учебные, ознакомительные и производственные практики, которые проходят студенты.

В своей статье мы проанализируем цели, структуру, содержание и результаты учебной (учебно-ознакомительной) практики бакалавров второго курса. Надо отметить, что такая форма учебной работы являлась для факультета новым опытом, раньше практика начиналась на четвертом курсе и сразу же в формате производственной.

Перед учебно-ознакомительной практикой была поставлена следующая цель – формирование органической связи обучения, осуществляемое в различных формах аудиторных занятий по дисциплинам теоретического цикла, с практической деятельностью студентов по реализации усваиваемых знаний, умений и навыков в выполнении профессиональных функций специалиста образовательного учреждения.

Практика должна способствовать формированию таких компетенций как общепрофессиональные компетенции, освоив которые бакалавр способен осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами в сфере образования и нормами профессиональной этики (ОПК-1); способен организовывать совместную и индивидуальную учебную и воспитательную деятельность обучающихся, в том числе с особыми образовательными потребностями, в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов (ОПК-3); способен использовать психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания, в том числе обучающихся с особыми образовательными потребностями (ОПК-6).

В результате прохождения производственной (педагогической) практики бакалавр должен:

Знать:

- современные тенденции развития образовательной системы;
- концептуальные модели и подходы к преподаванию;
- разнообразные инновационные достижения мировой и отечественной педагогической науки;
- роль, виды, методы самостоятельной работы учащихся на уроке и дома;
- основные направления и формы внеурочной работы;
- основные направления и формы воспитательной работы с учащимися.
- критерии инновационных процессов в образовании;
- принципы проектирования новых учебных программ и разработки инновационных методик организации образовательного процесса;

Уметь:

- внедрять в практику теоретические знания частной методики с учетом специфики учебного предмета;
- целенаправленно использовать разнообразные инновационные достижения мировой и отечественной педагогической науки; обеспечивать индивидуализацию и дифференциацию в подходе к обучаемым;
- выявлять уровень знаний и умений учащихся;
- отбирать историческое содержание на урок в соответствии с целями и задачами обучения, познавательными возможностями учащихся;
- соотносить содержание обучения с применяемыми методами и приемами обучения;
- организовать самостоятельную работу учащихся на уроке и дома;
- максимально сохранять свой положительный прежний опыт, развивать его применительно к новым условиям;
- вести внеурочную работу по предмету.

Владеть:

- понятийным аппаратом теории и методики обучения истории и обществознанию;

- современными методами поиска, обработки и использования психолого-педагогической и методической информации в профессиональной деятельности;
- способами пополнения методических знаний на основе использования разнообразных источников, в том числе оригинальных и электронных, из разных областей общей и профессиональной культуры;
- способами критического анализа получаемой информации;
- культурой мышления и методами аргументированного изложения собственной позиции.

Определив цели и задачи учебно-ознакомительной практики, важно было создать такую структуру практики, которая позволила бы их максимально эффективно реализовать. Изучив опыт наших коллег, мы остановились на следующем варианте: чередование посещений уроков в школе (которые проводят лучшие учителя-предметники) и индивидуальные задания для бакалавров.

Но планы пришлось изменить в связи с начавшейся пандемией. Так как появились ограничения на посещение учебных организаций, нам пришлось оперативно корректировать формат практики. После непродолжительных дискуссий было принято решение приглашать учителей на встречу со студентами в университет, изучать опыт дистанционного обучения на примере конкретных уроков и оставить индивидуальные задания для бакалавров.

Для прохождения практики по расписанию был выделен один день в неделю. По составленному графику, встречи с учителями проходили раз в месяц. Чтобы показать бакалаврам различные уровни и ступени школьного образования, к ним были приглашены директора школ, завучи, учителя-предметники со стажем и молодые педагоги. Темами обсуждения стали такие темы как «Трудовой контракт учителя», «Методика преподавания истории подросткам с ОВЗ», «Как подготовить стобалльника по ЕГЭ», «Педагогические конкурсы: нужны ли они учителю?» и многие другие. Также, кроме школьных

учителей, у студентов была возможность задать свои вопросы педагогам, которые работали и в других образовательных сферах.

Особый интерес у студентов вызвала встреча с преподавателями, занимающимися репетиторством. Встреча получилась живой и очень динамичной. На ней удалось обсудить такие проблемы как правовая основа репетиторства, учебная литература по предметам, ответственность за качество знаний.

Интересным аспектом практики стали задания по школьному образованию в разных странах. Студенты сравнивали опыт российской, финской, американской, японской и других образовательных систем. Сравнительные характеристики получились развернутыми и нестандартными. Бакалавры отмечали, что это задание позволили им понять мировые образовательные тенденции и особенности российского школьного образования.

Живой отклик у студентов вызвало изучение госпитальной педагогики. Большинство практикантов услышало о ней впервые. Студенты узнали, что совсем недавно в нашей стране специалисты в разных сферах заговорили о том, что тяжелобольным детям и взрослым должен быть предоставлен тот же уровень качества жизни, те же образовательные ресурсы и возможности, которые есть у других граждан. Стали развиваться различные образовательные программы, которые интегрированы в лечебный процесс, процесс комплексной реабилитации данной категории детей.

Госпитальная педагогика должна иметь в своем арсенале специфические методические и дидактические приемы. Психолого-медико-педагогическая реабилитация больного ребенка включает в себя лечение ребенка в больнице или дома; обучение его в госпитальной школе; психолого-медико-педагогическая коррекция; помощь родителей; социальная помощь; обучение ребенка на дому; адаптация его в общеобразовательной школе [1].

Проблема психолого-медико-педагогической реабилитации требует взаимодействия многих специалистов. Во многих странах этой проблемой занимаются уже несколько десятилетий. С 1919 года в Европе создана

Ассоциация госпитальной педагогики (НОРЕ), которая объединяет более чем 15 стран. В этих странах существует отработанная система обучения и реабилитации больных детей [1].

Выделяют такие принципы госпитальной педагогики как:

1. Индивидуальный подход к каждому больному ребенку.
2. Учет психологических особенностей личности.
3. Всесторонняя помощь в процессе обучения больного ребенка.

Проведение медико-психолого-педагогической коррекции в целях эффективной реабилитации [1].

Подготовка педагогов для работы с больными детьми должна быть организована на курсах повышения квалификации или в педагогических вузах, где можно будет получить сведения о специфике различных заболеваний. Учителя, работающие в госпитальной школе, должны быть милосердными, добрыми, заботливыми. Они должны помочь больному ребенку поверить в выздоровление, приобрести знания и умения, которые помогут ему восстановить свое здоровье.

Но есть в реализации программ госпитальной педагогики и серьезные сложности. По закону «Об образовании» в России за каждым ребенком в бюджете закреплена определенная сумма на его обучение. Если ребенок относится к категории детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), то средства на его обучение выделяются с учетом этих ограничений.

До этого все виды больничных школ, которые существовали, работали по принципу, когда учителя рядом расположенных образовательных учреждений приходили к детям, которые длительно находились в больнице, в определенные часы.

Но с момента введения подушевого финансирования работа этих учителей стала невозможной, потому что деньги, предусмотренные на обучение ребенка, перечислялись в ту школу, в которой он учился до болезни и где, соответственно, находится личное дело ученика во время лечения. Поэтому, на

сегодняшний момент вопрос финансирования деятельности госпитальных педагогов остается неопределенным [2].

Изучение госпитальной педагогики не оставила студентов равнодушными. Проведенное анкетирование показало, что тема их заинтересовала и заставила серьезно задуматься об этом педагогическом направлении. Однако все 100% опрошенных заявили, что работать госпитальными педагогами они бы не смогли. Студенты справедливо отмечали отсутствие у них должного опыта, необходимого уровня медицинских знаний и соответствующей квалификации. Многие писали, что психологически не готовы работать с такими детьми и боятся не справиться с ответственностью. Вместе с тем, анкетирование показала, что у студентов в этом вопросе достаточно поверхностные знания и нет полной информации.

Еще одним дискуссионным направлением в ходе практики стало освоение бакалаврами формата TED-конференций. Изначально конференция TED, аббревиатура которой расшифровывается как «Технологии, развлечения, дизайн», была задумана как разовое мероприятие – в 1984 году его модерировал архитектор и дизайнер Ричард Сол Вурмен в калифорнийском Монтерее. В 1990 году конференцию решили проводить на регулярной основе, и вскоре она стала невероятно популярной. В 2001-м проектом начал руководить некоммерческий фонд Криса Андерсона Sapling Foundation. В 2005 году с появлением YouTube в истории TED случился настоящий прорыв. Год спустя Андерсон принял решение выложить записи TED Talks в свободный доступ. Выступления Билла Клинтона, Стива Джобса, Билла Гейтса и других знаменитых спикеров TED сразу стали интернет-хитами [3].

Студенты ознакомились с правилами конференции и требованиями к спикерам. А затем им было предложено для анализа выступление сэра Кена Робинсона, члена RSA, эксперта в области образования, популяризатора идеи об изменении образовательной парадигмы. Тема его выступления звучит неожиданно и даже несколько провокационно: «Образование убивает

творчество». Спикер считает, что корни этой проблемы стоит искать в прошлом – в середине XVIII века, когда зародилась сама идея об общем образовании.

Если посмотреть на типичное школьное расписание, то в его основе мы увидим дисциплины, полезные с экономической точки зрения – математика, естественные науки. То есть все то, что, согласно общепринятому мнению, может пригодиться в жизни. Все остальные дисциплины, относящиеся к творчеству, изучаются факультативно или не изучаются вовсе, поскольку, с экономической точки зрения, они совершенно бесполезны. Но почему во главу угла до сих пор ставится экономика, хотя никто толком не знает, какой будет экономическая ситуация даже к концу нынешней недели [3]?

Выступление Робинсона вызвало у студентов большой эмоциональный отклик. Удивительно, но почти половина из них привлекла к анализу идей спикера своих родных и близких. «Мы смотрели это видео всей семьей» – так начиналась практически каждая вторая студенческая работа. Мнения ребят были диаметрально противоположными. Кто-то считал идею Робинсона абсолютно верной, кто-то, что автор слишком однобоко рассматривает ситуацию. Но, без сомнения, именно это индивидуальное задание стало наиболее обсуждаемым в студенческой среде.

В заключение хотелось бы сказать, что наш первый опыт учебно-ознакомительной практики оказался достаточно успешным. Путем проб и ошибок, в сложной эпидемиологической ситуации, мы смогли поставить реалистичные и практико-значимые цели и задачи, подобрать оптимальную структуру работы и составить интересные и личностно-ориентируемые задания. Хотелось бы в будущем соединить удачные наработки с выходами в учебные учреждения, при этом сохранив баланс теории и практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенкова Е.А. Что такое госпитальная педагогика http://vsem-mirom.narod.ru/together/conf1_511.htm (Дата обращения: 24.02.2021).

2. Официальный сайт депутата Государственной Думы РФ Л. Туовой – Режим доступа: <https://tutova.org/%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BA%D0%B0.html> (Дата обращение: 23.02.2021).

3. Нагорная проповедь на Youtube: вся правда о конференциях TED //ESQUIRE: интернет-проект. 2020, 15 мая <https://esquire.ru/articles/39982-ted/#part1> (Дата обращения: 26.02.2021).

4. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/news/8/1583> (Дата обращения: 20.02.2021).

**«НА ПЕРВОМ МЕСТЕ МЫ СТАВИМ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И
СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ИМИ
ОПРЕДЕЛЯЕМ И ИМ ПОДЧИНЯЕМ»: К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА
ПРЕПОДАВАНИЮ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ШКОЛЕ.**

Петухова О.А.

Аннотация: В статье рассматривается история появления и развития в отечественной школе дисциплин предметной области «Обществоведение», показана эволюция их содержания, методологии и методики обучения в первые десятилетия существования Советской России, а также в современной российской школе. Автор, опираясь на исторические источники, учебную литературу и нормативные акты в сфере образования, анализирует соотношение воспитательного и научного наполнения дисциплин «обществоведение» и «обществознание».

Ключевые слова: советская школа; российская школа; обществоведение; обществознание; государственный образовательный стандарт; история России.

Пришедшая к власти осенью 1917 года партия большевиков не имела чёткой программы в области народного образования, поэтому в первые же месяцы своей работы Народный комиссариат просвещения начал эксперименты в отношении его форм, методов и содержания. Ценность классического образования ставилась под вопрос, уже в начале 1918 года сотрудники Наркомпроса – от руководителя до рядовых чиновников – признавали, что «советская школа выдвинула задачей не освежённую учёбу, а внутренний рост учащихся на творческой общественной работе, работе интеллектуальной, организационной и хозяйственно-практической», а потому «школе может быть дана только одна программа – ей надо помочь разобраться в естественно выдвигаемых жизнью задачах» [18, с. 2]. Идеал советского образовательного учреждения был воплощён в единой трудовой школе (ЕТШ). Заместитель наркома просвещения Н.К. Крупская представляла новый тип школы живым организмом, которому будет свойственно постоянное изменение и развитие:

«Школа должна готовить для жизни, жить интересами этой жизни, освещать все стороны её, только тогда явится она могучим средством преобразования этой жизни» [12, с. 33-34].

К весне 1918 года на обсуждение был вынесен проект «Основных принципов единой трудовой школы», где, помимо прочего, предполагалось преподавание в школе I ступени «энциклопедии, концентрирующей вокруг трудовых процессов» с постепенным переходом от изучения «того или иного продукта производства или элемента культуры» к «более расширенному циклу приблизительно тех же знаний, расположенному в систематическом историческом порядке». Указывалось, что «тот же предмет, превращённый в курс социологии на основе эволюции труда и создаваемых ею экономических форм при несравненно более технически точном и глубоком изучении усовершенствованных трудовых приёмов (машины) и достаточно богатом статистическом и юридическом изучении современного общества и его полярности (труд и капитал, социализм и капитализм), составит содержание трудовой энциклопедии в школах II ступени» [5, л. 36об.-37]. Уже в 1918/19 учебном году началась его поэтапная реализация. Так, например, были составлены опытные примерные программы по новому предмету – обществоведению. Его изучение планировалось в двух старших группах второй ступени – восьмой и девятой, за два года ученики должны были изучить историю труда от «первобытного коммунизма до империализма» и вопросы политэкономии эпохи империализма.

Однако, в условиях послевоенной разрухи, среди очагов гражданской войны и интервенции, школьную систему пришлось пересматривать – сократив на год каждую ступень, получили школу-«семилетку»; это стало одной из причин пересмотра содержания большинства предметов. В новой редакции программ 1921 года впервые вводился предмет «обществоведение» – для всех групп и ступеней школьного образования, причем для первой ступени – вместо истории. Предполагалось, что это будет «содействовать формированию мировоззрения нового человека, строителя социализма» [14, с. 150]. В отличие

от программ по другим предметам, программа по обществоведению была объявлена обязательной – с 1922/1923 учебного года. Также в 1922 году – как политическая необходимость «в условиях НЭПа и возрождения буржуазной идеологии» [15, л. 1] – в школьную практику вводилась «политграмота». Вопрос о её преподавании отдельным курсом был поднят по инициативе Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Крупская отводила политграмоте роль методологии обществоведения: «Цель преподавания политграмоты не только сообщение известной суммы знаний, но, главным образом, выработка у учащихся умения разбираться в фактах окружающей действительности, а для этого необходимо, чтобы они овладели методом подхода к общественным явлениям, научились бы оценивать эти явления, то есть ставить их в правильную связь со всей суммой общественных явлений» [13, с. 19]. Параллельно реформировалась система профильного образования в ВУЗах: они получали «Общественно-научный минимум»; классическое преподавание истории прекращалось, исторические факультеты закрывались, а вместо них открывались факультеты общественных наук (ФОНы).

С 1922/1923 учебного года в практику преподавания вводились «комплексный метод преподавания» и «программы-схемы» Государственного учёного совета (ГУСа) НКП по обществоведению, фактически представлявшие собой перечень изучаемых тем. Расшифровка «программ-схем» по обществоведению для школ I ступени была опубликована к началу 1923-1924 учебного года, школы II ступени получили их спустя год. Весь учебный материал располагался по разделам: природа, ее богатства и силы; «труд», понимаемый как использование этих богатств и сил человеком; общественная жизнь. Материалы этих разделов объединялись в комплексные темы. Переход на новые программы предлагалось осуществить постепенно, к 1927 году и, на какое-то время, оставить неизменными, «стабилизировать».

Ожидалось, что новые программы дадут большой простор для педагога: «Материал для проработки может быть, даже должен быть изменяем в зависимости от местных условий, даже от личного взгляда учащихся» [8, с. 70].

Основные дисциплины комплекса определялись в зависимости от возраста учащихся. В Сычёвском уезде Смоленской губернии на совещании по вопросам переподготовки учителей была озвучена следующая позиция: «Центральным пунктом, около которого может вращаться жизнь школы I ступени, может служить природоведение. Центральным пунктом школы II ступени может служить обществоведение» [3, л. 23об.]. Учёный-методист Б.Н. Жаворонков, обобщая первый опыт работы по обществоведению с учениками школ I ступени, на первое место ставил именно актуальность и современность содержания: «1) Изучение труда и жизни людей на своём личном опыте. 2) Изучение труда и жизни современного нам общества и труда и жизни людей в прошлом» [7, с. 76].

В руководящих документах педагогических инстанций всех уровней так же чаще говорилось не об образовании, а об общественном или даже общественно-политическом воспитании как содержании и цели работы школы [1, с. 30]. Показателен доклад, сделанный О. Бем на II Всероссийском съезде заведующих губернскими отделами социального воспитания: «Общественное воспитание складывается из трёх основных моментов: 1) воспитания социальных инстинктов, 2) воспитания общественных навыков и 3) воспитания общественного сознания. [...] Организация общественного сознания учащихся достигается тем образовательным материалом, который изучается и прорабатывается в детучреждении в школьные и внешкольные часы. Образовательная работа должна быть непосредственно связана с переживаниями, опытом ребёнка и подростка, и, беря их за исходный пункт, постепенно расширять горизонт учащихся». Обществоведению здесь отводилась особая роль: «В отношении организационного построения указанный материал должен изучаться и прорабатываться в школе с учащимися не в виде отдельных общественных наук, а в форме одной объединённой дисциплины обществоведения, построенной на широком освещении общественных явлений методом исторического материализма. [...] Этот же образовательный материал должен быть ... связан с самой практикой детской

жизни, со всем её укладом» [4, л. 13-13об.]. Таким образом, высокой научности от преподавания обществоведения никто не ожидал, главным считалось расширение социально-политического кругозора учащихся, помощь в осмыслении ими характера новых общественных отношений и сущности классовой борьбы, формирование их политического и нравственного сознания в соответствии с идеологией коммунистической партии.

Предлагалось «судить о том, как ведётся обществоведение в той или иной школе, по тому, прежде всего, как у детей развит интернационализм, является ли он у них чем-то вроде шестого чувства, каково поведение, как с общественно-полезной работой, как с религиозными сектами, антисемитизмом и т.д.» [19, с. 11-12] Педагоги, педологи, социологи приходили к выводу о том, что преподавание обществоведения в школе не оказало «почти никакого влияния» [9, с. 16] на формирование идеалов советских учащихся, и, как правило, их «обществоведческие представления очень неточны, порой совершенно неверны» [6, с. 6] даже по основным вопросам. Однако, в Наркомпросе считали, что успех - это лишь вопрос времени. Глава ведомства А.В. Луначарский был настроен на продолжение реформ: «Обществоведение в школах повышенного типа имеет совершенно исключительное значение в двух отношениях. а) Оно является основой политического воспитания, распространения в массах нашей, пока ещё мелкобуржуазной, страны марксистского мировоззрения, коммунистического, политического просвещения. С этой точки зрения работа эта, по меньшей мере, столь же важна, как политпросветительная работа среди взрослых или постановка правильного и широко понимаемого курса политграмоты в вузах. б) Оно является фактической основой всего повышенного образования вообще. ... обществоведение, не теряя своего политпросветительного характера, является ещё методическим фундаментом всей работы школ повышенного типа» [16, л. 115-116].

Первые же годы работы по обновлённым программам выявили необходимость их доработки и даже переработки: социально-экономические и

социально-политические реалии конца 1920-х гг. заметно отличались от зафиксированных программой в середине десятилетия. Переломным стал 1931 год, когда была провозглашена борьба за грамотность, за знания и, фактически, началось восстановление классического школьного образования. Пересмотр содержания дисциплин общественно-политического цикла, выделение из обществоведения исторических знаний показали его содержательную несостоятельность: перестав дублировать программу по истории, программа по обществоведению становилась ориентиром не столько для учебной, сколько для воспитательной работы. Поэтому, одновременные с разработкой и введением исторических курсов попытки реформировать школьное обществоведение в 1934-1936-м годах потерпели неудачу. Со второго полугодия 1936/1937 учебного года преподавание обществоведения было заменено кратким курсом Конституции СССР.

В дальнейшем, в советской школе неоднократно предпринимались попытки восстановления обществоведческого курса, но, всякий раз конъюнктурный характер его содержания приводил к кризисам преподавания, последний из которых случился во второй половине 1980-х гг. – в период широких реформ, проводимых в СССР по инициативе М.С. Горбачева. В 1992 году, уже в суверенной России, преподавание обществоведения в общеобразовательных школах было отменено.

Однако преподавание обществоведческих дисциплин во многих российских школах продолжалось – как в виде интегративного курса «Человек и общество», для которого вскоре были предложены учебники, так и в виде отдельных предметов, в частности – права (основ правоведения). Возвращение в старшие классы массовой общеобразовательной школы курса под обновлённым названием «обществознание» произошло в 2000/2001 учебном году.

Отношение преподавателей, особенно – опытных, заставших советское обществоведение, к новому курсу было настороженным – помня догматический характер содержания и строгие требования к преподаванию предмета в школе в

прежние годы, они крайне неохотно соглашались на соответствующие учебные часы. Автор статьи, на тот момент – молодой педагог, не имевший такого травмирующего опыта, – охотно взяла эту учебную нагрузку, разработала рабочую программу, составила календарно-тематическое планирование; в преподавании использовала оба новейших учебника – «Введение в обществознание» под редакцией Л.Н. Боголюбова и «Обществознание» А.И. Кравченко и Е.А. Певцовой. Помимо изданий, составлявших УМК, ориентиром в работе служил министерский сборник программно-нормативных документов, определявших объём и содержание учебного материала, так же известный как «предстандарт» или «стандарт-1998».

В краткой аннотации пособия под редакцией Боголюбова сообщалось, что в нём «рассматриваются проблемы социальных взаимоотношений. Учащиеся получают представления о социологии, социальной психологии, экономике, политологии, этике, праве. Учитывая возрастные особенности подростков, авторы сделали попытку приобщить школьников к современной экономической, политической, правовой, нравственной, экологической культуре, что является условием становления свободной и социально ответственной личности» [2, с. 2]. «В учебнике содержатся основы социологии, экономики, права, политологии и культурологи, а также рассматриваются основные явления развития общества» [11, с. 2] – сообщал своим читателям А.И. Кравченко.

Важной задачей при подготовке к урокам стала актуализация преподавания – подбор примеров и заданий, которые демонстрировали бы жизненность и важность изучаемого материала, создавали естественную мотивацию к освоению дисциплин, составляющих курс. Обществознание, особенно – в основной школе – далеко не сразу стало заметным и популярным предметом школьного курса, однако возможность сдавать по нему выпускной экзамен, в том числе – в виде реферата, способствовали изменению данной ситуации.

Особых организационно-воспитательных функций на него не возлагалось, это был типичный интегративный курс, построенный на блоковом изучении основ входящих в него наук. Предметно-содержательная направленность курса сохранилась и после принятия в 2004 году государственного образовательного стандарта (ГОС, «стандарт первого поколения») по обществоведению (включая экономику и право) и поэтапного начала его реализации в основной общей и средней общей школы (5-11 классы).

Заметные изменения проявились в принятом в 2010-2012 гг. федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС, «стандарт второго поколения»): при характеристике предметной области "Общественно-научные предметы" (ступень основного общего образования) прямо указывалось: «При изучении общественно-научных предметов задача развития и воспитания личности обучающихся является приоритетной» [17, с. 9]. «Разворот» современного школьного обществознания к советским «корням» закрепила принятая в декабре 2018 года «Концепция преподавания учебного предмета «Обществознание» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы». Авторы указали, что «главной целью преподавания и изучения обществознания в образовательной организации является формирование гармонично развитой личности, воспитание общероссийской идентичности, гражданской ответственности, патриотизма, правовой культуры и правосознания, уважения к общепринятым в обществе социальным нормам и моральным ценностям, развитие у обучающихся понимания приоритетности общенациональных интересов, приверженности правовым принципам, закрепленным в Конституции Российской Федерации и законодательстве Российской Федерации, создание условий для освоения обучающимися способов успешного взаимодействия с различными политическими, правовыми, финансово-экономическими и другими социальными институтами для реализации личностного потенциала в современном динамично развивающемся российском обществе» [10].

Предполагается «усиление взаимосвязей преподавания и изучения обществознания с реализацией программ воспитания и социализации обучающихся, социальной активностью обучающихся, возможностями социальной среды» посредством «эффективной интеграции рабочих программ по обществознанию с программой воспитания и социализации обучающихся на уровне целей, тематического планирования мероприятий, а также через использование значимых событий в рамках рабочих программ для получения и обобщения социального опыта. ...с социальной активностью обучающихся в рамках деятельности советов обучающихся, их участием в деятельности детских и молодежных организаций, волонтерских программах и проектах» [10].

Однако такой уклон входит в противоречие с другим фактом и другой тенденцией: с момента появления Единого государственного экзамена (ЕГЭ), обществознание является самым массовым экзаменом по выбору, в последнее десятилетие среди его участников оказывается примерно половина всех выпускников текущего года и участников экзамена – выпускников прошлых лет. Такая популярность связана с тем, что экзамен необходим для поступления на большинство нетехнических направлений подготовки, а также в педагогические ВУЗы. Выпускникам, выбирающим экзамен, необходима хорошая предметная, научная подготовка, а уклон в активизм и воспитательную работу этому, скорее, помешает.

Что ждёт школьное обществознание в ближайшие годы? Его вековое присутствие в программах отечественной школы, анализ опыта работы школы и отдельных педагогов могут показать эффективность/неэффективность различных сценариев. Однако необходимы поправки на современное состояние и уровень взаимодействия общества и государства, наличие массового стандартизированного экзамена, новейшие возможности использования в организации обучения технических средств. Интерес школьников к учебному предмету во многом определяется и личностью учителя, но специальная подготовка учителей обществознания проводится далеко не повсеместно – как

правило, его преподают учителя истории, а для преподавания отдельных блоков на профильном уровне директора школ стараются пригласить специалиста из ВУЗа или системы СПО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: становление «нового человека». – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.
2. Введение в обществознание: Учебное пособие для 8-9 кл. общеобразовательных учреждений / Л.Н. Боголюбов, Л.Ф. Иванова, А.И. Матвеев и др.; Под ред. Л.Н. Боголюбова. – 5-е изд. – М.: Просвещение, 2000.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-1575. Оп. 1. Д. 507.
4. ГАРФ. Ф. А-1575. Оп. 10. Д. 16.
5. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 368.
6. Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. Под редакцией и с предисловием В.Н. Шульгина. – М., 1928.
7. Жаворонков Б.Н. Опыт работы трудовым методом по обществоведению с детьми 8-12 лет на основе социально-трудоового воспитания // На путях к новой школе. – 1922. – № 2.
8. Картузов Н. В защиту программы ГУСа // Народный учитель. – 1924. – № 7.
9. Коновалов Н. Идеалы современного школьника // Уральский учитель. 1926. № 5-6.
10. Концепция преподавания учебного предмета «Обществознание» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы
11. Кравченко А.И. Обществознание: Учебник для 8-9 классов. – М.: ТИД «Русское слово – РС», 2000.
12. Крупская Н.К. Народное образование и демократия. – М., 1919.
13. Крупская Н.К. Общественное воспитание // На путях к новой школе. 1923. № 1.
14. Очерки истории исторической науки в СССР. Под редакцией Нечкиной М.В. и др. – Т. IV. – М., 1966.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 252.
16. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 113. Д. 249.
17. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС ООО).
18. Шапиро Л. Ждать ли программ? // Народное просвещение. 1918. № 20.
19. Эпштейн М.С. К вопросу о задачах обществоведения // Обществоведение в трудовой школе. 1927. № 2-3.

ФЕНОМЕН ДЕТСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА

Погодина О.А., Васильева О.Б.

Аннотация: Детское философствование возникает спонтанно и развивается как естественное вхождение ребенка в мир понятий и смыслов. Дети – по природе философы. Философское отношение к миру закладывается через философскую пропедевтику (культурное и образовательное явление). Условия философствования: удивление, сомнение, вопрошание, речевая игра, умалчивание, рефлексия.

Ключевые слова: философия образования; детское философствование; философская пропедевтика; рефлексия.

В современном обществе остро стоит проблема определения пути духовного развития. Существуют формальные определения: либерализация, гуманизация, толерантность. Тем не менее, не ясным остается то, на какой основе должны реализовываться эти идеи, поскольку формальное определение, говоря словами Гегеля, это в сущности пустое понятие, которое пока не получило содержания. Соответственно и эти определения нуждаются в нахождении способа наполнения.

Употребление понятия «гуманизм» весьма разнообразно, но чаще всего гуманизм выступает как понятие философско-идеологическое, и поэтому его исследования предписывают компетенции философских наук. Гуманизм в образовании – совокупность идей и ценностей, утверждающих универсальную значимость человеческого бытия в целом и отдельной личности в частности. Ключевая цель гуманитарного образования – формирование культурной и гражданской идентичности, а сама идентичность – ключевая компетентность, достигаемая в результате образования. Мера гуманизации образования и воспитания определяется тем, насколько оно создает предпосылки для самореализации личности, активизация ее познавательного, духовного, деятельностного потенциала. Стоит отметить, что политические, педагогические и философские дискуссии по теме гуманности и толерантности, а также существующие педагогические практики и программы, направленные на развитие толерантного сознания, на сегодняшний день не привели к желаемому результату.

Как известно, глубокая трансформация всех сфер российской действительности обусловила необходимость модернизации отечественного образования, главным условием которой является научный поиск парадигмы современной образовательной системы. На сегодняшний день предлагаются различные варианты формирования успешного, конкурентоспособного, компетентного человека; задаются стратегии его развития; переоцениваются

прошлые методологические подходы. Увы, они задают лишь некоторые формализованные ориентиры универсальной образовательной парадигмы, но не решают проблемы «тотального релятивизма» современной культуры, проблемы «экзистенциального вакуума» и «безопорности» существования ребенка.

Философия образования, на наш взгляд, должна сыграть ведущую роль в определении магистрального пути развития образования, как несколько столетий назад сыграла философия Просвещения. Философская установка на поиск, а не констатацию истины, делает ее наиболее эффективным механизмом образования – воспитания культуры мышления и миропонимания, в основе которой лежит диалог принципов и норм, ценностей и стандартов. Философия призвана стать основанием и соединить разрозненные фрагментарные предметные знания в системные, интегрированные идеями жизни и смерти, добра и зла, истины и заблуждения, красоты и уродства, любви и ненависти, силы и ненасилия, вражды и братства, толерантности.

Важную роль в этом процессе играет философская пропедевтика, инструментальность которой позволяет достичь ясности мышления, самосознания, мировоззренческой ориентации человека и подготовить «поле» для знания. Естественная склонность детей к вопрошанию и готовность к осмыслению «вечных» проблем способствуют запуску механизма саморефлексии. Интериоризация проблемной ситуации происходит в процессе *философствования* - активного постижения философии. Она осуществляется на трех уровнях: первый - поиск проблемы, загадок и парадоксов (распознавание философских вопросов в обыденной жизни), второй - формулирование проблемы, определение границ опыта и познания (теоретическая рефлексия), третий – рассуждение – выход на уровень практической рефлексии и устранение противоречий в познании, проявляющихся в «гносеологических барьерах» [4].

Философствование характерно для познающего субъекта вне зависимости от его возраста, уровня образования, социальной принадлежности

и т.п. Оно представляет собой некий основополагающий мыслительный и экзистенциальный опыт человека, процесс конструирования бытия, а значит, оказывает огромное воздействие на детские размышления по поводу его места в мире и отношений с миром [1, С.203]. Философствование онтологически связано с детством – феноменальным целостным мировосприятием и миропознанием через познание самого себя. Если ребенок – философствующий субъект по природе, а философствование предполагает самостоятельное размышление, то, будучи «ведомым» через философствование, он естественно обучается умению самостоятельно мыслить.

Первые попытки к оформлению мировоззрения и становятся началом стихийного философствования ребенка, которое с одной стороны есть единовременный процесс, а с другой – непрекращающаяся деятельность. *Условиями* этой деятельности оказываются такие процессы, как сомнение, вопрошание, речевая игра, умалчивание, рефлексивная деятельность. Акт сомнения для ребенка естественен, в то время как для взрослого – это гносеологический принцип. Сомнение взрослого направлено на проверку действительности или утверждений; это – «радикальное сомнение» (Р.Декарт). Сомнение ребенка тождественно *удивлению, причина* для вопрошания и *способ* осознать проблему. Сама процедура сомнения неизбежно приводит к деятельности по производству вопросов о мире, бытии, смысле, ценностях. И детское *вопрошание* становится не только основным способом получения искомой информации, но и способом философствования, в процессе которого «помечаются» смысловыми характеристиками значимые части этого мира. Необходимость ставить вопросы побуждает ребенка к развитию языка. Освоение абстрактных понятий в процессе языковой игры, речевое творчество, языковое конструирование являются средствами в потребности философствования ребенка. Языковые выражения, описывающие опыт переживания, становятся орудиями экзистенциального философствования [1, с. 207].

Философскими являются не только детские и юношеские вопрошания, но также *детское молчание*. По мысли В.В.Бибихина «ребенок мерит каждым словом полноту мира», для него, как для М.Хайдеггера, «язык – подлинный дом бытия». Именно поэтому дитя часто молчит, не отвечая на слишком очевидные вопросы взрослых. Ребенок умалчивает то, что его тревожит именно в настоящий момент. Область молчания указывает на особенности взросления ребенка. Способ философствования актуализирует молчание как часть постановки проблемы и ее решения в созданной ребенком философской картине мира.

В дальнейшем *детское философствование* продолжает свое развитие в играх. Дети – по природе философы; их условная, виртуальная жизнь базируется на кантовскую позицию «как если бы...», «как будто...». Детский мир не требует для своего бытия логического принципа утверждения истинности или ложности, а опирается на принцип игры. Ребенок может «играть» проблемой жизни и смерти также, как он играет со своими игрушками.

Одним из главных условий философствования является навык рефлексии, который развивается у ребенка в разном возрасте по-разному. Обозначим четыре основополагающих периода жизни ребенка, в которых обнаруживаются главные события, по поводу которых случается философствование. В эти периоды ряд вопросов ребенка принимают острую форму, и больше всего волнуют его именно в этот временной интервал. Это и есть сущность возрастного характера *детского философствования*. Так, например, дети дошкольного возраста в основном спрашивают взрослых об устройстве окружающего мира; начальные формы философствования выглядят как формирование системы знаний о наиболее общих законах (движения, природы, общества и мышления), отталкиваясь от обыденного знания. И говорить о классическом понимании философствования еще рано; это, скорее всего стадия «предфилософствования», «наивное философствование». Процесс *наивного философствования* основан на дотеоретическом, интуитивно-

созерцательном, дорефлексивно-непосредственном «схватывании» сознанием вопрошающего и интерпретирующего субъекта мира повседневной жизни [1, с. 205]. Постепенно рамки окружающего мира расширяются, его удивление становится опосредованно ориентацией в социальном пространстве индивидов. Младшие школьники чаще задаются вопросами о жизни и смерти, о разных периодах времени и на первый план выходят вопросы духовно-нравственной сферы, которая соотносится с философскими вопросами относительно сущности и значимости общечеловеческого бытия. Естественная склонность детей к вопрошанию и готовность к осмыслению философской проблематики корректируется в сторону смещения философских знаний на философствование. Как следствие, в процессе поиска ответа на волнующие вопросы, и формируется навык рефлексии.

Вечные философские проблемы, смысложизненные вопросы доступны пониманию детей. В подростковом периоде на первый план выходят проблемы из области человеческих чувств – любовь и справедливость, долг и ответственность. Это «пустыня отрочества» (по словам Л.Н.Толстого), переход через которую делает почти каждого человека на время философом экзистенциального толка. При достаточно развитом уровне рефлексии, в возрасте старших школьников и начинающих студентов появляются вопросы из классического взрослого философствования (В чем смысл жизни? Зачем я живу?). Т.о., стихийное философствование ребенка приводит к «оформлению» мировоззрения, когда логически оформленная философская рефлексия соседствует с глубоко эмоциональной, внутренне прочувствованной реакцией на окружающий мир и свое место в нем. Однако, высокий уровень рефлексивных переживаний и постановка серьезных «философских» вопросов не ограничивается этим периодом «метафизической интоксикации». Путь рефлексии от «Я – это мир» к «Я» и «Мир», а затем к «что Я знаю о Мире», в идеале, создает мировоззрение личности: «это Мой Мир» [3, с. 49].

Каковы же причины детского философствования? Первая, главная причина – проблемность индивидуального бытия человека в усложняющемся

мире. Вторая – возрастные особенности подростков и юношества: это периоды проявления особой сензитивности к проблемам внутреннего духовного развития и отношений с окружающим миром. Третьей причиной является высокая степень интеллектуального и психо-эмоционального развития. Но главной, четвертой причиной выступает внешняя по отношению к философствующему субъекту – наличие информационных, методологических и организационных условий.

Говоря о детском философствовании, необходимо обозначить следующие критерии данного феномена: синкретичность, практичность и не профессиональность. *Синкретичность* - разрозненность детского интереса, создающего общую картину мира ребенка. Это может быть сиюминутность акта философствования, бессистемность мышления, спонтанность, неосознаваемое «вдруг прорвало». *Практичность* заключается в скорейшем применении навыка детского философствования как познания и развития других навыков. *Не профессиональность* – в бессистемном его использовании, зачастую даже интуитивно.

В истории мысли изначально детское философствование не рассматривалось как полноценное явление. До середины XX века интерес к этому феномену рассматривался в трудах по педагогике и психологии, и сводился в основном к наработке базиса и развитию теорий о мышлении ребенка. Однако в последние 20-30 лет этот феномен стали рассматривать обособленно в философии. Впервые термин «детское философствование» был обозначен в работе Г.Мэттьюз «Философия и малыш». В настоящее время феномен детского философствования является одной из значимых проблем в философии образовательной деятельности.

Для ребенка философия – это в первую очередь поиск истины, стимулируемый удивлением, иррациональностью, интуитивностью. Отсутствие штампов, клише и стереотипов позволяет ему быть непринужденным при употреблении понятий высокой степени обобщения [5, с. 65].

Любой ребенок – активный субъект познания, но не самостоятельный, а ведомый учителем. Как его поведут? Куда он пойдет? Целенаправленное развитие природной склонности каждого человека к метафизическим размышлениям и есть тот путь, которым может обеспечить философская пропедевтика. Детское философствование является навыком, который возможно и нужно совершенствовать. При совершенствовании оно переходит во взрослое философствование. Навык детского философствования можно считать врожденным, однако он требует постоянного повторения и усовершенствования способностей личности, обладающей им. Однако это возможно только при «живом» диалоге с философом, а не восприятию готовой мысли как информации [6, с. 16]. Философская пропедевтика вводит в философию системно, в сжатой форме, предваряя более глубокое познание, изучение философии как учебного предмета в будущем. Поэтому необходимо говорить об особенностях философского образования для детей, понимаемого в качестве пропедевтического (и все же – эпистемного, мировоззренческого, инструментального, аксиологического, рефлексивного) [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов С.В. Эпистемологические проблемы генезиса философствования в первоначальной (наивной) форме) / Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 19. – № 1. – С.202-207.
2. Борисов С.В. «Человек философствующий»: исследование современных моделей философской пропедевтики. – М.: ПЕР СЭ, 2005.
3. Васильева Е.В. Онтологическая специфика детской философской рефлексии / Философия детям: Материалы междунар.науч.-практич.конференции, проведенной в честь 75-летия Центрального Ордена Дружбы народов Дома работников искусств. 27-29 января 2005г. / Под ред. С.И.Левиковой. – М.: Прометей, 2005.
4. Иванова О.Э. Методологические основы и гномеологические проблемы начал философствования. // Диссертация на сосискание уч.степ.кфн / Челябинский гос.пед.ун-т, Магнитогорск., 2002.
5. Погодина О.А., Васильева О.Б. Сократический диалог как средство образовательного взаимодействия с ребенком / Педагогическое образование и наука. 2020., – № 2. – С.64-68.
6. Погодина О.А., Васильева О.Б. Познавательного-возрастная шкала и возможности философствования / Педагогическое образование и наука. – 2019. – № 3. – С.15-19.

ПРОБЛЕМА СОВМЕСТИМОСТИ ИСТОРИИ КАК НАУКИ И КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ

В ТГПУ ИМ. Л.Н.ТОЛСТОГО

Ярцев С.В.

Аннотация: Статья посвящена проблеме совместимости истории как науки и как учебной дисциплины при организации и проведении музейной практики студентов-историков 1 курса, обучающихся по направлению подготовки «педагогическое образование» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н.Толстого. По мнению автора, равнозначный подход к решению проблемы совместимости истории как учебной дисциплины и как науки, дает возможность с наибольшей эффективностью осуществлять отбор содержания музейной практики студентов-историков в ТГПУ им. Л.Н.Толстого. Именно организация этой важнейшей части учебного процесса позволяет студентам исследовать исторические события во всем своеобразие процессов, явлений и действий, одновременно приобретая ценнейший опыт переживания и уважительного отношения к базовым ценностям российского общества.

Ключевые слова: история; наука; высшее образование; учебная дисциплина; практика.

Известно, что важнейшим элементом образования является практика. Однако эта часть учебного процесса всегда вызывала сложности в ходе ее проведения. Особенно много вопросов возникает по организации практики на гуманитарных специальностях в учреждениях высшего образования [3]. Ранее мы уже поднимали данную проблему, рассматривая ее в контексте фактора духовно-нравственного воспитания студентов [6, с. 15-19]. Однако не меньшей актуальностью обладают вопросы, связанные с отбором содержания указанной практики. Здесь, трудно не согласиться с Л.Н. Поповой и С.В. Кульпиным, что для организации этой важнейшей части учебного процесса необходимо максимально использовать ведущие научные организации и исследовательские институты. Последние должны выступать в качестве научной и производственной базы практики, в том числе и обеспечивать ее методическое сопровождение. Это вызвано тем, что в последнее время качество высшего образования все более становится зависимым от эффективного сотрудничества с ведущими научными организациями и исследовательскими центрами. Научная деятельность является обязательной частью процесса подготовки выпускников вузов. Она должна являться базой организации учебного

процесса, включая и практики. При этом очевидно, что именно привлечение студентов к научно-исследовательской деятельности, обеспечивает единство учебного и научного процессов [3].

Очевидно, что такая интеграция науки и образования, содействует трансформации методов обучения в вузе. Известно, что повышение проблемности и перевод данных методов в исследовательскую плоскость, обеспечивает более широкий путь студентам в мир науки, а также вносит динамическую составляющую в исследовательскую деятельность [5, с. 148-149]. Конечно, движение в этом направлении не может не оказать влияние на учебные занятия, включая их содержание, без качественного отбора которого подготовка квалифицированного специалиста в современном мире невозможна. По этой причине усиление научно-исследовательского компонента в образовании вряд ли будет оправдано без решения проблемы отбора научного знания в содержании учебных дисциплин и практик. За основу такого содержания можно будет взять как структуру конкретного научного знания, так и достижения педагогической теории и образовательной практики. Недавно была предложена и интеграция указанных подходов [2, с. 403-408].

Особенная сложность отбора научного знания в содержание дисциплин и практик наблюдается в гуманитарных специальностях и, в частности, в истории, ведь, как известно, последняя может выступать как в качестве учебной дисциплины, так и в качестве науки. В этой связи, содержание учебной музейной практики студентов-историков 1 курса направления подготовки «педагогическое образование» в ТГПУ им. Л.Н.Толстого, решается на основе равнозначности вышеуказанных подходов к истории (как учебной дисциплины и как науки) и отказа от поддержки крайних представлений на данную проблему. По нашему мнению, такой компромиссный вариант наиболее эффективен в деле подготовки профессиональных историков, так как учитывает специфику проведения исторических исследований, одновременно позволяя решать основные педагогические задачи, необходимые для формирования квалифицированного специалиста. Такие педагогические задачи традиционно

связывают с получением специальных знаний, умений и навыков, с помощью которых происходит становление гражданина, овладение правовыми нормами взаимодействия людей в обществе [1, с. 81]. Это полностью соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования и учебному плану указанного направления подготовки, по которым у студента-историка должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Исходя из них студент должен:

– знать особенности сложных взаимосвязей вещественного и духовного на примере сохранения памятников археологического наследия и музейных предметов исторического прошлого своего Отечества; технологию организации и проведения учебных экскурсий с учетом возрастных, индивидуальных и других социокультурных особенностей экскурсантов; особенности использования экскурсий как средства формирования ценностных ориентиров и гражданской позиции у экскурсантов;

– уметь самостоятельно определить и подобрать археологические, письменные и другие виды источников, необходимые для подготовки и проведения воспитательного мероприятия с целью уважительного отношения к историческому наследию и социокультурным традициям своего Отечества; конструктивно взаимодействовать с экскурсантами с учетом их возрастных, индивидуальных и других социокультурных особенностей в целях успешного выполнения профессиональных задач и социальной интеграции; правильно выбирать ценностные ориентиры и гражданскую позицию в ходе подготовки и проведения экскурсий;

– иметь навыки подготовки и проведения воспитательного мероприятия с целью уважительного отношения к историческому наследию и социокультурным традициям своего Отечества; конструктивного взаимодействия с экскурсантами с учетом их возрастных, индивидуальных и других социокультурных особенностей в целях успешного выполнения профессиональных задач и социальной интеграции; выбора ценностных

ориентиров и гражданской позиции в ходе подготовки и проведения экскурсий, а также аргументированного обсуждения и решения проблем мировоззренческого, общественного и личностного характера в ходе подведения итогов прошедшего воспитательного мероприятия.

Таким образом, подход к истории как учебной дисциплине при прохождении музейной практики студентов-историков в ТГПУ им. Л.Н.Толстого, в качестве основной задачи, предусматривает подготовку и проведение воспитательного мероприятия с целью уважительного отношения к историческому наследию и социокультурным традициям своего Отечества. Очевидно, что такой подход в целом полностью соответствует задачам истории как учебного предмета, способствуя формированию самоидентификации выпускника в современной социокультурной и образовательной среде, его ознакомлению с различными нравственно-этическими системами, образами жизни различных этносов в различные эпохи, мотивами поведения исторических деятелей и т.д. [2, с. 405]. Сюда также можно добавить крайне важное для молодых людей соприкосновение с доблестными традициями своего народа, невероятными подвигами героев, примерами стойкости и мужества наших людей. При этом особенно важный этап учебной музейной практики заключается в осуществлении анализа результатов проведенной экскурсии. Студенты подготавливают рекомендации по устранению проблем мировоззренческого, общественного и личностного характера, возникших в ходе проведения воспитательного мероприятия. Также необходимо выявить особенности социальной интеграции – взаимосвязи социума и человека (в виде характеристики степени совпадения целей, ценностей, интересов экскурсантов-школьников с социокультурными ценностями российского общества).

Однако, в ходе прохождения музейной практики и подготовки воспитательного мероприятия, есть вероятность осознания студентами исторического процесса исключительно через призму учебного предмета. Речь идет о своеобразном восприятии истории, по большей части в качестве исторической матрицы – «священной истории» с позитивистским изложением и

канонизированным историческим знанием [2, с. 407]. Знать и ориентироваться на такую генеральную историческую линию при подготовке экскурсии, разумеется, надо, но это не должно приводить к фальсификациям и искажениям исторических событий и фактов. В этой связи возможность подобного развития ситуации эффективно устраняется обязательной работой обучающихся с археологическими и письменными источниками. Именно поэтому исследование источников экскурсии, обязательно требуется для подготовки и проведения воспитательного мероприятия. С точки зрения такого подхода, музейная практика в ТГПУ им. Л.Н. Толстого вполне соответствует исторической науке, ведь она предполагает осознание исторического факта в качестве реконструкции прошлого на уровне источника и исследователя [2, с. 405].

Хорошо известно, что изучение истории без опоры на исторические источники приводит к упрощенному, можно сказать даже примитивному восприятию исторической действительности, превращает процесс познания в отчаянное блуждание в чужих интеллектуальных лабиринтах [4, с. 79]. В этой связи студенты-историки на учебной музейной практике в ТГПУ им. Л.Н.Толстого, свои письменные источники подвергают довольно подробному критическому анализу. Он включает в себя: уточнение названия сочинения или документа, информацию об авторе произведения с выводом о степени достоверности сообщаемых им сведений, состояние источника (характеристику различных редакций, фрагментарность, наличие искажений и другие особенности текста дошедшего до нас документа), наличие сознательных ошибок при копировании документа, тенденциозность автора сочинения, стереотипность в описании исторических событий, жанровые и другие особенности произведения. Проводимая научно-исследовательская работа, безусловно, помогает развитию аналитического мышления у студентов, учит их не только приобретать исторические и социокультурные знания о прошлом нашей Родины, но и выстраивать систему аргументаций, находить причинно-

следственную связь в исторических событиях, выявлять закономерности исторического процесса.

Таким образом, равнозначный подход к решению проблемы совместимости истории как учебной дисциплины и как науки, дает возможность с наибольшей эффективностью осуществлять отбор содержания музейной практики студентов-историков в ТГПУ им. Л.Н.Толстого. Именно организация этой важнейшей части учебного процесса позволяет студентам исследовать исторические события во всем своеобразии процессов, явлений и действий, одновременно приобретая ценнейший опыт переживания и уважительного отношения к базовым ценностям российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коновалова Е.А. Интеграционные взаимодействия образования, науки и производства как фактор прогресса современного российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Философия. – 2013. – № 2. (26). – С. 79-86.

2. Панов С.В. История как наука и учебная дисциплина: принципы отбора и дидактического конструирования содержания // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей / Научные труды Республиканского института высшей школы. – Минск: РИВШ, 2016. – Вып.16. – Ч.2. – С. 403-408.

3. Попова Л. Н. Интеграция науки и образования как важнейший фактор эволюции системы высшего образования России [Электронный ресурс] / Л. Н. Попова, С. В. Кульпин // Новые образовательные технологии в вузе: материалы X международной научно-методической конференции. – Екатеринбург, 2013. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/26610/1/notv_2013_155.pdf (дата обращения 01.03.2021).

4. Суслов А.Ю., Салимгареев М.В., Хамматов Ш.С. Инновационные методы преподавания истории в современном вузе // Образование и наука. – 2017. – Т.19. – № 9. – С. 70-85.

5. Юркина Л.В. Интеграция науки и образования: тенденции и возможности // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – С. 147-149.

6. Ярцев С.В., Шушунова Е.В. Археологическая практика как фактор духовно-нравственного воспитания студентов // Совершенствование организационной и методической работы университета для повышения качества подготовки по программам высшего образования / материалы XLIV учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, соискателей ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – Тула, 2017. – С. 15-19.

ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Екатерина Николаевна – ст. лаборант кафедры философии, истории, политологии и права ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»;

БИРЮКОВ Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»;

БУЛЛЕР Андреас – доктор философии, референт Министерства по социальным вопросам и интеграции Федеральной земли Баден-Вюртемберг;

БУТЕНКО Сергей Викторович – магистрант курса кафедры философии, преподаватель ГБПОУ «Волгоградский техникум водного транспорта им. адмирала флота Н.Д. Сергеева», ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»;

ВАН-ХААСКЕ Лейонис Аанрис – старший преподаватель АНО ВО «Московский международный университет»;

ВАСИЛЬЕВА Ольга Борисовна – кандидат политических наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»;

ВЕРЕЩАГИН Олег Александрович – кандидат философских наук, доцент Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»;

ВОЛКОВ Юрий Константинович – доктор философских наук, доцент Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»;

ВОРОНОВА Наталья Игоревна – кандидат философских наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»;

ГОРОБИЙ Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент ГБОУ ВО «Тверской государственный университет»;

ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент Среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская

академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

ГРИЦУК Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

ДАВЫДОВ Вячеслав Александрович – кандидат философских наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»;

ДЕМИН Илья Вячеславович – доктор философских наук, профессор ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва» (Самарский университет);

ЖИРКОВА Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»;

ИСАКОВА Любовь Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»;

КАЛАШНИКОВ СЕРГЕЙ ГЛЕБОВИЧ – кандидат философских наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»;

КАЛИНИНА Елена Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»;

КИСЕЛЕВА Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»;

КОЖЕВНИКОВА Оксана Николаевна – старший преподаватель ВФ ДВЮИ МВД России;

КОРНЮЩЕНКО-ЕРМОЛАЕВА Наталия Сергеевна – старший преподаватель ТУСУР;

КОСТЯКОВА Юлия Борисовна – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»;

КУКАРНИКОВ Дмитрий Германович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»;

КУПРИЯНОВ Олег Сергеевич – специалист по социальной работе ГБУЗ МО «ПБ № 6»;

ЛАРИНА Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»;

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»;

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена;

МАПЕЛЬМАН Валентина Михайловна – доктор философских наук, профессор ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»;

НИКИФОРОВА Анастасия Александровна - кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И.Герцена;

ПЕТУХОВА Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»;

ПОГОДИНА Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»;

РЫБАКОВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»;

СЫРОВ Василий Николаевич – доктор философских наук, профессор ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»;

ТРУБНИКОВ Виктор Михайлович – кандидат культурологии, доцент ФГБОУ ВО «Мурманский арктический университет»;

ЩЕРБАКОВА Лилия Валерьевна – кандидат культурологии, доцент
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет»;

ЯРЦЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им.
Л.Н.Толстого».

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Материалы IX Всероссийской научной конференции

23 апреля 2021 года

Ответственный редактор – С.Г. КАЛАШНИКОВ

Технический редактор – С.Н. Мироненко
Компьютерная верстка – Е.Н. Андреева

Подписано в печать 09.04.2021. Бумага офсетная, формат 60x90/16
Усл. печ. лис. 20,2. Тираж 500. Заказ №0080-14/н

140410, г. Коломна, ул. Зеленая, 30
ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

Отпечатано в редакционно-издательском подразделении
ГОУ ВО МО «ГСГУ», 140410, г. Коломна, ул. Зеленая, 30